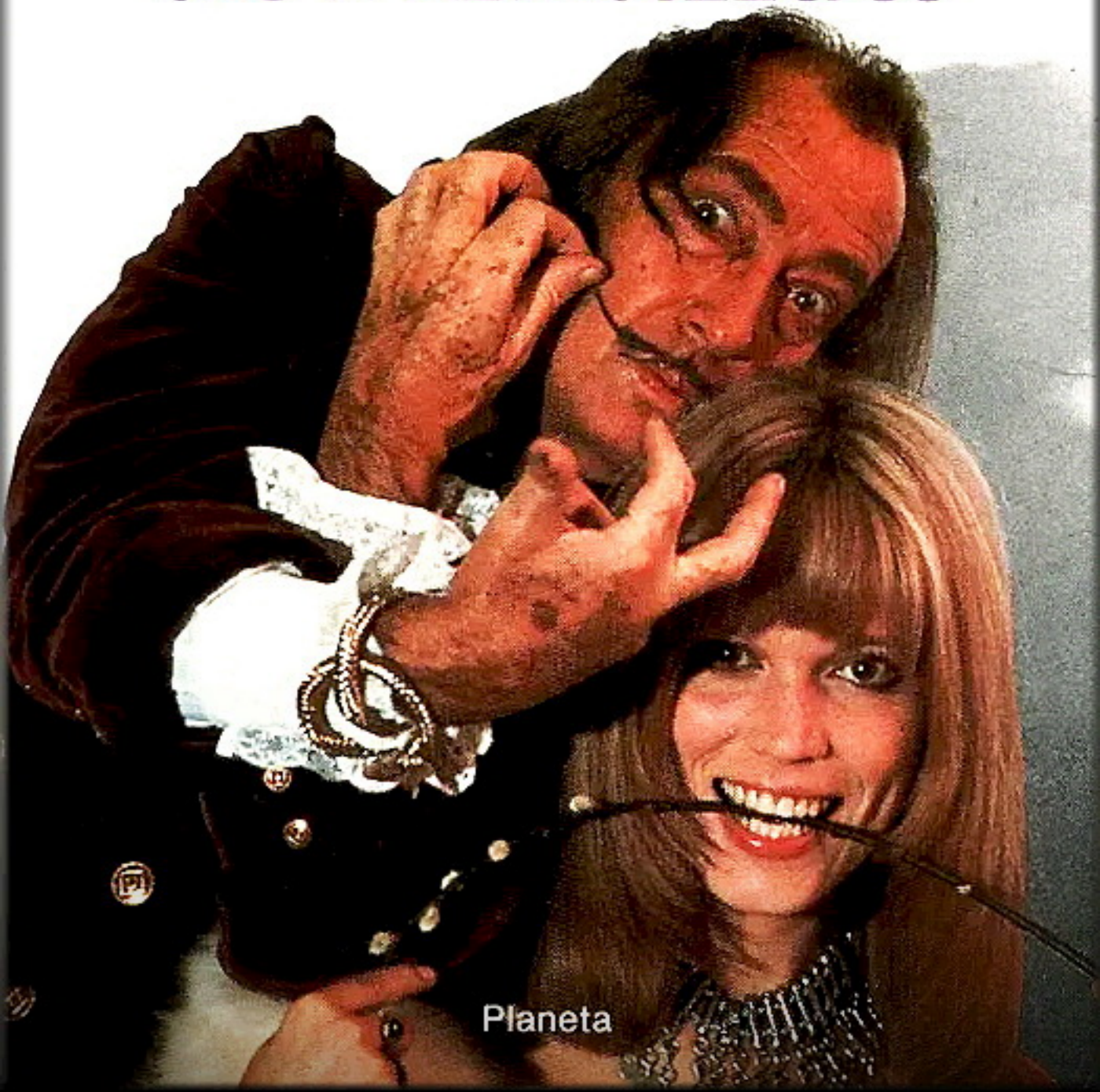
Amanda Lear

Quince años de íntima amistad
con el genial pintor.

El DALÍ de Amanda



Planeta

- Аманда Лир
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

Аманда Лир

"DALI глазами Аманды"

Глава 1

«Я — Верховная Свинья. Это символ, который учредил Карл V чтобы заменить все остальные символы совершенства. Свинья действует по-иезуитски, но она никогда не отступит перед «грязными лужами» нашего времени. Я предлагаю своим последователям изрядно поваляться в этих лужах, чтобы добиться цели. В самом деле, карьеристы такого рода являются лучшими карьеристами, которых только можно себе представить».

Сальвадор Дали

Весна 1965 года. Только что умер мой отец, и я, будучи студенткой Академии искусств, позировала для фотографий журналов мод, чтобы заплатить за курс рисунка и за маленькую квартирку на Слоан авеню в Челси, которую я снимала.

Я посещала музыкантов, непременно — фотографов и «художников-оформителей», которые разрисовывали футляры от пластинок и совершенно революционные платья. Нам нравилось чувствовать себя не похожими на других и иногда употреблять наркотики. Это было в моде.

Я осматривалась, ужасно скучая во время всех этих импровизированных вечеров у одного или другого художника, восседая на марокканских подушечках, мало разговаривая, поскольку музыка была слишком громкой, и держа в холеной руке плохо скрученную сигаретку с наркотиком, обжигавшую мои пальцы, покрытые кольцами. Густая челка, обязательная для богемных кругов 60-х годов, спадала на мои подведенные глаза, и,

Боже мой, какая я была тощая! Но все же я предпочитала не попадаться в разноцветную ловушку видений, спровоцированных ЛСД. Дух мой был и без того смутен, и любовный роман становился безысходным. Я была увлечена одним ирландским парнем с женским именем — Тара. Он был женат и к тому же (о горе!) был счастливым отцом двух очаровательных малышей.

Однажды в октябре я приехала в Париж, чтобы скрыться и от других, и от самой себя и… подружилась с директрисой агентства моделей, Катрин

Арле. Она предложила мне представлять коллекции Пако Рабанна, попутно овладевая азами профессии. Я выучилась ходить, делать пируэты, надевать дорогое платье и делать макияж. Остальное пришло с практикой.

Но мир тесен, и оказалось, что лучшая подруга Катрин, молодая немка по имени Анита Палленберг, влюблена в приятеля Тары, Брайана Джонса, гитариста из группы «Роллинг Стоунз». Она мне часто рассказывала о нем, и я была заочно очарована как самим Брайаном, так и его экспериментами с одеждой (уж право не знаю, что меня впечатляло больше!). Вскоре Анита бросила своего гитариста и сошлась с Кейтом Ричардом. Бедняга Брайан впал от этого в отчаяние. Тара забрал несчастного покинутого влюбленного в Париж, где жила богачка-мать моего ирландца, и вечером мы решили пойти обедать к «Кастелю», на улицу Принсес.

Разумеется, Брайан был одет как рок-музыкант, со всеми полагающимися атрибутами: черные очки, шейный платок, цепочки, шляпа с широкими полями. Тара тоже успел облачиться в костюм из сиреневого бархата эпохи английской Реставрации и рубашку с кружевным жабо. Что касается меня, то я носила тогда просто агрессивную мини-юбку и высокие сапоги… Что и говорить, наше появление было просто впечатляющим. У Кастеля я встретила двух приятелей из Лондона, близнецов Джона и Дениса, красивых и загоревших на южном солнце (они только что вернулись из Испании), которые попросили разрешения к нам присоединиться. Был там еще длинный стол, во главе которого подобием трона восседал Сальвадор Дали, окруженный жеманными молодыми людьми, фаворитами и… куртизанами.

В Академии искусств я была увлечена сюрреализмом, в особенности де Кирико и Магриттом. Одинокому ребенку, дочери разведенных родителей, мне были близки тоскливые театральные мизансцены первого и стоящая вне направлений и стилей поэзия второго. Дали не был особенно ценим большинством моих преподавателей, которые в лучшем случае держали его за эксцентричного чудака и сверх того — за весьма коммерческую персону, а в худшем — за предателя подлинного сюрреалистического движения, признавая, однако, его безукоризненный рисунок. Я, иначе и быть не могло, находилась под их влиянием. Однако в Галерее Тейт я частенько проводила долгие послеполуденные часы, созерцая несколько полотен Дали, переданных музею Эдвардом Джеймсом, особенно «Нарцисса, воплощенного в руке, держащей яйцо». Однако первые хиппи, прибывшие из Соединенных Штатов, только им и бредили. Они его находили «психоделическим», несмотря на его пристрастие к буржуазной жизни и на его меркантильность. Короче говоря, Дали был

одним из наших, и я не отказывалась от идеи встретить его во плоти и крови.

Он поднялся, чтобы нас принять, удостоил меня чем-то вроде поцелуя руки и помпезно вскричал:

— Ох! Приветствую! Я вижу, что Диоскуры сегодня хорошо потрудились.

Затем, не спросив наших имен, он представил нас своему двору:

— Мадемуазель Жинеста, Rollingstone, господин виконт де… Вы ведь действительно виконт, не правда ли?

Тара прыснул со смеху, а Брайан (это было заметно даже за его очками) вращал выпученными от изумления глазами. Я же почувствовала, что Дали издевается над нами.

— Меня зовут Аманда, а не Жинеста. Он, «виконт», — Тара. А Rollingstone — Брайан Джонс, вы его знаете, я думаю.

— Конечно, естественно, знаменитый поп-музыкант, — ответил Дали.

Его английский был просто смешным, и он преуморительно выговаривал «р».

— Аманда, — сказал он, — но это прелестно! В моем дворе еще не было Аманды. У нас есть святой Себастьян, даже один Красногвардеец, Кардинал, Единорог… Садитесь рядом с Людовиком XIV, прошу вас. Она очень хорошо говорит по-английски. Вы знаете, Людовик XIV говорила по-английски в Нью-Йорке с Гретой Гарбо…

Эта тирада стала для меня еще более загадочной, когда Людовик XIV оказался блондинкой, увешанной драгоценностями, которая задала мне пару вопросов по-английски.

Дали был наполовину лыс, слегка толстоват. Я нашла его претенциозным и, что таить, смешным со своими навощенными усами и жилетом, расшитым золотом. Он потрясал при каждой фразе тростью с позолоченным набалдашником. Его двор состоял из профессиональных «девственниц» и педерастов жанра мальчиков-парикмахеров. Он скоро поднялся, объявил, что собирается идти спать, поскольку «Гала не любит, когда я ложусь поздно», уточнив, впрочем, что мы можем остаться и что мы сегодня в числе его приглашенных. Людовик XIV и еще одна юная особа поднялись следом за ним.

Остановившись передо мной, он опять удостоил меня чем-то вроде поцелуя руки и спросил, смогу ли я пообедать с ним завтра. Не дожидаясь моего ответа, он добавил:

— Приходите с вашим другом. Я буду ждать вас у «Лассера», вы знаете это место? Тогда ровно в час.

И он прошествовал к выходу в благоухании тубероз (одна тубероза была у него за ухом, а другую юная дева-паж несла в руке, как свечу).

Брайан был восхищен: «He's crazy man, completely crazy!» Близнецы нам разболтали, что они встречались с Дали в Кадакесе, на Коста Брава, перед его домом. Увидев их в окно, он пригласил их попозировать ему. Близнецы его держали за чудака, но достаточно спокойного. Одной из его маний было давать людям прозвища, поскольку он находил настоящие имена слишком прозаичными и труднопроизносимыми. В результате Джон и Денис стали Диоскурами, близнецами из греческой мифологии. Все юные блондинки нарекались «Жинестами», по названию желто-золотистого цветка, который цветет весной на берегу Средиземного моря, тощие юноши и девушки были святыми Себастьянами, некоторых бледненьких моделей-мужчин он называл Христами, пресных и хорошо воспитанных светских снобов — рыбным филе. Он сумасшедший, совершенно сумасшедший…

Почему Дали захотел с нами познакомиться? Потому что мы были молоды, потому что мы были англичане и в некотором роде «ряженными». Дали обожал окружать себя эксцентричными яркими людьми; он любил, чтобы его замечали, любил играть роль короля и иметь двор, всецело ему преданный. Мэтр заставлял называть себя «божественным Дали».

Все это было слишком смешно для меня. Как может такой великий художник вести себя так по-детски, окружать себя дебилами, будучи в то же время самовлюбленным?

Вечер окончился очень поздно, и я заснула в объятиях Тары, в его парижской квартире, стены которой были увешаны полотнами Магритта. Его мать, которая не очень-то любила свою невестку, одобряла наш роман, и поэтому я была слишком довольна создавшейся ситуацией, чтобы размышлять о событиях прошедшего вечера.

На следующий день Брайан уехал в Лондон, а Тару, казалось, веселила перспектива пообедать у «Лассера». Я тщательно накрасилась, надела мини-платье из фиолетового шелка, натянула сапоги, доходившие мне до колен, и все мои фетишистские кольца (в то время мы были суеверны). Бесполезно говорить, что наша пара не соответствовала атмосфере ресторана, тем более что мы опоздали. Мы всегда опаздывали.

Дали сидел за длинным столом в глубине зала, около окна. При свете дня он оказался смуглым, но черты лица у него были мертвенные. Было отчетливо видно, что он подкрашивал себе усы кончиком черного карандаша. За его столом сидели близнецы, Людовик XIV и какая-то блондинка, которую он представил нам как «Адвокатессу». На нем самом

был тот же костюм из порыжевшего бархата, тот же блестящий жилет и парчовый галстук со значком, который я не заметила раньше.

— Извините нас, дорогая, мы уже начали, но я заказал вам садовую овсянку. Вы ее любите, я надеюсь?

Я не знала, что это такое, и перспектива съесть что-то, что могло оказаться только экстравагантным (что это может быть что-то вкусное, я и не надеялась), меня устрашала.

— Садитесь, я вас прошу. Я не встаю, извините, я повредил ногу в Сант-Морице…

— Еще бы! — возопила Людовик XIV. — Она не скоро пройдет, эта нога. Я пришлю к вам своего специалиста.

Нога, поврежденная в Сант-Морице, была чистой выдумкой. Дали ненавидел горы и еще больше снег, о чем, впрочем, я узнала позже.

Людовик XIV сидела от него слева, Адвокатесса — справа; для меня он приберег место напротив себя.

— На ней аметистовое платье, вы видите, — заметил Дали. — Очень хорошенькая, замечательно сложена…

Его глаза изучающе рассматривали меня при свете, падавшем из окна.

— Вы китаянка?

— Нет, англичанка.

— У вас очень красивый череп. Ваше Величество, посмотрите на отменное качество скелета Аманды.

Комплимент был странным. Никто мне еще не говорил, что у меня красивый череп.

Другим сюрпризом было то, что он запомнил мое имя, хотя в течение всего обеда называл Тару «Ваш друг». Людовик XIV была очень забавной и без конца задавала мне вопросы. В разговоре Дали с Адвокатессой всплывали имена вроде Дадо, Капитан, Кардинал, Персик, Дофин. Дали иногда «переводил» мне: Дадо был князем Дадо Русполи, капитан Мур — секретарем Дали, который занимался его делами и контрактами; Кардинал Филипп — одним молодым писателем; Персик и Дофин — дочерьми Людовика XIV, молодую блондинку Адвокатессу звали Женевьевой Гюитри. Это было устоявшееся окружение Дали, его наиболее интимные друзья. Но были еще куртизаны, с которыми он обращался более или менее грубо — в зависимости от их ранга. По всей видимости, Дали был роялистом.

— Я монархист, католик. Вы узнаете булавку Альфонса XIII, не правда ли? — спросил он меня, указывая на бриллиантовую монограмму, увенчанную королевской короной, которая была приколота к его галстуку.

Я не знала, кто такой Альфонс XIII, и почувствовала себя полной невеждой. Но Дали не подавлял гостей своим превосходством. Конечно, он слушал сам себя, манипулируя цитатами, но иногда он мог объяснить что-то достаточно любезно. Он много смеялся, кажется, Людовик XIV его ужасно веселила. Внезапно он спросил, лесбиянка ли я. Я была ошарашена.

— Все девушки немного лесбиянки и все молодые люди немного педерасты. Ваш друг, я думаю, любит мальчиков, как всякий первосортный англичанин?

Тара нервно засмеялся. Что касается меня, я не могла понять эту потребность шокировать любой ценой, конечно, это была сюрреалистская манера, но в кругу друзей я считала ее излишней. Дали обратил внимание на мою худобу и объяснил, что «скелет — это самая важная вещь, потому что это единственная структура, которая идет в счет, и единственное, что остается после смерти». Потом я поняла, что именно поэтому он так восхищался раками, которые носят свой скелет снаружи, а свою плоть внутри, в отличие от людей. Девушки, позировавшие ему, должны были иметь очень выступающие бедра, чтобы быть «хорошего качества». Для Дали быть «хорошего качества» значило быть жизнелюбивым, и он спросил меня, жизнелюбива ли я. Короче говоря, этот старый сумасшедший обладал неоспоримым шармом и, кроме того, от него исходил соблазн, который уже начинал на меня действовать.

Затем он заговорил о наркотиках, утверждая, что он их никогда не употреблял, но разболтав, впрочем, что именно ему рассказывал Пикассо, когда баловался ими:

— Он воспринимал время искаженно, для него проходили целые часы, пока он наливал воду из кувшина в стакан.

Дали похвастался, что он единственный художник, который не принимал ЛСД.

— Мои картины, как видения наркомана, галлюцинации, хотя для этого я не вынужден был принимать галлюциногены. Вы знаете, что ЛСД плохо действует на здоровье. Ваше Величество, вы помните Нену, которая ослепла из-за того, что принимала их, когда жила со своим тибетским монахом? Вы злоупотребляете наркотиками, малышка? — спросил он меня.

Он впервые назвал меня «малышкой». Это при моем росте — метр семьдесят шесть!

— Я ими балуюсь, — пробормотала я. — Все в Лондоне ими балуются.

Внезапно Дали заметил, что я ношу маленький радужный значок с надписью: «ЛСД проникает в вашу голову, а не в ваши руки».

— Вы сами еще и рекламируете ЛСД, — сказал он. — Интересно, что вы видите во время ваших видений? Изабель говорит, что она видит маленьких китайцев; один раз она видела медведя.

Изабель Дюфресне, которую во времена андеграундных войн называли «Ультра Фиолет», жила тогда в Нью-Йорке и общалась с Энди Уорхолом. Я тоже могла бы рассказать, что видела китайчат, которые бегали вокруг моей чашки, но это было не к месту. Я все же попыталась неловко описать цвета, ощущение глубокого знания, полного блаженства… Дали засмеялся.

— Цвета, цвета… Все мне рассказывают про это. Уколоться, чтобы в конце концов увидеть цвета… Пойдите лучше в музей Гюстава Моро! Вы ведь были в музее Гюстава Моро, не правда ли?

Нет, я не была в музее Гюстава Моро.

— Это вам очень понравится. И вы увидите подлинные видения. Не засиживайтесь у «Кастеля» и пойдите завтра в музей.

Я приступила к поглощению садовой овсянки, которая казалась мне очень вкусной до тех пор, пока Дали не рассказал, каким именно образом садовых овсянок душат, чтобы их мясо было нежным. Казалось, он упивался этой жестокостью, без сомнения, чтобы меня шокировать. В конце обеда он испустил крик, который заставил всех вздрогнуть, а потом процитировал что-то по-испански.

— Это из «Дона Хуана Тенорио», вы узнаете?

Нет, я ничего не узнавала. Боже мой, сколько всего я узнала от этого исключительного и, без сомнения, гениального человека, «божественного Дали», как он себя сам называл!

Выходя от «Лассера» и влезая во внушительный черный кадиллак, ожидавший его, он спросил нас, сможем ли мы поужинать с ним и несколькими его друзьями завтра вечером. Я снизошла к его просьбе. Он сильно пожал мне руку и, глядя мне в глаза, бросил:

— Теперь мы не расстанемся больше, вы понимаете?

Он говорил правду.

Глава 2

«Я согласен с Мигелем Унамуно, автором «Трагического ощущения жизни». Когда у него спрашивали, что такое любовь, он отвечал очень просто: «Любовь — это моя жена! Если она вдруг почувствует боль в левой ноге, я почувствую то же самое». Подобное происходит со мной, когда Гала страдает или радуется. Вокруг меня может быть множество людей, эротичных или куртуазных, но если они умирают, если они болеют, я не испытываю ни малейшего огорчения. Напротив, меня посещает удовлетворение, спровоцированное моим садистским инстинктом. Гала является единственным исключением».

Сальвадор Дали

Эта встреча сбила меня с толку. До сих пор Тара был самым дорогим для меня человеком. Конечно, все, что со мной произошло, произошло совершенно случайно, но благодаря Дали передо мной приоткрылся целый мир, мир, который располагался где-то вне замкнутого пространства рок-музыки, наркотиков и моды, в котором я вращалась. Возвращаясь к Катрин Арле, чтобы пополнить свой кошелек, я то и дело перебирала в памяти обрывки вчерашнего разговора: я думала о видениях и галлюцинациях, в которых галлюциногеном становится искусство, ведь именно это хотел мне сказать Дали, заявив, что минеральная вода — его любимый наркотик; с недоумением вспоминала его странное заявление, что я лесбиянка, и его издевательские рассуждения о сексе. Он любит фиолетовый, цвет литургический и церемониальный, но он ненавидит котов, тогда как я их обожаю. Он рассказывал, как он их убивал в Кадакесе, когда от них просто некуда было деться. Он роялист, он обожает роскошь…

Вдруг я вспомнила, что в течение всего вечера мы не говорили о живописи. Я даже не попыталась дать ему понять, что в Лондоне я занимаюсь живописью и учусь в Академии искусств. Однако как же тогда мне узнать, кто его любимые художники и нравятся ли ему прерафаэлиты, которыми я так восхищалась в Тейт-галерее? Рисует ли он в Париже или

только в Испании? Осмелюсь ли я спросить его об этом сегодня вечером?

Тара, казалось, не имел большого желания отправиться в отель «Мерис». Ему предстояла крайне неприятная беседа с адвокатом. Он хотел развестись и заставлял меня подписывать разные бумаги. Я это делала неохотно, но, чтобы получить опеку над своими двумя детьми, он должен был доказать неспособность к этому их матери. Я же была так влюблена в него, что готова была сделать все, что угодно, для его удовольствия.

В отеле «Мерис» портье привел нас на первый этаж, в 108-й номер, который занимали Дали с Галой. Там уже было полно народу: разодетые женщины, среди которых была одна миниатюрная особа с уморительным акцентом — ее звали Мафалда Дэвис, она занималась продажей картин Дали, конечно, Людовик XIV, близнецы, князь Русполи, необыкновенно вальяжный и любезный. Он непринужденно смеялся в ответ на остроты Дали.

Мы опять оказались «ряженными», и Дали с гордостью представил нас своему двору, поскольку мы были его последним приобретением. Шампанское лилось рекой. Вокруг были цветы, много цветов, канделябры, лепной потолок, огромные зеркала. Да, Дали обожал роскошь и украшения. Когда мы выходили из номера, чтобы отправиться в ресторан, он сжал мою руку, втолкнул меня в лифт и прошипел мне на ухо: «Как только вы вошли в комнату, все присутствующие дамы на мгновение почувствовали себя устаревшими. Неужели вы этого не заметили? Они сверлили вас глазами, они обсуждали вашу короткую юбку, они были в бешенстве…»

Казалось, он упивался ревностью, которую я возбудила в его придворных. Конечно, во всяком дворе должна быть фаворитка. Я спрашивала себя, была ли это Гала, загадочная Гала, которую я еще не видела и про которую говорили, что она просто злая старуха. Я спросила у Дали, смогу ли я увидеть Галу.

— Гала приезжает завтра, — ответил он. — Вы увидите — это совершенно необыкновенное существо, я не могу жить без нее.

Он не уточнил, однако, что в это время Гала была в Цюрихе, где она занималась их финансовыми делами. Гала была деловой женщиной, а Дали развлекался в Париже, ожидая ее. Будет ли он таким же после ее возвращения? Фаворитка на один вечер, я была удостоена чести опираться на его руку, тогда как в другой он сжимал свою трость, как королевский скипетр. Вскоре Людовик XIV, Тара и я разместились в кадиллаке, чтобы ехать к Лейдену, тогда как остальные приглашенные должны были добираться туда, как им вздумается.

Леонор Фини не заставила себя ждать. Она тоже приехала со своим

двором. Она была не менее экстравагантна, чем Дали. Из-под ее платья виднелись только кончики туфель, она носила плащ волшебницы, звезды в волосах и «скипетр» в руке. Видимо, она спрашивала себя, кто я такая. Я увидела, как Дали наклонился к ней и что-то тихо сказал ей на ухо.

По всей видимости, он говорил обо мне. Леонор Фини, слушая Дали, внимательно меня рассматривала, время от времени покачивая головой в знак одобрения. Дали объяснил мне позже, что она лесбиянка, о чем я уже начинала подозревать. Он добавил, что в доме у нее полным-полно котов. Она пригласила всех к себе обедать на следующей неделе и сказала Дали, чтобы он обязательно привел меня с собой.

Обед был нестерпимо длинным и фальшивым, как убранство помещения. Тара, которого плохо усадили, заметно нервничал. Я тщетно пыталась почувствовать хоть какой-нибудь голод. Фотограф не переставал нас щелкать, пианист наигрывал тоскливые мелодии.

Дали мне сказал, что он обожает эту «замечательную похоронную музыку» и попросил, чтобы для него исполнили «Ловцов жемчуга» Массне, любимую арию его отца, нотариуса из Фигераса. Он рассказывал о своем отце с гордостью, хотя тот и выгнал его из дома после женитьбы на Гала. Я находила Дали все более и более очаровательным. Я быстро забыла его навощенные усы и его мишурную одежду, настолько меня очаровало то, что он говорил, и впечатлила его любезность. И поскольку Леонор Фини была художницей, я наконец-то осмелилась сказать, что тоже вожусь с кистями. Он посмотрел на меня крайне удивленно:

— Вы занимаетесь живописью? Это ужасно. Хуже всего, когда женщина занимается живописью. У женщин нет никакого таланта. Талант, исключительно мужское свойство.

— А Леонор Фини? — спросила я, понизив голос.

— Тоже. Конечно, она немного лучше, чем другие. Но талант содержится в сперме, а у женщин ее нет. Вы согласны?

На это трудно было что-то возразить.

— Слыхали ли вы когда-нибудь о великих женщинах-художницах, которых можно было бы сравнить с Веласкесом или Микеланджело? Нет, Вы слыхали только о мужчинах. Талант, способность к созиданию помещается в яйцах. Созидание для женщин — это продолжение рода, они делают детей, но они никогда не смогли бы расписать Сикстинскую капеллу!

Леонор Фини, сидевшая напротив нас, делала вид, что она ничего не слышит. Поскольку князь Русполи сидел справа, Дали посчитал нужным мне сообщить:

— Вы знаете, что у Дадо самый большой член, который вы когда-либо видели?

Я была неприятно уязвлена этим грубым и беспардонным сообщением.

— А ведь именно я его женил, — не унимался Дали. — Я представил ему Нэнси-Угольщицу, его будущую жену. Она мне позировала для иллюстраций к Библии, вы знаете об этом?

— В самом деле? Для изображения святой?

— Я нарисовал ангела благодаря ее заднице, чудесного ангела. У нее очень красивый зад. Я заставил ее усесться прямо в черную тушь. Отпечаток ее зада походил на крылья ангела. Этот рисунок был в Библии, которую папа благословил. Когда я рассказал об этом Дадо, он закричал: «Я должен жениться на этой девушке, это необыкновенно!» Вы заметили, Дадо всегда повторяет: «Это необыкновенно!»

Да, слишком уж легко впадал в энтузиазм этот итальянский князь! В этот вечер он был одет в костюм из черного бархата с тяжелой золотой цепью на груди. Он любил Восток, Таиланд, загадочное и сверхъестественное. Этими пристрастиями отличались, впрочем, многие люди из окружения Дали, которые видели в мэтре мага, визионера и посвященного. Дадо был первым, кто задал мне ритуальный вопрос богемы:

— Какой у тебя знак Зодиака, Аманда?

— Я Скорпион, родилась в ноябре.

— Ах, — вскричал Дадо, — я это подозревал. С этими жалящими глазами ты настоящий скорпион. Дали, берегитесь, она хочет вас ужалить!

Дали поднял глаза к потолку и вздохнул:

— Так и есть, мы все-таки не избежали этого разговора. С Дадо это было бы невозможно. Знаки Зодиака! Самый бесполезный, самый банальный разговор на свете! В Нью-Йорке шагу нельзя ступить на вечеринке, чтобы вас не спросили: «What is your sign?» Как будто это имеет какое-то значение!

Потом он обернулся ко мне:

— Аманда, я сообщаю вам раз и навсегда: я — Козерог, Гала — Дева, Людовик XIV — Лев, Дадо — Стрелец. И больше не заговаривайте об этом со мной, если вы хотите остаться моим другом.

— Но я вовсе не Лев, я Водолей, — тоненьким голоском запротестовала Людовик XIV.

— Это одно и то же, — настоял Дали. — Людовик XIV и Наполеон были Львами. Лев — это знак величия.

Для того, кто презирает астрологию, он был слишком хорошо информирован.

— Но вы же верите в магию, — вмешалась Леонор Фини.

— В магию? Верю. Советую вам прочитать книги Раймонда Лулля, посвященные магии, рецепты повседневной магии Джанбаттиста Делла Порта, книги по герметизму, Фрейда наконец. Вы ведь знакомы с теориями Фрейда о суевериях; Вы читали «Тотем» и «Табу»?

Конечно, я не читала Фрейда. Мой круг чтения совпадал с кругом чтения моих ровесников в Лондоне: Герман Гессе, Толкиен, «Пророк» Калхила Гибрана, легенды о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Но я все же интересовалась магией.

— Суеверие — самая примитивная и древняя из существующих религий, — продолжал Дали. — Человек всегда нуждался в магии, и суеверие является не чем иным, как бытовым приложением магии к текущим событиям. Например, вы перевернули соль: тотчас же, чтобы предотвратить неприятности, которые могут за этим последовать, вы бросаете щепотку соли через плечо. На самом деле неловкость, из-за которой вы перевернули солонку, не что иное как предупреждение. Вы перевернули солонку, потому что в это время принимали какое-то важное решение, и ваше подсознание решило предупредить вас: берегитесь, не подписывайте контракт, который вы должны подписать, что-то не в порядке, лучше подождать до завтра. Вот для чего нам суеверия!

Я пообещала себе прочитать Фрейда и призналась Дали, что я суеверна. Я избегала лестниц, опасалась среды 13-го, никогда не носила зеленое.

— Зеленое! Никогда не надевайте зеленое! Людовик XIV, вы помните ужасную катастрофу, которая случилась в тот вечер, когда вы надели этот противный тюрбан цвета зеленого попугая, как у Кармен Миранды? Что касается среды, то мы в Каталонии говорим об это так: «El martes no te cases ne t'embarques» («В среду не женись и не отправляйся в путешествие»).

Дали часто вкраплял в свою речь каталонские выражения. Его родная провинция во многом повлияла на него, и я обожала эту смесь светской софистики и сельской простоты. Он часто цитировал некоего Пужоля, поэта из Ампурдана, и вспоминал пословицы рыбаков с Коста Брава.

— На всякий случай, — закончил он, — у меня есть дерево.

Вслед за этими словами он вытащил из кармана своих брюк скомканный пакетик, перевязанный веревочкой. Это был носок в серую полоску, в котором находилось что-то твердое и небольших размеров.

— Это самая драгоценная вещь, которая у меня есть на свете; это кусочек дерева, который всегда приносит мне счастье; я никогда с ним не расстаюсь, и он защищает меня от всех напастей. У Галы есть такой же. Возьмите, посмотрите на него!

Поскольку пакетик не совсем хорошо пахнул, я тотчас же отвернулась, и Дали снова засунул его в карман своих брюк.

Обед заканчивался. Дали, который никогда не притрагивался к вину и не пил кофе, то и дело бросал властным тоном: «Я надеюсь, никто не будет пить кофе?» Никто и не пытался его заказать.

Наконец мы направились к выходу. Дали спросил меня, не собираюсь ли я отправиться потанцевать в ночной кабачок, и предложил воспользоваться своим лимузином и своим шофером. Но поскольку завтра Тара уезжал в Лондон, мы решили вернуться к себе, проводив Дали в отель «Мерис».

Без всякого сомнения, Дали был впечатлен сексуальными извращениями своего двора, утверждая, впрочем, что сам он импотент. Однако секс занимал немалое место в его разглагольствованиях, мне кажется, что он входил в число «наблюдателей». Однажды он предложил мне позировать для него, но я несколько опасалась, что это может оказаться сеансом стриптиза. Во всяком случае так думал Тара, который любил пошутить по поводу того, что случится, когда я разденусь перед мэтром в его номере. Надо признаться, что поведение близнецов меня настораживало. Они не протестовали, когда их рассматривали как неодушевленные предметы, которые можно критиковать, оценивать и использовать исключительно в эротических целях.

Конечно, наша философия молодых «неформалов» базировалась на свободной любви, сексуальной свободе и прочих антибуржуазных теориях. Однако некоторые выходки моих друзей меня шокировали. Мои родители воспитали меня в религиозном духе, и если я не соблюдала церковных обрядов, то по крайней мере сохранила понимание того, что такое грех. Кроме того, я была настолько влюблена в моего прекрасного ирландца, что плохо представляла себе, что могу спать с другим парнем и особенно с этим старым Дали, имевшим за плечами опыт шестидесяти прожитых лет. Для моего поколения 30 лет были началом физического и духовного упадка, и я пообещала себе, что в этом возрасте я покончу самоубийством: я не представляла себя в роли постаревшей безработной манекенщицы и хотела умереть красивой, жить ярко, развлекаться, страстно любить, рисовать и танцевать. У меня не было гроша за душой, и я жила, не думая о завтрашнем дне. Тара был богатым наследником и, может быть, он

поддержит меня в трудную минуту, если мы останемся вместе.

Через некоторое время Тара улетел в Лондон, жил у Брайана и подготавливал свой развод. Я осталась в Париже, чтобы работать, жила в комнате у подруги Катрин Арле.

Дали звонил мне постоянно. Все в агентстве приходили в восторг, когда он спрашивал: «Могу ли я поговорить с мадемуазель Амандой Лир?» (он произносил «Леарр»).

Несколько раз он приглашал меня обедать, чаще всего вместе со своей верной Людовиком XIV, иногда с другими друзьями.

Одним ноябрьским днем он пригласил меня на чай в отель «Мерис» и представил меня Гала. Она была сухощавой, с узкими плечами и широкими бедрами. Одетая в красный бархатный костюм, она показалась мне очень молодой. У нее была точно такая же прическа, как на тех полотнах, где Дали изображал ее в образе Мадонны. Тяжелый узел волос был подхвачен черным бархатным бантом, подаренным Коко Шанель. Вплоть до смерти Галы в 1982 году я ни разу не видела, чтобы она была причесана по-другому. Она носила на шее колье из фальшивых камней, сквозь которые был виден белый воротничок ее блузки. Она никогда не украшала себя настоящими драгоценностями. Дали рассказал мне, что однажды в Нью-Йорке, когда он только что очень выгодно продал свою картину, он решил купить Гала огромный желтый бриллиант, замеченный им в витрине магазина Гарри Винстона на 5-ой авеню. Этот бриллиант стоил целое состояние. Но Гала сказала: «Если ты действительно хочешь доставить мне удовольствие, сделай мне тот подарок, которого я больше всего жажду. Подари мне *«Корзинку с хлебом»*. Это была небольшая картина, которую Дали считал своим шедевром. Для Гала она была бесценной, она предпочитала ей все бриллианты в мире, и, без сомнения, она была права. Гала всю жизнь хранила эту картину в своей личной коллекции.

Эта первая встреча с Гала повергла меня в трепет. Она сверлила меня своими блестящими глазками, пронзала взглядом, которым, по словам Дали, можно было пробить стену. Впрочем она все-таки меня поприветствовала и пожала мне руку со словами: «Добрый день, дорогая».

Своим «р», которое было еще более забавным, чем у Дали, она напомнила мне одного из тех персонажей, которых играла Эльвира Попеско. Гала была русской, из Казани, она эмигрировала из своей страны во время революции. Она долго жила в каком-то санатории, а потом вышла замуж за Поля Элюара. От ее инквизиторского взгляда, казалось, было трудно укрыться. Да, я как будто сдавала вступительный экзамен.

Попивая кофе, разведенный водой, она продолжала сверлить меня

глазами и время от времени задавала мне вопросы. Дали, которого, казалось, забавляла эта очная ставка, указывал ей на то, какие у меня длинные волосы, нежные руки, заставлял ее заметить кольца, которые я носила. Он в этом явно переусердствовал, хотя его неловкость была трогательной. Можно было подумать, что он продает меня с аукциона.

Уязвленная всем происходящим, Гала сказала:

— Да, она очень красива. Как все девушки с обложек.

— Да нет, она не такая, ты увидишь, Гала; она интеллигентна, чувствительна, ты увидишь, моя маленькая olivona (Дали часто называл свою жену этим уменьшительным именем, которое обозначало «оливковое деревце»). Да и потом, — продолжал он, — у нее есть красавец-жених, настоящий английский принц, он тебе понравится, Галюшка, ты увидишь… Кстати, когда ваш жених возвращается в Париж? — обратился он ко мне.

— Скоро, — ответила я.

Гала много кашляла, кашель у нее был сухой и нервный. Она все время жаловалась на то, что в номере холодно: они столько заплатили за этот отель, что можно было топить получше («настоящие воры эти французы!»)

Потом мы отправились ужинать к «Лассеру» втроем. Гала ненавидела поддельный блеск ресторана «Ледойен», еще больше «Серебряную башню» и топот ног персонала. Она почти ничего не ела, довольствуясь легоньким бульончиком. Дали ее развлекал, подбадривал, но ей ничего не понравилось — все было слишком дорого. Она жаловалась на сквозняк, делала вид, что задыхается от малейшего дыма сигареты. Дали проявлял по отношению к ней просто ангельское терпение. Видимо, он ее обожал. Рядом с ней он вел себя, как ребенок рядом с матерью, и если он пускался в свои обычные рассуждения, более или менее связанные с эротикой, она делала вид, что ничего не слышит.

Я нашла ее невыносимой. Она не сказала мне ни одного любезного слова, притворяясь, что не замечает меня. Казалось, что она прожила в мире Дали миллионы световых лет, тем более, что говорила она только о практических вещах: «Кадиллак» нуждается в ремонте; услуги шофера стоят все дороже; она позвонила в Кадакес; отопление не работает. Потом они стали обсуждать свой приближающийся отъезд в Нью-Йорк. Они доберутся до Гавра на машине, а там сядут на корабль. Я и не знала, что все зимы Дали проводит в Нью-Йорке.

— Это самый подходящий для расчетов город в мире. Нужно, чтобы вы это знали. Нью-Йорк — это единственное место, где я заключаю контракты. Да и потом есть еще и дантист…

Много лет подряд Дали и Гала использовали свои нью-йоркские зимы,

чтобы пойти к дантисту или сделать полную проверку счетов. Они оба боялись болезней и беззаветно верили в американских врачей. И, что выглядело забавным для персоны столь экономной, Гала каждый раз меняла «Кадиллак» на более новую модель.

Когда на следующий день я пришла в «Мерис» на чай, Дали спросил меня, как мне понравилась его жена. Я не могла сказать, что нашла ее отвратительной, и отделалась формулой вежливости.

— Гала нашла вас очень самовлюбленной. Она говорит, что вы без конца смотритесь в зеркало.

Ошеломленная, я запротестовала, но он продолжал:

— Гала знает толк в людях и никогда не ошибается. К тому же это просто необходимо — быть влюбленным в самого себя. Вы англичанка, значит, вы читали Оскара Уайльда.

Что и говорить, я была очень задета. Я видела Галу еще два или три раза с другими друзьями дома. Казалось, она не прилагала никаких усилий, чтобы быть любезной с кем бы то ни было. Чаще всего агрессивная, она позволяла себе издеваться над длинными волосами молодого человека, над грудью модели, при ней вообще не следовало говорить о литературе: все было не так, как надо, и плохо написано. Зато она при малейшей возможности подчеркивала гениальность Дали. Он был единственным в своем роде художником, единственным способным литератором, единственным талантливым человеком на свете. Кроме него в мире вообще никого не существовало, и его верность была беспримерной.

Тара вернулся в Париж, чтобы провести со мной несколько дней. Его развод продвигался быстро, и я была счастлива. И, поскольку мое пребывание во Франции затягивалось, я сняла вместе с одной девушкой из агентства Катрин Арле маленькую квартирку на улице Вано. Дали часто заезжал за мной на машине, но всегда отказывался зайти ко мне: он предпочитал воображать себе мои апартаменты, чем разочароваться убранством помещения, которое разрушило бы его представление обо мне. Я удостоилась права на поцелуй руки и торжественное: «Я благодарю вас за то, что вы подарили мне этот вечер».

Однажды мы с ним посетили музей Гюстава Моро. Дали комментировал каждую картину. Благодаря ему я смогла разглядеть то, что не было заметно с первого взгляда, он посвящал меня в секреты техники Моро, рассказывал о его жизни, о которой я так мало знала. Перед «Саломеей» он сказал:

— Посмотрите, да это же вы. Вы должны сделать себе такую же татуировку по всему телу.

В самом деле, многие из персонажей Моро имели что-то общее с новым движением хиппи, которое развернулось в Европе: девушки-цветы, Саломея, украшенная восточными драгоценностями, переливающиеся краски и мистические позы.

Дали объяснил мне, что его мечта — соединение мужского и женского начал. Он обожал женственных молодых людей и в своих картинах возвращал греческий идеал, Гермафродита. Впрочем, именно поэтому он называл женщин из своего окружения мужскими именами, начиная с Людовика XIV.

На следующий день мы поехали ужинать в «Максим». В свою очередь Гала пошла в театр с молодым человеком из хорошей семьи, которого Дали называл Единорогом: единорог сопровождал девственниц на средневековых гравюрах, это мифологическое животное одним своим присутствием гарантировало целомудрие дамы.

Я была ослеплена тем, что в «Максиме» мы уселись за лучший стол, подо мной была темно-красная банкетка этого исторического ресторана, но я пыталась не выдать своего восхищения. Это позабавило Дали. Он указал мне на Онассиса, сидевшего за соседним столом, и на баронессу Ротшильд с Алексисом де Рэде.

— А ведь именно я представил его Артуро Лопесу, — сказал мне Дали. — Ах, какая жалость, что вы не знали Артуро. Какой утонченный вкус! Если бы вы видели его коллекцию Бенвенуто Челлини…

Он рассказал мне, как этот южноамериканский миллиардер в течение нескольких месяцев принимал его и Галу в своем отеле, перед тем как они поселились в отеле «Мерис».

Отель Артуро украшали экзотические букеты, которые он якобы собственноручно составлял для жены. На самом деле букеты составлял Папилон, его мажордом. От анекдота к сплетне, Дали воскрешал для меня целую эпоху. Обеды, роскошные праздники интриги: княгиня Фосиньи-Люсенж, Натали Палей, Бестеги, «детка» Берар, виконт де Ноайи. Это было время Коко Шанель и Скяпарелли, Дали устраивал скандалы, был любимцем всех парижских салонов. Он писал портреты тогдашних красавиц и проводил вечера в «Максим». К нашему столику подошел скрипач, и Дали попросил его сыграть «Миллионы Арлекина», кисловатую мелодию, которая вызывала в памяти Венецию, карнавал и гондолы. Я впервые пожалела, что родилась так поздно.

Пришел декабрь, и я уже сопровождала Дали до Гавра, где он садился на корабль, отправляющийся в Нью-Йорк. Людовик XIV была с нами, подслащая мою грусть своей беззаботной болтовней и воскрешая в памяти

времена веселых проказ, которые, казалось, уплывали вместе с мэтром. Отъезд Дали вывел меня из равновесия. Увижу ли я его еще раз? Вспомнит ли он обо мне, когда вернется в апреле? Вокруг него столько красавиц…

На прощанье он сделал мне подарок: огромный окаменевший агат серо-фиолетового цвета с концентричными мраморными прожилками. Встряхнув камень, можно было почувствовать воду, заточенную в его сердце. Дали купил этот камень на улице Бак, у Дейроля.

— Видите, он того же цвета, что и тени на ваших веках. Этому камешку миллионы лет. Задумайтесь о том, что эта вода, шум которой вы слышите, заключена в его сердце с сотворения Земли.

На обратном пути мы с Людовиком XIV говорили о наших планах на будущее. Она тоже скоро возвращалась в Нью-Йорк, где жила ее дочь. Я же собиралась несколькими неделями спустя вылететь на Берег Слоновой Кости, где должна была сниматься для журнала моды «Мари-Франс». После этого я планировала вернуться в Лондон, чтобы провести рождественские праздники с Тарой. Людовик XIV пригласила меня на свою виллу, в Малагу: Коста дель Соль зимой просто очаровательна, и будет много англичан. Мы расстались друзьями.

С тяжелым сердцем я вернулась к своей профессии манекенщицы и стала позировать для рекламной кампании бюстгальтеров. Реклама должна была быть размещена прямо на парижских автобусах. Путешествие в Африку окончилось печально. Загримированная и причесанная, я часами позировала под палящим солнцем.

Я вернулась совершенно истощенной и тут же получила ужасное известие: Тара погиб в автомобильной катастрофе.

Глава 3

«Моя скупость огромна. Когда у меня много денег, я хочу, чтобы их было еще больше, потом еще больше — и так до

бесконечности.

Но, на удивление всему миру, в этом году я собираюсь учредить ежегодную премию в 10 тысяч долларов для тех ученых, которые займутся проблемой зимней спячки.

В конце концов я и сам извлеку из этого выгоду».

Сальвадор Дали

Гибель Тары погрузила меня в состояние глубокой скорби, из которого меня не могла извлечь даже дружба Катрин Арле. Он погиб ночью, возвращаясь домой на своем маленьком спортивном «лотусе», от столкновения с грузовиком. Смерть наступила мгновенно. Его жена выказала любезность и позвонила мне, но у меня не было сил присутствовать на похоронах. Я провела Рождество в отчаянии. Дали позвонил мне из Нью-Йорка, и я сообщила ему печальную новость. Он был искренне огорчен и позвал к телефону Галу, которая стала утешать меня, чего я от нее никак не ожидала.

В течение нескольких последующих недель он постоянно звонил, чтобы справиться о моем состоянии, и даже пытался меня развлечь, рассказывая о своей нью-йоркской жизни: обеды, вечеринки, новые «обращенные» «хорошего качества» для нашего двора. Он был бы счастлив, если бы я приехала к нему на несколько дней. Я отговорилась работой. На самом деле я была не способна работать. Обеспокоенная моим состоянием, Катрин Арле направила меня к психоаналитику. Я вышла от последнего в слезах и еще более несчастная, чем раньше. Тогда Катрин отправила меня на недельку в горы, вместе с другой манекенщицей, Ольгой Жорж-Пико. Я провела несколько дней в горном шале с Ольгой и ее другом, но я ненавидела снег и не смогла отрешиться от моей печали, несмотря на все любезности, которые мне расточались. Там были журналист Жан Демаши, Саша Дистель и его жена. Всем им пришлось кататься на лыжах без меня. Я вскоре оставила их среди удовольствий

горнолыжного спорта и вернулась в свою квартирку в Челси.

Общение с моими английскими друзьями пошло мне на пользу. Лондон менялся на глазах. Все изменилось: модные магазины на Кэрнаби стрит, музыка «Битлз», изменилась даже Кингс Роуд, где все встречались по субботам. Я вновь обрела Марка Пальмера, Брайана Джонса, Пэтти Бойд, Твигги, Джулиана Ормсби-Гора, сына лорда Харлеша, Майкла Рейни, короче говоря, всех этих «Дэнди», думавших только о развлечениях. «Наволне» были лавочки вроде «Hung on you», «Palisades», «Biba», «Granny takes a trip». Мы захаживали в «Сибиллу», дискотеку, расположенную на Пикадилли, и Аб-либ. Иногда в нашем кругу можно было увидеть француженку Франсуазу Харди. При виде Франсуазы я вспомнила, что однажды вечером Брайан рассказал мне, что он пришел в музыку в надежде однажды ее встретить. Брайан был очень мил со мной. Нас объединяли воспоминания о Таре, его лучшем друге. Он еще не совсем оправился от своего разрыва с Анитой, и поэтому его пылкое увлечение девушкой по имени Суки выглядело неубедительным. Он все чаще и чаще употреблял наркотики.

Мы любили так называемую «черную» американскую музыку: Сэма и Дэйва, Джеймса Брауна, Отиса Реддинга — все, что было ритмичным и танцевальным. Но меня привлекала не только музыка: мне нравились афиши поп-концертов, нарисованные моими друзьями. Они употребляли только «психоделические» цвета, которые «двигались», если внимательно посмотреть на афишу. Так хиппи снова открывали для себя искусство живописи, узоры из цветов, вымученные мотивы.

Художники-сюрреалисты были у всех на виду, и когда стало известно, что я знакома с Дали, я стала просто знаменитостью в кругу хиппи. Мои друзья хотели знать о нем все: колется ли он, на самом ли деле он такой сумасшедший? Все это привело к тому, что, несмотря на мою печаль, я снова принялась рисовать.

Несколькими месяцами до этого Тара стал финансировать одну лавочку, расположенную на Кингс Роуд, под названием «Dandy Fashions». Однажды в субботу я шла по этой улице в компании близнецов, и мы решили зайти в лавочку. Я примеряла платье, когда ворвалась полиция и обыскала всех присутствующих. Такие рейды происходили в то время часто, так как опасность наркотиков приобрела большие размеры. Женщина-полицейский обыскала мою сумочку. В шкатулочке 1900 года, купленной в Париже на блошином рынке, я всегда держала несколько таблеток аспирина и антибиотики. Женщина понюхала пилюли, посоветовалась со своими коллегами и предложила мне проследовать за

ней в комиссариат Челси.

Это было крайне унизительно и навсегда врезалось мне в память. У меня взяли отпечатки пальцев, и я должна была полностью раздеться, после чего мне заявили, что я подозреваюсь в употреблении наркотиков. Тщетно я пыталась объяснить, что эти пилюли во Франции мне выписал врач, мне отвечали, что сначала их нужно проверить. Потом меня отпустили, но на следующее утро в 9 часов я должна была явиться на заседание суда.

Я вернулась к себе совершенно растерянной. Брайан, которого частенько беспокоили по тому же поводу, пообещал, что его адвокат мною займется. Но вечерние газеты не пренебрегли этим Делом. Во всех них было большими буквами напечатано: *Манекенщица арестована по подозрению в употреблении наркотиков.* На первой полосе была моя фамилия и фотография. На следующее утро я пришла на заседание суда вместе с Брайаном и его адвокатом. На фотографов, ожидавших у входа, большое впечатление произвел небесно-голубой «Роллс-Ройс» рок-звезды. Заседание было коротким, и я была отпущена под залог до тех пор, пока не станут известны результаты анализов. Благодаря этой истории я сделалась мученицей для моих друзей-хиппи и знаменитостью — для публики. Но я не стала рассказывать Дали о случившемся — мне было стыдно. Когда в результате экспертизы выяснилось, что у меня нашли отнюдь не наркотики, я была полностью оправдана. Но тем не менее у всех на устах были обвинения, предъявленные мне, а не доказательства моей невиновности. Меня перестали обслуживать во многих ресторанах и ночных кабачках — даже в Париже — потому что мое имя теперь было связано с громким делом о наркотиках!

Вернувшись во Францию в 1966 году после нескольких печальных месяцев, проведенных в Англии, я почувствовала, что мое внутреннее состояние изменилось — наконец-то ослабели нити, связывавшие меня с прошлым. Я вернулась к Катрин и предоставила всю свою дальнейшую жизнь воле случая. Однажды ночью я получила радио-телефонное сообщение… с борта пакетбота «Франция». Это был Дали, возвращавшийся из Нью-Йорка. Посылать сообщение, находясь в океане, было настоящим сумасшествием и желанием эпатировать молодую англичанку. И все это для того, чтобы сообщить мне, что он через несколько дней будет в Париже и надеется меня увидеть. Должно быть, он мною дорожил… Однако, я была обеспокоена новой встречей. Прошло четыре месяца, смогу ли я представлять для него интерес, как и прежде? Его привлекало во мне то, что я презирала условности, в отличие от

молодых девушек, одновременно корыстных и увертливых, с которыми он привык общаться, и то, что в дорогих ресторанах, куда он меня водил, я не выказывала ни малейшего удивления и восхищения и сохраняла скептическое выражение лица, тогда как на самом деле была восхищена всем увиденным. Эта игра забавляла Дали, который с нетерпением ждал хоть мало-мальски удивленного жеста. Будет ли это его забавлять сейчас?

Дали принял меня туманным днем после полуденного сна. Он сам открыл дверь, поцеловал меня в лоб и просто сказал: «Здравствуйте!» Он был растрепан, и глаза у него были заспанные, но одет он был как обычно: расшитый золотом жилет, галстук в цветочек и бархатный костюм.

Он усадил меня на пурпурное канапе, а сам устроился на стуле напротив.

— У нас еще нет цветов, извините. Мы только что приехали. Завтра будут туберозы. И вы сможете составить себе букет.

Он заказал чай и так называемые «переодетые» фрукты, нечто вроде маленьких бисквитов с фруктовой начинкой, которые он ценил из-за их названия. Он внимательно рассмотрел меня:

— Да вы совсем повесили нос. Но вы красивы, красивее, чем раньше. Бледность вам идет. Я люблю бледных женщин.

Я улыбнулась. Мы оба чувствовали себя неловко и смущенно, как будто еще не знали, какими будут наши новые отношения. Я спросила о Гале, о Людовике XIV, о капитане Муре.

— Гала уехала ненадолго, вернется завтра. Людовик XIV в Малаге со своим мужем и скоро вернется. Она очень любит Париж и к тому же у нее всегда есть салонный педераст в качестве сопровождающего.

Дежурный официант принес чай. Пока он нас обслуживал, Дали комментировал:

— У него проблемы с кожей. Вы видите эти прыщи? Да у него замечательный фурункул на левой щеке! То, что люди называют физическим недостатком или уродством, может быть очень интересным. Конечно, если оно хорошего качества.

И он перешел на «замечательных» безногих, в костюмах Людовика XVI с кружевными жабо, с которыми он познакомился в Нью-Йорке. Он давал обед в Трейдерс Вик, для актрисы Миа Фарроу, и они были в числе приглашенных.

— Там был один красавец! Вы бы в него непременно влюбились.

Я остановила его жестом руки.

— Я никогда больше не влюблюсь. Все кончено. Мне суждено вечно быть одной.

Я чуть было не заплакала.

— Вы увидите, моя маленькая Аманда, время изменит ваше состояние духа. Но печаль вам идет, вы похожи на принцессу, потерявшую своего рыцаря. Вы все больше и больше в духе прерафаэлитов. Вы маленькая сладкая миндалинка… Вы знаете гравюру Дюрера «Меланхолия»? На ней изображены вы.

Он ненавидел здоровых краснощеких девушек, любивших похохотать. Одна только Людовик XIV могла позволить себе все время шутить. Но он хотел видеть во мне свою нежную и печальную Аманду, иногда далекую, как инфанта Веласкеса, иногда мечтательную, как на картинах Боттичелли. Однако Дали хотел не утешать, а развлекать меня, ослеплять, осыпать цветами и безделушками, бесполезными и экзотическими.

Его любимый магазин Дейроль изобиловал чучелами животных, скелетами крокодилов, страусовыми яйцами, акульими челюстями и редкими камнями. Минералогия вдохновляла Дали. Время от времени он в экстазе вскрикивал:

— Ох, как это красиво! Эта челюсть просто великолепна! Посмотрите, Аманда, она будет замечательным цоколем для моей новой скульптуры. Доставьте ее в «Мерис», как обычно. И еще захватите рог носорога, он распаляет похоть.

У него никогда не было с собой денег. Боясь, что он их потеряет или промотает, Гала не оставляла ему ни гроша. Это вызывало комические сцены в отеле «Мерис», когда консьерж, удивленный, но бесстрастный, приносил счет за рог носорога или гипсовую Венеру Милосскую. Гала систематически протестовала, но вещь, о которой шла речь, всегда присоединялась к остальным экзотическим покупкам, которые наполняли студию мэтра в Кадакесе.

Но все-таки однажды я застала его с пачкой кредиток в руках. Он спросил меня, хотела ли бы я купить флакон «Фрака», духов, которые он обожал, поскольку в них чувствовался легкий запах туберозы. Тубероза была его любимым цветком, его фетишем. Испанцы называют ее Verge de San Joseph. Когда ее расплющиваешь между пальцами, она оставляет клейкий след, который, как считал Дали, напоминает сперму. Тубероза стала для мэтра секс-символом. Однако я поблагодарила и отклонила предложение купить мне эти духи. Он настоял:

— Да нет, возьмите эти гроши. Это не такие уж большие деньги, но вы сможете купить себе шоколад.

И он засунул несколько свернутых кредиток в карман моего пальто. Я пролепетала какие-то слова благодарности. Очутившись одна, я

рассмотрела пачку, которую он мне дал, и оказалось, что она состояла из нескольких стодолларовых бумажек! Вместо того, чтобы купить шоколад, я заплатила за квартиру. Но ситуация была странная. Я вовсе не стремилась к тому, чтобы между нами установились отношения типа «любовница» и ее «папочка». У меня не было с ним сексуальных отношений. Я даже ему не позировала. Он все время откладывал этот сеанс позирования: сначала нужно было, чтобы он на меня посмотрел в своей студии в Кадакесе, с зенитным освещением, которое он называл «половым», перед тем, как созерцать меня обнаженной.

Это был единственный раз, когда я видела у него столько денег. Когда он получал чек, он тут же передавал его Гале, прятавшей чек в свою сумочку. Она всегда носила с собой сумочку, набитую бумагами, ресторанными счетами, носовыми платками, лекарствами. Девушки моего возраста носили кожаные «дорожные мешки» с бахромой по восточному образцу или простые корзинки из плетеной соломки, которые можно было купить на любом рынке в Провансе. Кожаная дамская сумочка была запрещена, как символ буржуазной жизни.

В ресторане Гала всегда платила наличными, рассматривая счет и посмеиваясь над Дали, который никогда не проверял счета. Он доказывал ей свою правоту, ссылаясь на то, что, чтобы заплатить, нужно вытащить очки из кармана, их надеть, пересчитать купюры, короче говоря, проделать несколько неприятных и утомительных операций, когда это так просто — послать счет в отель.

— Но однажды тебе дадут подписать непонятно что, мой маленький Дали, — парировала Гала. — Может быть, даже контракт! У тебя же есть очки, надо их надевать время от времени…

Нужно уделить особое внимание этим очкам. Они были такими грязными, что сквозь них ничего нельзя было разглядеть. Он их никогда не чистил и, между прочим, они были вымазаны в меду, которым он лакомился с чаем. Иногда он все же вытирал их салфетками «Kleenex». Тогда он водружал их на нос, широко открывал глаза и произносил:

— Господи! Небо и земля! Я все вижу, на самом деле, все мелочи… Но я понимаю, почему мне так нравились эти очки, когда они были грязными. Все было гораздо красивее, туманнее, как на картинах Эжена Карьера, рисовавшего материнство в таком солнечнотуманном освещении.

Он рассматривал вещь и заявлял:

— Да это всего лишь кусок бумаги! А когда я носил грязные очки, мне казалось, что это египетский скарабей. Вы видите, дорогая, нужно жить в аромате духов и ошибок. Тогда жизнь становится поэтичнее.

Оставим очки. Были еще нательные фуфайки. Он гордо показывал мне одну из них, покрытую пятнами, потом ту, которую он носил в данное время, еще более замаранную. Он отстегивал пластрон своей рубашки, украшенный вышитым воланом, и объяснял:

— Это завтрак. Утром, в постели, я опрокинул кофе с молоком. Смотрите, какие вышли чудесные пятна! Гала заставляет меня менять фуфайки время от времени. Но мне бы хотелось выставить их в какой-нибудь выставочной галерее. Смотрите, это же целые географические карты, картины необыкновенной красоты. Но снаружи я всегда чист. Вы видели мою рубашку? Я всегда меняю рубашку, но это просто травма менять то, что носишь под одеждой.

Его мании превращались в ритуал, слегка окрашенный суевериями. Был ритуал выбора галстуков, каждый из которых имел свое значение. Был галстук для подписания контрактов, эротический галстук, для путешествий, галстук для встреч с адвокатом. Удачным или неудачным будет день, зависело от того, какой будет выбран галстук. Выбор трости был не менее важен. У него была целая коллекция палок: от палки с набалдашником из чеканного серебра, покрытого французской эмалью (изделие Фаберже), до трости, принадлежавшей Виктору Гюго, или трости, которой размахивает граф Монтескье на знаменитом портрете Болдини. Самой юной была трость, кажется, принадлежавшая Саре Бернар. Я говорю «кажется» потому что, чтобы соблазнить божественного мэтра, куртизаны пытались придать своим сомнительным подношениям ауру более или менее подлинных. Дали прикидывался, что верит всему тому, что ему рассказывают. Он упивался враньем и лестью. «Чем больше мне врут, тем больше я этим очаровываюсь», — говорил мне он. И ему врали от чистого сердца.

Я бесилась от злости при виде этого парада фальшивых принцев и фальшивых девственниц, фальшивых миллионеров, псевдоактрис, которые наполняли гостиную номера в отеле «Мерис» с 17 до 20 часов. Я бы с удовольствием открыла Дали глаза на этих самозванцев, крикнула бы ему, что он заслуживает лучшего, чем эти паразиты. Но Дали обожал все это. В расчет шло не качество, а количество. Чем больше было придворных, тем больше он походил на короля в окружении своих подданных. Он любил говорить, что все люди приходят к нему, чтобы «кретинизироваться».

Если называть «кретинизацией» его учительство и его влияние на податливые умы, то я начинала мало-помалу «кретинизироваться» благодаря этому опасному обольстителю.

Глава 4

Жан-Кристоф Аверти по поводу съемок фильма в Кадакесе: «Он нашел фильм очень плохим, но все же признал, что в нем показано, что Дали живет не так, как все. Это был лживый комплимент. Съемка превратилась в непрекращающуюся борьбу — Дали отказывался читать скрипт — но лучше было сражаться с Дали, чем с каким-нибудь дебилом».

Я решила провести несколько дней отпуска у свои друзей, имевших небольшой сельский дом недалеко от Перпиньяна. Приехав в это чудесное место, я позвонила Дали.

— Вы на вокзале в Перпиньяне! — возопил он. — Да это просто замечательно!

Я, собственно, еще не добралась до вокзала, но собиралась там сесть на поезд, идущий в Фигерас, самую близкую к Кадакесу железнодорожную станцию.

— Хорошенько посмотрите вокруг! Вокзал Перпиньяна — это центр мира. Я вас жду завтра вечером в Порт-Льигат в 7 часов. Целую.

Внимательно рассмотрев вокзал Перпиньяна, я не нашла там ни малейшего свидетельства того, что это центр мира. Маленький вокзал, ничем не отличающийся от других вокзалов, где останавливались поезда, следующие в Испанию. Ничего в духе Дали, ни в архитектуре, ни в цветах. Туристы, черные от солнца, скандинавы с рюкзаками на плечах. Почему же Дали утверждает, что это центр вселенной?

Когда поезд прибыл в Фигерас, родной город Дали, пейзаж почти не изменился, но я находилась уже в Ампурдане, на территории Дали. Солнце палило вовсю, да и к тому же мне пришлось самой нести свой багаж до ветхого автобусика. Было заметно, что испанские каталонцы гораздо угрюмее их французских собратьев и с большей неприязнью относятся к иностранцам. Я говорила по-испански и решила добираться до Кадакеса своим ходом. Нужно было карабкаться вверх по узкой горной тропинке, на виражах я задыхалась, и путешественники-каталонцы посматривали на меня неприязненно. Эти 30 км заняли у меня час. В Кадакесе мне сообщили, что Дали живет на побережье бухты Порт-Льигат. Здесь дорога кончалась, и нужно было опять брести по извилистой тропинке. Этот Порт-

Льигат был просто концом света.

На площади маленькой белой деревушки, расположившейся на берегу синего моря, находилось кафе «Осталь», на террасе которого имела обыкновение собираться молодежь. Зная, что близнецы были где-то в здешних краях, я спросила у одного длинноволосого парня, не знает ли он их. Джон и Денис? Конечно, он видел их утром на пляже, и они должны вот-вот подойти. Это кафе было местом встречи богемной молодежи, барселонских интеллектуалов, которые проводили выходные дни в Кадакесе, здесь их называли «этими божественными левыми». Однако «божественные левые» предпочитали замалчивать фигуру Дали, их шокировала состоятельность художника и буржуазная роскошь, которая его окружала. В Остале можно было встретить писателя Жана-Франсуа Рея. Некоторые сцены из фильма «Механические пианино», экранизации его известного романа, были сняты здесь же; кроме того, в Осталь захаживали туристы и манекенщицы.

Загоревшие близнецы появились в компании девицы с весьма соблазнительной грудью. Они рассказали мне, где можно снять комнату за несколько песет, и Дали покурить травки, чтобы я была в форме, когда к 7 часам вечера мы отправимся к Дали. Они носили, как и все здешние рыбаки, эспадрильи, нечто вроде холщовых туфель на веревочной подошве, привязанных к лодыжке черными лентами. Я тут же купила себе на рынке пару таких туфель и больше не носила в этих краях другой обуви, каждый год покупая новые. Я купила еще соломенную корзину и шляпу, которые хорошо сочетались с моим платьем в крупные цветы, купленным на Портобелло Роуд (блошином рынке в Лондоне). К корсажу платья была приколота эмалированная стрекоза и крошечные разноцветные эмалированные бабочки.

Близнецы, Тони (танцор с бровями, подведенными марокканским карандашом), две или три девушки и я сама составляли весьма живописную группу. Вместе мы вскарабкались по маленькой каменистой тропинке, уходившей вверх, и тут, на горной поляне, около белого кладбища, высившегося над бухтой, нашим глазам предстало необыкновенное зрелище.

За нами, внизу, был Кадакес со своими тесными домишками, жавшимися друг к другу, над которыми возвышалась колокольня, а у наших ног была самая маленькая бухта в мире, Порт-Льигат, почти что островок, окруженный морем, образовывавшем здесь нечто вроде небольшого озера. Дом Дали, защищенный от любопытных высокими стенами, беленными известкой, выглядел очень большим. Весь белый, он казался еще выше из-

за больших яиц, помещенных на зубцах стен. Несколько кипарисов, оливы. Лодка, казавшаяся в лучах солнца золотой, неподвижно покоилась на фоне синего моря.

Мы стали спускаться, прыгая со ступеньки на ступеньку лестницы, вырубленной в скалах. Она вела к отелю «Порт-Льигат», неоконченному бетонному чудовищу, сбоку от которого находился непропорциональный бассейн, для чего-то снабженный трамплином просто олимпийских размеров! В нескольких шагах от отеля теснились домики рыбаков, облупленные, но милые бараки, перед каждым — каменная скамья. Старые солнечные часы украшали фасад одного из них. Ветхая прогнившая лодка служила колыбелью для высокого кипариса. Он величественно возвышался над своим каркасом, захваченным котятами, жадно поглощавшими остатки рыбы, которые им бросали рыбаки. Мы прошли перед группой женщин, сидевших прямо на земле и возившихся с сетями (по-каталонски — remendaires), увидев нас, они засмеялись. Без всякого сомнения, смех и комментарии относились к нашей неуместной одежде. Это было противостояние мира поверхностного, эфемерного и мира традиционного поведения, благородного тысячелетнего уклада. По крайней мере, наши шарфы и бусы, наша пестрая одежда не соответствовали этим женщинам в черном у подножия столетнего кипариса.

Несколько ступенек, обсаженных лавровыми деревьями, вели к дому Дали. Мы позвонили. Служанка, одетая в розовое, открыла нам и спросила наши имена. Ее седеющие волосы были коротко подстрижены, вид у нее был суровый, и она с достоинством попросила нас обождать. Маленькая прихожая была выкрашена в белый цвет. Старый шкаф служил гардеробной, на столике стоял телефон (единственный в доме). На стене висела репродукция «Бури» Джорджоне. Над старой истертой софой, походившей на приоткрытые губы женщины, возвышалось чучело медведя. Медведь был увешан бусами и в поднятой лапе держал лампу. Я заметила стойку для зонтов, наполненную всевозможными тростями. По левую сторону от прихожей находилась целая анфилада комнат, беспорядочно связанных между собой несколькими переходами, а прямо перед нами — лестница, устланная сплетенными веревками.

Бонна в розовом появилась вновь и объявила нам, что сеньор Дали ждет нас во внутреннем дворике. Позже я узнала, что этот цербер в женском обличье по имени Роза фильтровал посетителей по своему усмотрению, вынося им приговор в зависимости от настроения. Когда Дали спрашивал ее, что за люди стоят у его дверей, она чаще всего отвечала — «грязные». Когда Дали приказывал ей впустить гостей, она принимала

чопорный вид, по которому можно было прочесть все ее мысли. Она обожала Дали и хотела убрать из дома всех посторонних, чтобы самой холить и лелеять драгоценного хозяина.

Мы последовали за Розой по лабиринту лестниц и лестничек, пересекли гостиную, где атлетического сложения мажордом в белом открывал бутылки — и оказались во внутреннем дворике. Стены, беленные известкой, были обсажены кустами, а земля — устлана серым шифером. Каменная скамья, тоже покрытая шифером, вилась вдоль стены. Дали сидел на деревянном стульчике, Гала рядом с ним — на таком же стуле. Они беседовали на каталонском с седовласым сеньором.

«Добрый день!» — сказал Дали, поднявшись нам навстречу. Улыбающийся, раскованный, загорелый, с цветком жасмина за ухом и тростью в руках, таким он предстал перед нами. Его вышитая голубая рубашка, казалось, была куплена в техасском магазине. И рубашка, и полотняные брюки Дали были выпачканы красками. На его ногах были каталонские эспадрильи. Он пожал руку моим друзьям и поцеловал меня в лоб.

— Вы знакомы с Галой?

Гала утвердительно кивнула головой и улыбнулась. В ее волосах покачивался неизменный бархатный бант, похожий на беличьи ушки. Брюки были закатаны до щиколоток — в пиратском стиле, а на ногах, конечно же, эспадрильи.

— Вы знакомы с сеньором Пюиньялем, мэром Кадакеса? Мы как раз обсуждали постройку бассейна, наш сеньор Пюиньяль еще и предприниматель. Это он построил все это.

«Все это» было весомым комплиментом человеку, не отличавшемуся привлекательной внешностью, несмотря на то, что он являлся мэром Кадакеса. Оглядев внутренний дворик, я заметила (их было трудно не заметить!) огромные картонные силуэты персонажей «Анжелюса» Милле. Проследив за моим взглядом, Дали прокомментировал:

— Это «Анжелюс» Милле, как вы успели заметить. Вы, вероятно, знаете, какую роль этот миф сыграл в моей жизни, если вы читали мои книги. Ах да, я забыл, что мои поклонники не читают моих книг! Хорошо, я все расскажу вам сам. Хотите шампанского?

Слуга, мажордом, шофер и мастер на все руки принес шампанское и бокалы.

— Это Артуро, — сказал Дали. — Артуро, это сеньорита Аманда.

Артуро с нескрываемым энтузиазмом пожал мне руку. Я взяла предложенный бокал. Это было великолепное розовое шампанское,

единственный напиток, который Дали предлагал своим гостям. Он получал его прямо в ящиках от одного фабриканта из замка Перелада. Потом он внимательно рассмотрел меня и вскричал:

— Боже мой, какая красивая стрекоза! Гала, посмотри! А эти бабочки!

Гала обиделась или сделала вид, что обиделась:

— Вижу, вижу, я прекрасно все вижу.

— У Галы была целая коллекция крошечных пчелок. Она их прикалывала к корсажу, как и вы. К несчастью, она их растеряла. Жаль, я их так любил. Гала сама пчела. Она подлетает, жалит и — ее и след простыл.

Гала в самом деле покинула наше общество очень быстро. Видимо, она была раздражена посредственностью компании и плоскими темами разговора. Дали спрашивал меня, что нового в Лондоне, знаю ли я что-то о «Битлз» и правда ли, что Йоко Оно — сюрреалистка. Мэр Кадакеса тоже вскоре нас покинул. Когда он ушел, Дали вскользь заметил, что он похож на Гитлера:

— Если б у него на лбу была прядь волос, он был бы просто двойником Гитлера. Меня удивляет только, что вы этого сразу не заметили, вы, от которой обычно ничего не ускользает.

Но в этот момент я совсем не думала о Гитлере. В доме Дали господствовал удивительный покой. Приближающиеся сумерки придавали ощущение умиротворенности уютному белому дворику; ни одно дуновение ветра не тревожило ветви олеандров. Над нашими головами пролетела ласточка. Дали объяснил мне, что по-испански ее называют golondrina. Какой у него был счастливый вид под сенью этого дома!

— Да, я всегда счастлив, — сказал Дали. — У меня внутри термостат, нечто вроде саморегулирующейся системы, которая заботится о том, чтобы ничто не тревожило мой покой. Когда на горизонте появляется малейшее беспокойство, мой внутренний термостат начинает работать и делает так, чтобы я не страдал.

Он добавил после минуты раздумья:

— Иногда мне хочется рвать и метать от излишней удовлетворенности. Я так счастлив, что боюсь умереть от избытка счастья.

Я сказала ему, что именно эта способность всегда быть счастливым внушает мне зависть. Я никогда не была счастлива.

— Я думаю, что вы несчастны по натуре. Вас трудно будет научить быть счастливой, потому что вы любите чувствовать себя несчастной. В этом вы похожи на Рене Кревеля. Это Гала первой заметила. У него, как и у вас, был упрямый лоб, слегка менингитичный, чувственный рот…

Он взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

— Как бы я хотел, чтобы вы были счастливы. Я ясно вижу, что вы архетипичны и в то же время уникальны.

Его глаза были яснее, чем в Париже. Они были серо-зеленого, оливкового цвета и ярко блестели. Когда я встала, чтобы уйти, он пообещал мне, что завтра покажет мне свою мастерскую.

— Я сейчас работаю над большим полотном, на котором будет изображена ловля тунца. Вы увидите, в этом что-то есть. Это психоделическая картина, полная оптических иллюзий. Я как раз сейчас пишу рыб самых радужных цветов, и ваша стрекоза мне во многом поможет.

Проводив меня до двери, он объяснил, почему в его доме так много лестниц и переходов:

— Когда мы приехали сюда с Галой, у нас совсем не было денег. Мы купили хибарку у одной замечательной женщины по имени Лидия la ben plantada, т. е. «хорошо стоящая на ногах». Мы тогда жили в этих двух комнатках (он показал на комнату с чучелом медведя и на соседнюю столовую). Мы здесь спали, и это было чудесно. Когда у нас завелись деньги, Гала купила соседнюю хибару у одного рыбака, потом другую, и так мало-помалу мы обзавелись целой анфиладой комнат. Каждый раз мы делали дыру в стене; этот дом просто-напросто анфилада рыбацких хибар, соединенных друг с другом. Меня спрашивают, какой архитектор это выдумал: и я отвечаю, что этого архитектора зовут случай.

Он поцеловал меня на прощанье и добавил:

— У вас уже не такой унылый вид. Это хороший знак.

Как обычно, я задавала себе много вопросов: что подумала Гала о навязчивых посетителях, помешавших ее мужу работать; ревновала ли она, когда в ее присутствии Дали отпускал комплименты другим женщинам? Увидел ли в нас Дали персонажей картин Гюстава Моро? Вдохновляла ли его причудливость нашей одежды, его, увлеченного, должно быть, благородной печалью полотен Веласкеса? Может быть, он пригласил нас, чтобы шокировать добродушных уроженцев своей провинции?

Однако вскоре я заметила, что мы больше не шокируем никого в деревне, вероятно, местные жители видали и не таких, как мы. Место встречи разношерстной артистической богемы, Осталь, не мог пострадать от провокационных выходок заезжих хиппи. К тому же рядом с кафе высилось здание непобедимой Guardia civil, и желательно было не попадаться на глаза стражам порядка во время курения травки. Можно было потанцевать, но вне Кадакеса, в Рашдинг например. Поскольку у нас

не было машины, мы все дни напролет слонялись от Осталя до Маритим (кафе напротив пляжа) и до Мелитона, чтобы срезать угол. Мы бродили вдоль моря, обедали в дешевой харчевне и заканчивали свой день на холодном песке пляжа, любуясь звездным небом, перед тем как заснуть. Больше из боязни одиночества, чем из сексуальной потребности, я спала со своими случайными попутчиками. Я любила их длинные волосы и выпуклые бедра, к тому же у меня была слабость к блондинам — я видела в них что-то ангельское, и напрасно. В Кадакесе было много голландцев и англичан, поэтому у меня был богатый выбор. Курортные романы не длятся долго, да и к тому же у меня не было желания влюбляться.

По утрам мы завтракали на деревенской площади: cortado (кофе со сливками) и бриоши. Были еще разносчики, которые продавали churros, пончики с фруктовой начинкой в оливковом масле, сладкие и аппетитные. Я их обожала. На террасе кафе всегда на одном и том же месте сидел маленький чистенький человечек с суровым видом. Это был Марсель Дюшамп, вернувшийся в Кадакес после долгих лет отсутствия, настоящий сюрреалист старшего поколения. Виделся он только с Дали. Он часто играл в шахматы, игру, которая давно меня привлекала, и всегда молчал. Днем мы ходили купаться в уединенные места, поскольку на центральном пляже не было проходу от детей и туристов. По вечерам Дали приглашал нас к себе. Иногда я приходила к Дали с друзьями, иногда одна. Конечно, я предпочитала идти одна и слушать по дороге пение сверчков.

Мастерская Дали стала для меня просто откровением. Она была надежно защищена красивой старинной дверью в каталонском духе. Я спустилась по ступенькам и попала в заставленное помещение, сакральное место, где Дали предстал передо мной в рабочей одежде, с чистыми очками на носу и с палитрой в руках. В левой части мастерской была лестница, которая вела в надстройку, загроможденную книгами, экзотическими вещами, манекенами с витрин. Там были еще: гигантский макет молекулы, разноцветный картон и венецианские маски, оставшиеся после бала у Бестеги. Наверху была еще библиотека, состоящая из книг на любой вкус, ветхих и переплетенных, полуразорванных книг по искусству, научных трудов. Мастерская, в которую через большие окна лился солнечный свет, выходила на бухту Порт-Льигат. Я заметила большой гипсовый слепок «Гермеса» Праксителя, на который была надета фехтовальная маска и колпак Дэвида Крокетта, старомодный ларь с книгами, стул, обтянутый белой тканью, столы, заваленные красками, кисточками, эккерами и угольными карандашами. Но главное место в мастерской занимал холст. Он растянулся на всю стену, и благодаря системе электрических шкивов его

можно было поднимать и опускать, нажав на кнопку. Маленький смуглый человечек сидел на табуретке и возился с углом холста. Дали представил мне его:

— Это Беа, он помогает мне перемещать холст. Еще он выполняет всякую подсобную работу.

Позже я узнала, что маленький Беа делал многое из того, о чем Дали не упомянул. Он писал детали картин, тяготившие Дали, занимался фоном, небесами, а также большинством так называемых реалистических частей картины, которые он просто-напросто копировал с фотографий. Одна из таких фотографий, в процессе работы исполнявшая функции центрального персонажа картины, была приколота прямо к холсту. Дали велел мне сесть.

— Садитесь и смотрите на полотно. На этом стуле сидит Гала, когда она приходит мне читать.

На ручке стула лежала открытая книга Сен-Симона, страница была заботливо заложена. Дали с восхищением прокомментировал свою картину:

— Вы видите эту рыбу! Какие цвета! Просто радуга! Это guilas, рыба, которую ловят повсюду. И эта брызжущая кровь, какая сила, не так ли?! Завтра я займусь ножом. Нужно, чтобы все внимание зрителей было сосредоточено на этом ноже. Гала говорит, что это шедевр.

Выйдя из мастерской, я прошла через маленький салон, окно которого обрамляло море, как рама картину. Это был салон-улитка (caracol по-каталонски), названный Дали так из-за лампы в форме улитки, стоявшей на столе. Когда мы выходили из дома, он показал мне незаметную дверцу в стене: «А здесь спит Беа…» Трудно было представить себе более скромное пристанище для человека, причастного к картинам, которыми гордятся музеи всего мира…

— Пойдемте! — сказал Дали. — Я хочу показать вам моего Христа.

Он повел меня по коридору за пределы внутреннего дворика. Только тогда я увидела действительные размеры его владений. Огромный сад занимал весь холм и спускался к морю. Мы миновали башню и голубятню, потом оказались пред тем, что на первый взгляд выглядело как куча мусора: лопнувшие шины, бревна, кирпичи, всякий железный хлам — все это занимало несколько метров.

— Красиво, не правда ли?

В конце концов он мне объяснил, что соорудил эту кучу хлама для эпизода документального фильма Жана-Кристофа Аверти о нем. Во время съемок он веселился как сумасшедший, давал полную свободу своей фантазии: рисовал зеленую свиноматку, а потом бросал холст в море, оснащал долговязую чернокожую модель Дониаль Луна крыльями и

позолоченными контактными линзами, когда съемки проходили в скалах мыса Креуз, и так далее, и тому подобное… Гигантские яйца на стенах и картонные персонажи «Анжелюса» Милле тоже были следами этого безумия. Во время съемок должны были снимать с вертолета «Христа», состоявшего из ветхого каркаса рыбацкой лодки и самых разных отслуживших свое материалов.

Издалека, например, с террасы отеля, это нагромождение отбросов походило на трагического Христа, но вблизи это был не более чем хлам, гнивший на солнце. Я взобралась на вершину нелепого сооружения и, перепрыгнув с барки на барку, уселась внутри. Дали посмотрел на мои проделки и восхищенно сказал:

— Удивительно, но инстинктивно вы сели в самом сердце моего Христа, вы — душа этого произведения. Дайте-ка я вас поцелую, ангелоподобное существо!

И он так страстно поцеловал меня в лоб, что на нем отпечатались его усы, подкрашенные черным карандашом.

Глава 5

«Благодаря моему другу, доктору Паже, я увлекся стрекозами. Эти насекомые демонстрируют реальность антигравитации. Они в этом похожи на мух. Стрекозы — это машины будущего».

Сальвадор Дали

В следующие несколько дней я исчерпала все, что мог предложить мне Кадакес, все его развлечения, неудобства и сюрпризы. Деревня, расположенная у странного нагромождения скал под названием мыс Креус, жила в замедленном ритме все лето, ожидая зимней спячки. Здесь не было кинотеатра, совсем немного магазинов, одна-единственная парикмахерская, но зато была прекрасная церковь в стиле барокко. Создание клуб «Средиземное море» вызвало бурю критики. Для этого нужно было выстроить дорогу, которая проходила бы как раз за владениями Дали. Наплыв туристов вызывал раздражение местных жителей, которые считали, что кемпингов и транспорта вполне достаточно, не говоря уже о чудовищном отеле «Порт-Льигат». Был создан Комитет по охране окружающей среды, который возглавил Дали. В итоге ничего нельзя было построить, не утвердив сначала макет. Ни один дом не мог иметь несколько этажей, кроме того, все новые дома должны были быть построены из сумрачного серого камня, чтобы гармонировать с пейзажем. Издатель Фаскель был единственным соседом Дали, тогда как Козий остров оставался вообще необитаемым.

Поэтому, если ты не был писателем или художником, тебе оставалось только отчаянно скучать в окружении этих черных причудливых скал, особенно зимой. Я познакомилась с людьми, у которых были здесь собственные дома, с архитекторами из Барселоны, с журналистами, с румынским скульптором Бабиано, с Гинессами. Время от времени они устраивали вечеринки, где пили много и мало курили. Несмотря на многочисленные приглашения, Дали там никогда не появлялся. Он крайне редко выходил из дома, предпочитая принимать посетителей у себя и приберегая свою светскость до сентября, когда он собирался обосноваться на некоторое время в Барселоне.

Однажды утром он спросил меня, смогу ли я ему позировать в 5 часов

вечера, после сиесты. Крайне взволнованная, я пришла вовремя, и верная Роза, которая почему-то стала со мной любезной, провела меня в дом. Дали сонно спустился по ступенькам, еще непричесанный, и нашел меня в гостиной-улитке, где я ждала его у окна.

— Вы никогда не спите после обеда? — удивленно спросил он. — Какая жалость! Вы сами не знаете, что теряете. Это просто чудесно заснуть ненадолго, на время потерять сознание. Просыпаешься отдохнувший, ясно представляя себе, как будет выглядеть твой законченный шедевр. Но у вас печальный вид, моя маленькая Аманда, вы все еще влюблены?

— Вовсе нет, — ответила я. — Но мои каникулы скоро кончатся, и я не смогу больше видеться с вами.

— Но ведь вы вернетесь?! Не возражайте! Я вам уже сказал, что мы никогда не расстанемся. Мы друзья на всю жизнь, и даже больше чем друзья, вы это знаете.

Впрочем, Гала в сентябре уезжает на несколько дней. Вы можете поехать со мной в Барселону. Людовик XIV вернется из Малаги, и я покажу вам город. Вы ведь еще не были в Барселоне? Ах, это будет замечательно, я вас поведу на бой быков, мы посетим «Рамблас», и «Риц». Вы ведь никогда не были в «Рице»? Я вас приглашаю. Нет, никаких возражений!

Его увлекла идея открыть для меня город, которого я не знала. Вообще ему необычайно нравилось меня учить. Теперь он без конца соблазнял меня красотами каталонской столицы и водил меня в свою мастерскую, совершенно пустую, где мирно высыхала «Ловля тунца». Справа от библиотеки была маленькая дверь, которая вела в сумрачную комнатку, где царил неописуемый беспорядок. Бумага соседствовала с флаконами льняного масла, странными муляжами, статуэткой Богородицы, экзотическими вещами, волшебным фонарем, серебристыми подушечками, наполненными гелием, привезенными Дали из Нью-Йорка. Подобие пьедестала, покрытого куском прозрачного плексигласа, было предназначено для натурщиков. Дали рисовал их с этого пьедестала, откуда их было видно как бы в уменьшенной перспективе. Кроме того, создавалась видимость, что натурщик висит в воздухе. Натурщики и натурщицы позировали обнаженными, и Дали мог доставить себе развлечение, детально рассмотрев их самую интимную анатомию. Я спрашивала себя, стану ли я таким же объектом осмотра или он действительно будет меня рисовать. Я знала, что сеансы позирования были не более чем предлогом для того, чтобы заставить раздеться парня или девушку, которые имели несчастье понравиться Людовику XIV или кому-то еще из придворных дам и кавалеров.

Дали попросил меня раздеться и лечь на восточные подушечки прямо на полу. Он взял большой кусок бумаги Кансон и уголь, устроился на ступеньках, ведущих в мезонин, и стал объяснять, какую позу я должна принять.

— Закройте глаза, как будто вы спите, правильно, вот так. Тело должно быть раскованным, руки за головой. Вытяните одну ногу. Нет, не двигайтесь! Это чудесно! Не бойтесь, это долго не продлится, только не меняйте позу.

Я услышала скрип угля по бумаге и комментарии Дали.

— Эта линия бедра очень красива. Это хорошо, что кость так выступает. Это божественно! Впрочем, Гала считает, что я слишком часто говорю «божественно». Она говорит, что у меня просто мания превосходной степени. Вы уже заметили, что я часто говорю «колоссально».

Я не выдержала и улыбнулась.

— Не смейтесь, малышка. Мне нужно еще дорисовать уголки ваших губ. Ваш рот нежный, нежный…

Он процитировал Гарсиа Лорку.

— Ну вот, почти готово. Беа мне сказал о вас утром: «Это стрекоза!». Это необыкновенно, правда? Забавно, но он иногда проявляет удивительную чувствительность. Он угадал, что вы благостное существо, легкое, как дуновение ветра… От ваших глаз ничего не может укрыться. Посмотрите, какой красивый рисунок!

Это был почти эскиз, и я сказала себе, что мой преподаватель в Академии искусств его бы обязательно раскритиковал: вялые линии, непропорциональные ноги, скороспелое художественное решение… Но все это, конечно, не помешало бы продать эскиз какому-нибудь американскому любителю.

— Вам нравится? Я его назову «Сон Гипноса». Гипнос — бог сна, как вы знаете.

— Но, по-моему, Гипнос — мужчина, — робко возразила я.

— Он бог. И поэтому не имеет значения, мужчина он или женщина. Вы знаете, что я за смешение полов. Мой идеал красоты — греческий Гермафродит, божественное существо. Из вас вообще мог бы выйти хорошенький мальчик. Мы видели одну девушку в Нью-Йорке, такую красивую, что Гала не заметила, что это был переодетый юноша. Гала не хотела в это верить, и мне пришлось попросить его раздеться. Когда Гала увидела его «лимузин», она широко раскрыла свои беличьи глазки, это было забавно!

— Что это такое, «лимузин»? — спросила я удивленно.

— Да, я и забыл, что не объяснил вам этого. Вы должны знать, что мои придворные имеют свой собственный словарь для обозначения некоторых вещей. Например, вместо слова «член», кстати очень вульгарного, мы говорим «лимузин». Это уже гораздо приятнее. Вместо «заниматься любовью» мы говорим «строчить на швейной машинке». Это не только образное выражение, но и достаточно точное. Когда люди занимаются любовью, можно сказать, что они «строчат на швейной машинке».

Дали больше не просил меня позировать ему, и я морально приготовилась к отъезду. По этому случаю он пригласил меня на обед вместе с только что приехавшей Людовиком XIV. Маленькая летняя столовая примыкала к внутреннему дворику. Она была полностью занята железным столом в форме подковы, покрытым блестящим шифером. Громадная морда носорога, набитая соломой, висела над окном, выходившим на море. Я чувствовала себя немного не в своей тарелке, и Дали забавляло мое беспокойство. Он посадил меня слева от себя, напротив — Людовика XIV. Гала сидела справа, около друга Людовика XIV, юноши с призрачной красотой, невероятно тощего, которого Дали тут же окрестил морским коньком. Два великолепных посеребренных канделябра со свечами, цветами из воска, и к тому же перевитые лентами, украшали стол. Воск таял, и горячие капли стекали на листы бумаги, которые Артуро заботливо постелил под ними. Стекая, каждая капля издавала легкий звук, который был лейтмотивом этого обеда.

Гала, как обычно, ничего не ела. Она обращалась по-каталонски к Артуро, который часто смеялся. Она нарочно демонстрировала свое презрение к гостям. Дали попытался сгладить неловкость:

— Вы слышите, как она хорошо говорит по-каталонски? Никто бы не сказал, что она русская, моя olivona. Она разговаривает с Артуро, как настоящая крестьянка.

— Но я и есть крестьянка! — отвечала Гала. — Я не принадлежу к этим дворянчикам, которых ты пригласил сегодня!

— Что вы сказали?! — Людовик XIV приняла обиженный вид. — Вы это обо мне?

— Конечно о вас! — не унималась Гала. — Дали всегда приглашает фальшивых принцесс и рыцарей, которые на самом деле только мелкие служащие. Я же предпочитаю фальшивым дворянам подлинных простолюдинов!

Дали объяснил мне, что эта манера нападать на людей была вызвана застенчивостью Галы и, сверх того, ее комплексом по отношению к

знаменитым или очень красивым женщинам, которые ее окружали. Она всегда сеяла ужас на светских обедах. Однако, если она и критиковала фривольность Людовика XIV, то все же любила Короля-Солнце. Эта дама развлекала Дали, а самым главным для Галы было счастье ее мужа.

После домашней колбасы на закуску последовал шедевр Пакиты, поварихи: омар в шоколаде. Дали прекрасно осознавал эффект, производимый этим блюдом, и приказывал его приготовить каждый раз, когда хотел эпатировать только что завербованного придворного. Контраст соленого и сладкого был так притягателен, что я несколько раз брала себе добавку. Гала краешком глаза следила за мной:

— С ума сойти, сколько она ест! — заметила Гала. — Нужно будет в следующий раз спрятать от нее съестное, иначе нам ничего не останется. А я-то думала, что вы, хиппи, живете на песнях и марихуане, — добавила она с язвительным видом.

На этот раз я стала мишенью для ее шуток. Я ответила, что оценила ее кухню и взяла добавку из вежливости.

— Из вежливости! Какая наглость! Кто бы мог подумать! Она приходит к нам в таких коротких юбках, что когда наклоняется, можно разглядеть ее нижнее белье, и она еще говорит о вежливости! Ты слышал, мой маленький Дали?! Она просто обнаглела!

Дали молча посмеивался в усы, упиваясь моим замешательством, вызванным уколами Галы. В конце обеда, после вкуснейшей braz de gitana — руки гитаны, венского сдобного рулета с ванильным кремом, Гала вдруг спросила меня, когда я собираюсь приехать еще раз. Я об этом не думала.

— Неужели? Вы не знаете? Но я должна это знать, чтобы наметить свой план действий. Скоро Mare de Deu (15 августа, праздник Богородицы). Я должна уехать на несколько дней в начале сентября. Я вам оставляю Дали. Вы приедете сюда, в вашей короткой юбке, с вашей корзинкой, и составите ему компанию. И ешьте поменьше, а то станете такой же толстой, как вот это (она показала на голову носорога, весьма довольная этим сравнением). Да, не смейте трогать Артуро. Он мой. Вам должно хватить Дали, можете развлекаться с ним сколько угодно. Но знайте, что Артуро это простой человек, которого я очень люблю. Может быть он вами и увлечется, но вы на него не посягайте.

Артуро, стоявший в своем углу, ожидая того, когда можно будет убирать со стола, засмеялся. Шутки Галы меня обидели. Когда мы выходили во внутренний дворик, Дали взял меня за руку и прошептал:

— Не обижайтесь так сильно. Укольчики Галы не более чем тесты, чтобы вас испытать. Я уверен, что она вас любит. Если бы она вас не

любила, она бы мне уже сказала.

Мы уселись во дворике, Дали и его жена в куртках из синтетического меха пантеры, я в длинном марокканском плаще, драматический вид которого мне нравился. Вдруг из громкоговорителей, спрятанных за лавровыми деревьями, полилась музыка, одновременно нежная и величественная. Магнитофон был старый, и пластинка то и дело ерзала. Дали, который, казалось, был на вершине счастья, закричал:

— Вагнер! Звездная ночь и Галюшка рядом со мной, чего еще можно желать!

Прислушайтесь, Аманда, к этому шипению жарящихся в масле сардин, которое делает pick-up. Тристан и Изольда в этом отношении еще красивее.

Мы в полном молчании дослушали музыку до конца, сардины полностью изжарились. Гала замерзла и вернулась в дом. Дали взял меня за руку и процитировал несколько строк Гарсиа Лорки o la yerma de tus dedos, то есть о «капле, заточенной в темнице твоих пальцев».

Я возвратилась вместе с Людовиком XIV, которая остановилась в отеле. Ее друг, морской конек, отвез меня на машине в Кадакес. На следующий день я была уже в аэропорту в Жероне и ждала самолет на Лондон.

Глава 6

«У нас в Каталонии есть такое выражение: Пусть парни побольше смотрят на девушек, но поменьше их трогают».

Сальвадор Дали

Лето 1966 года было очень жарким. Это было лето поп-музыки, «Пинк Флойд» и их психоделических световых шоу, хиппи и пацифизма. Я читала «Властелина колец» Толкиена и иллюстрировала сказки фейри. Я увешала свою квартирку плакатами и безделушками, выбросила кровать и оставила на полу только матрас, покрытый ковриками и подушечками, над всем этим я разместила вышитые шали, образовывавшие альков, внутри закрытый от любопытных глаз их длинной бахромой. Я кадила в помещении ароматическими травами и слушала музыку вместе с друзьями, которые никогда не упускали возможности принести на наши сборища гашиш, чтобы выкурить обязательное «наргиле». Обманчивый дым гашиша превращал нашу конуру во дворец «Тысячи и одной ночи». Испания, Дали и его минеральная вода, способная заменить любой наркотик, злая Гала — все это было так далеко от меня. Мы были «неформалами»

— авангардом нового общества. Дали со своим греческим искусством и мифологией казался мне теперь безнадежно устаревшим. Он звонил мне время от времени, и все для того, чтобы похвастаться: «Я нарисовал необыкновенного ангела» или «моя новая теория произведет революцию в законах физики». Казалось, он удивлялся, как я вообще могу жить на свете и не помышлять о его персоне.

Где-то в конце сентября он пригласил меня присоединиться к нему в Барселоне, Гала уехала позже, чем было предусмотрено. Было время праздника Merced, весь город был в возбуждении. Шофер из «Рица» ждал меня уже в аэропорту, и, едва я оказалась у дверей отеля, Дали выбежал мне навстречу. Он снова стал светским Дали: костюм, рубашка с жабо и галстук. Дали сопровождал его кузен Гонсало Серраклара, приятный мужчина, лоб которого пересекал большой шрам. Он обратился ко мне на чистейшем французском языке. Но Дали удалил кузена одним жестом и повел меня через холл прямо во двор.

— Нужно, чтобы вы увидели глицинию, — сказал он.

Эта глициния, как и все глицинии мира, образовывала нечто вроде

сетки из сиреневых кистей. В соответствующее время года. Но сейчас был не сезон.

Кроме глицинии, я получила право на fashion show его «большого друга кутюрье Пертегаса». Я должна была еще познакомиться с Матильдой, одной из его первых «жинест». Толпа разодетых дам у входа в салон, где должен был состояться показ мод, ясно дала мне понять, что нужно переодеться. Дали объявил мне, что моя спальня на первом этаже, рядом с его спальней. Две комнаты на деле разделялись только просторной гостиной, обставленной строгой мебелью и освещенной люстрами из старинного хрусталя. Я с восхищением обнаружила великолепную ванную с настоящей римской баней: украшенный мозаикой бассейн, наполнявшийся с помощью двух позолоченных кранов. К бассейну вели две ступеньки. Напротив кровати, над мраморным камином, висело зеркало, украшенное позолоченными гирляндами; софа была обтянута серым бархатом. Отель «Риц» был строже «Мериса», но такой же роскошный.

Я оделась в сиреневый бархат, положила на веки серые и сиреневые тени и спустилась к Дали, который с нетерпением ждал меня в холле отеля. Одним взглядом он оценил мой туалет и буквально потащил меня в салон. Там у него была абонирована ложа, в ложе сидели незнакомые мне люди. Манекенщицы были сильно накрашены, с тщательно продуманными прическами, очень нравившимися Дали. Платья, впрочем, были достаточно традиционными. Одно из них, длинное, серебристо-серое, украшенное розовыми бантами, ему напомнило инфанту Веласкеса.

— Оно бы вам пошло, — добавил он.

Я не представляла себя в таком виде, но промолчала. Появилось вечернее платье, пестрое, расшитое золотом и разноцветным жемчугом. Тогда он прошептал:

— Вот это я собираюсь купить для Галы. Она его, конечно, возненавидит, но будет носить, чтобы доставить мне удовольствие. Я люблю видеть Галу щеголихой, разубранной как королева!

В конце показа мод он подошел к седеющей толстенькой даме, которая работала у кутюрье: она повела Дали фотографироваться с понравившимися ему манекенщицами. Манекенщицы радостно встретили его появление. Он попивал сыворотку, позировал с удовольствием: поднятая трость и подведенные глаза, довольный тем, что он опять в центре внимания. Строить из себя звезду, даже на достаточно фривольных сборищах, было для него жизненно необходимо. Любезная дамочка вновь подвела его ко мне и пылко поблагодарила за приход. Дали болтал с ней,

все время посматривая на меня и пощипывая за локоть, чтобы обратить мое внимание на то, что я никак не могла заметить. Когда она покинула салон, мэтр дал мне ключ к этой загадке:

— Это она! Это Матильда! Во время обеда я расскажу вам о моем романе с Матильдой-изменницей, как говорил Лорка.

Мы отправились обедать в «Виа Венето», один из тех розовых вульгарных ресторанов, которые любил Дали. Нас обслуживали официанты в розовых ливреях и с кружевными жабо, один другого услужливее. Такое низкопоклонство показалось мне просто невыносимым, и я в ярости стукнула каблуком по подушечке, положенной мне под ноги. Дали был в восторге:

— Вы меня просто смешите! Сам не знаю почему, но вы очень комично выглядите. Здесь, в «Виа Венето», рядом со всеми этими camereros, которые вам прислуживают, вы печальны как никогда с вашей неизменной корзинкой. Вы даже не можете себе представить, как это забавно!

И он радостно засмеялся. Я не могла понять, что же было такого комичного в этой драматичной, на мой взгляд, ситуации. Я была затеряна в это мире, живущем совершенно иной жизнью, чем та, к которой я привыкла. Меня учили, что нужно презирать бесполезную роскошь, достаток и богатство, а я была в компании этого тронутого миллиардера, с которым я разгуливала по снобистским ресторанам. Я выразила свое неодобрение и заказала монашеские блюда и фрукты.

— Вы прямо как Гала, — заметил он. — Она ненавидит это место. С ней мы всегда обедаем в «Рено». Там все гораздо строже.

Как и было обещано, он стал рассказывать мне о своем романе с Матильдой. Он любил ее, когда она была молода и «прекрасна, как день». Она была его жинестой, его весенним цветком, пышущим каталонским здоровьем, он за ней усердно ухаживал и посылал ей пламенные письма. Потом он уехал, а она вышла замуж. Он ее забыл, но, узнав о ее браке, назвал ее Матильдой-изменницей, по названию поэмы Лорки, посвященной другой Матильде, отказавшей поэту, когда тот был еще студентом. Несколько лет спустя дама, одетая в помятый непромокаемый плащ, подошла к нему в магазине. Это была Матильда, но совершенно неузнаваемая, прекрасная Жинеста прошлых дней стала толстой матроной, молча плакавшей при виде Дали, который едва ее вспомнил. Эта история меня очень взволновала. Я испытывала симпатию к несчастной Матильде и каждый раз осведомлялась о ней, приезжая в Барселону. Дали, не разделявший этого интереса, сказал мне однажды: «В глубине души я вижу,

что вы добры. Какая жалость!»

Во время этого первого пребывания в Барселоне Дали открыл для меня Параллело, нечто вроде испанской Пигали, Молино, где старый загримированный комик ходил вразвалочку, ссорясь с публикой, театр «Колсада», с его толстушками на высоких каблуках и актерами-мужчинами, тощими и коротенькими, систематически попадавшими впросак. Дали заметил: — Это миф о самке, пожирающей самца. Взгляните: девушки пышут здоровьем, а мужчин подобрали истощенных, как будто из них высосали всю кровь.

Однако представление было достаточно забавным, и публика, в основном простая, аплодировала каждой удачной реплике. Вероятно, для контраста кордебалет, который выступал между каждым действием, был достаточно патетичным. Из боковой ложи, где мы сидели, можно было хорошо рассмотреть пухленьких танцовщиц, явно не молодых, — должно быть их оставили в театре из жалости. Я указала на это Дали, который прокомментировал: — Это все христианские добродетели. Я вижу, от вас ничто не ускользает.

В последующие дни мы без конца спорили о христианских добродетелях, и, развивая тему, как обычно, раздули ее до необыкновенных размеров.

В «Рице», как и в «Мерисе», в Барселоне, как и в Париже, Дали жил согласно установленному ритуалу. Обедал и ужинал в одном и том же ресторане, пил чай или коктейль в гостиной своего номера в окружении двора, причем особо привилегированные придворные отправлялись с ним в ресторан или на спектакль. Счета всегда были астрономическими, поскольку Дали заказывал шампанское, виски, икру, а кресла только в партере. Мы никогда не ходили в кино. Дали испытывал перед ним ужас. Иногда, правда, он ходил в кино с Галой, но всегда критиковал фильм, невзирая на качество, издевался над мизансценой и условной игрой актеров. Он любил только Бунюэля, да и то потому, что ему завидовал, и Стэнли Кубрика. Все прочее для него не существовало. Даже Феллини был для него слишком итальянским.

В это время Феллини готовил свой «Сатирикон», и некоторые мои друзья отправились в Рим, в надежде быть ангажированными для этого колоссального полотна. Требовались длинноволосые молодые люди, эфебы, чернокожие танцовщицы. Дониаль Луна, которую я встречала в Кадакесе, была приглашена на роль колдуньи. Она предложила мне попробоваться у Феллини. Дали замолвил за меня словечко, и в октябре я уехала в Рим.

Я провела два дня с Луна в местном отеле и сопровождала ее в Синеситту. Феллини был очень занят, и его трудно было поймать. В конце концов он пригласил мою подругу и меня пообедать вместе с ним, а также главным героем будущего фильма, Хирамом Келлером, и его женой в одной траттории старого Рима. Я была удивлена простотой и любезностью Джульетты Мазины и смогла оценить дружескую теплоту этого обеда. Стоял вопрос об участии в проекте Дали. Феллини обожал Дали, но считал, что с ним невозможно работать в одном фильме из-за его непрактичности. В конце обеда он мне сказал:

— Ты красива. Очень красива. Но понимаешь, я ищу женщин, которые весят 150 кг, карлиц, монстров, но не красивых молодых блондинок. Возвращайся, когда станешь безобразной.

Я поняла смысл его слов гораздо позже, посмотрев «Сатирикон», но в тот момент я никак не могла понять, почему моя красота стала непреодолимым препятствием.

Я вернулась крайне разочарованная и позвонила Дали из Лондона:

— Вы были в Сикстинской капелле? В Колизее? В храме Браманте? Вы позвонили князю Русполи?

Нет, я ничего этого не сделала.

— Иногда я вас не понимаю, — сказал он. — Вы были в Риме, самом красивом городе мира, и вместо того, чтобы этим воспользоваться, вы всюду таскались за негритянкой, балующейся наркотиками! Невероятно! Когда вас оставляешь одну, вы становитесь маниакально депрессивной. В Париже мне надо будет заняться вашим воспитанием.

И он повесил трубку.

Глава 7

Из трактата Дали «Моя культурная революция»: «Я, Сальвадор Дали, верный сын римской католической церкви, монархист по убеждениям, со всей скромностью и, в то же время не скрывая своего ликования, констатирую, что все стремления современной творческой молодежи сконцентрированы вокруг одной-единственной добродетели: противостояния буржуазной культуре. (…) Там, где пройдет культурная революция, пустит корни фантастика».

Париж, суббота 18 мая 1968.

Я приехала в Париж в декабре и, как большинство манекенщиц, остановилась в отеле «Луизианы», на улице Сены. Этот отель соответствовал моим средствам и к тому же был вполне приличным. Кроме того, этого было место, непосредственно связанное с историей Сен-Жермен-де-Пре, и все светила экзистенциализма там останавливались. Я часто сталкивалась в лифте с сухощавой и миниатюрной Альбертиной Сарразен. Флор, квартал, где обитала большая часть писателей, был в двух шагах. В этом квартале я встретила одного парня, англичанина, в коричневом бархатном костюме, с разноцветной кепкой на голове. Его звали Никки, и он жил в одном отеле со мной. Он стал моим другом, и я потащила его в «Мерис», чтобы показать Дали, что и я могу найти что-нибудь необычное.

Но он меня обошел. Сняв накипь с парижских ночных кабачков, мэтр привел в «Мерис» шайку невообразимых псевдо-хиппи, подражавших заезжим англичанам и их вкусам в отношении музыки и одежды. Некоторые кутюрье ловили на лету эти новые веяния и вводили моду на ситец, бахрому и пан-бархат. Среди этих кутюрье был Жан Букен с улицы Святых Отцов.

Одной из находок Дали был отвратительный английский паразит, носивший чудовищный головной убор с бахромой такой длины, что она спадала ему на глаза. Он был похож на потертый абажур, и кличка Абажур тотчас к нему прилипла. Итак, я представила Дали моего Никки по кличке Кепка, а Дали представил мне свой Абажур. Гостиная в «Мерисе»

превратилась во двор Чудес. Дали уверял, что все это для меня. Но я всегда знала о его склонности к максимальному смешению людей и красок. Я сказала себе, что Гала была бы разгневана, увидев все это. Но ее здесь не было.

Дали гордо показал несколько новых придворных: тощих святых Себастьянов, болезненных жинест, молодого человека, накрашенного, как вампир, всегда одетого в черное, с мушкой на щеке (настоящей), без всякой (даже обманчивой) примеси красоты.

— Вот видите, — чванился Дали, — вовсе не нужно ехать в Лондон, чтобы найти Flower People, все они приходят к Дали. Я знал, что вы будете эпатированы. Какие красавцы, не правда ли?

Он ничего не понял. Ни один из этих проходимцев не принадлежал к движению, взбудоражившему уже даже Америку. Любовь, Мир, Самопознание, основные принципы настоящих хиппи, не имели для них никакого значения. Они приходили поесть и выпить за счет Дали, позировать ему, а потом хвастаться об этом повсюду. Уязвленная, даже обиженная, я села поодаль.

Несколько позже Дали забрал меня, Кепку и Людовика XIV, издевавшуюся над последними приобретениями Дали, обедать к Бедону. Я попыталась ему объяснить, почему мне было так неприятно видеть его обманутым этими совершенно бесцветными персонами, но из духа противоречия и из упрямства он стал настаивать на их добродетелях. «Даже Гала считает их вполне подходящими». — аргументировал он. Это была бесстыдная ложь.

На следующее утро он позвонил мне в отель:

— Сегодня утром я сделал сенсационное открытие! Вы вылитая «Моисей» Микеланджело! Сходство просто поразительно! И как я раньше этого не замечал? Этим утром я посмотрел на репродукцию статуи Моисея и увидел вас, моя маленькая Аманда, только с бородой.

Вы смотрели на меня с обидой и неодобрением, как, наверное, Моисей смотрел на евреев, когда они отказывались ему повиноваться. Вчера в гостиной вы точно так же смотрели на всех этих абажуров, которые вам так не нравились.

Я ожидала всего, но только не Моисея. Его открытие меня рассмешило.

Позавтракала я горячим сэндвичем с сыром в обществе нескольких знаменитостей, Жака Стернберга, фотографа Гуннара Ларссена и Ольги Жорж-Пико.

К Дали я пришла после его обычного дневного сна — это было

единственное время, когда мы могли поболтать в одиночестве. В этот день он был похож на кота, добравшегося до сливок.

— Я еще кое-что открыл в отношении Моисея. Мой отец имел такой же вид, когда я делал ему больно. Вы знаете, наверное, что для Фрейда Моисей был воплощением отцовского авторитета. Итак, вы мой отец!

Я была ошеломлена. Дали, обрадовавшись, что он наконец-то смог меня удивить, добавил:

— Как и он, вы понимаете, что вокруг вас все идет вкривь и вкось. И поэтому у вас такой печальный и в то же время злопамятный вид. Жизнь несправедливо обходится с вами.

Мне же, напротив, все удается. А вам ничего не удается. Само собой разумеется, у вас нет Галы!

Приехала Людовик XIV, великолепная как никогда, поскольку мы собирались ужинать в «Максиме», и Дали сообщил ей о своем открытии. Она приняла все это как само собой разумеющееся. Впрочем, все вокруг принимали за чистую монету любые слова Дали… Альбом репродукций Микеланджело, открытый на странице с Моисеем, занимал в гостиной королевское место. Дали поймал меня на том, что я его внимательно разглядывала, и, смеясь, задел Людовика локтем. Кретинизация удалась. «Ну уж нет, — подумала я, — со мной ему это не удастся. Он не кретинизирует меня, как моих предшественниц».

Он приберег для обеда только одного очень красивого молодого русского, который выглядел на редкость хорошо. Гала, в свою очередь, поехала ужинать с Единорогом. Второй раз в жизни я была в «Максиме», но не выдала своего волнения. Я не сделала ни единой уступки вкусам Дали и надела свой переливающийся архикороткий наряд. На плече у меня была корзинка из Кадакеса.

Рожер, мэтрдотель, принял Дали почтительно. Отвернувшись, Мэтр (Рожер) и Король (Дали) одновременно засмеялись:

— Ну и вид! Я бы в это никогда не поверил!

О чем это они? Я внимательно на них посмотрела.

— Боже мой, корзинка! Неизменная корзинка из Кадакеса. Мы спорили, осмелитесь ли вы принести ее сюда. Эта ужасная сумочка для вас все равно, что символ веры, вы ее несете, как знамя. И все это здесь, в «Максиме»! В первый раз корзинка из Кадакеса (он подчеркнул то, что корзинка была из Кадакеса) проникла в этот парижский храм. Вы и в самом деле ангелоподобное создание.

Эта история необыкновенно развеселила Дали. В самом деле, я никогда не отдавала себе отчет в неуместности моей практичной и

бездонной корзинки. Я перестала ее носить только в 72–73 году, когда другие женщины (Джейн Биркин, например) стали носить этот, теперь уже модный, аксессуар.

Поскольку наш сотрапезник был русским, Дали сказал ему несколько слов на его родном языке и описал детство Галы в России. Гала, из ненависти к Советам, часто доходила до того, что делала вид, что не понимает по-русски. Однако каждый вечер она что-то записывала по-русски в своем блокноте, к которому Дали не допускался. Время от времени он посматривал на меня и говорил Людовику XIV:

— Взгляните! Это просто сумасшествие какое-то! Когда она поворачивается влево, то все больше и больше походит на Моисея.

О Моисее говорилось еще несколько недель, вплоть до очередного отъезда Дали в Нью-Йорк. Конечно, он неоднократно заставлял меня принимать осуждающий вид. Он принимал непонятно кого, рассказывал непонятно что и бросался очертя голову в отвратительные авантюры, как, например, в пресловутый «эротический» вечер, когда «девушки-рабыни» позволяли себя сечь к великой радости Аррабаля и прочих эротоманов. Конечно, то, что Дали при всем этом играл роль зрителя, меня удивляло, но я понимала, почему его так впечатляло все, что касалось секса. Он считал себя импотентом и компенсировал это беседами и эротическими литературными опусами. Так, в течение нескольких лет он работал над трагедией в трех актах, из которых сочинил только начало первого. Это была история принцессы-девственницы, влюбленной в тирана и в священника. Эта принцесса произносила тирады, полные безумной сексуальной энергии, в которых Дали смешал самые разные извращения, например содомский грех и скотофилию. Ему нравилось убеждать себя в том, что эта пьеса будет вскоре поставлена на сцене, и он пробовал актрис на главную роль. Юные студентки, среди которых была Изабель Аджани, не ведая о том, что их ждет, приходили к Дали, и он давал им читать самые отвратительные места из своей трагедии, написанной александрийским стихом.

Катрин Денев была одной из таких актрис. Дали повел ее к Лассеру. Мы сидели за тем же столом, за которым я сидела с ним в первый раз. Шел снег. Денев была очень красивой и очень сдержанной. Дали делал все, чтобы заставить ее покраснеть, рассказывал сальные истории. Потом он пригласил ее на чай, чтобы прочитать печально известную пьесу, но я думаю, что она почуяла ловушку, потому что не сдержала слова и не пришла в «Мерис».

В каждое свое пребывание в Париже он извлекал эту трагедию, чтобы

прочитать ее актрисам, появлявшимся в гостиной. Все остальное время манускрипт хранился в чемоданчике, закрытом на ключ.

В это время развернулась рекламная кампания корсетов и бюстгальтеров, и мое изображение красовалось на парижских автобусах и в метро. Дали заявил, что во время своей прогулки по Парижу был счастлив видеть меня улыбающейся ему сразу с нескольких автобусов, и попросил у меня один рекламный плакат, чтобы отвезти его в Кадакес. Из-за его мании обращаться к своим знакомым женщинам в мужском роде — Людовик XIV, Ангел, Дофин — все вокруг поверили, что его окружают переодетые юноши, и он, конечно, ничего не сделал для того, чтобы это опровергнуть. Он готов был трубить повсюду, что его Аманда — Моисей, его отец, Рене Кревель, короче говоря, ангелоподобное существо — все в мужском роде. В результате в один прекрасный день журнал «Minute» сообщил, что новая муза Дали — переодетый юноша. Эта легенда мгновенно облетела весь Париж, раздула пару скандальчиков, и бедная Катрин Арле имела несчастье «продать» меня производителям бюстгальтеров! Я пыталась представить эту неприятную ситуацию Дали как настоящее бедствие:

«Но вы должны радоваться, моя милая, — отвечал он, — теперь все будут вдвойне заинтригованы еще больше ухаживать за вами. Впрочем, я вам уже говорил, что вы не юноша и не девушка. Вы ангел, архетип. Только я один почувствовал чистоту вашей души. К тому же вы никогда не потеете, вот еще одно доказательство того, что вы не висцеральное существо, как другие женщины, которые делают эмбрионов. Иногда я даже сомневаюсь в вашем существовании, настолько вы эфирны…»

Тот факт, что я не потею, его чрезвычайно впечатлял. Он касался набалдашником трости моих подмышек, как будто хотел измерить мне температуру, и опускал трость через несколько секунд. Затем он внимательно ее осматривал и произносил следующее:

— Ровно ничего, вы пахнете дроком и цветами. Это тот самый запах меда, которым благоухает Кадакес каждой весной.

Этот факт или эта идея фикс привел к тому, что всю зиму в Нью-Йорке Дали разрабатывал теорию запахов, которую он мне поведал в апреле, после своего возвращения. Он штудировал старые книги, в которых говорилось об аромате святости, исходившем от некоторых мучеников, и о запахах, образовавшихся в результате химической реакции, протекающей в разлагающемся теле. Запах фиалки, исходящий от некоторых останков, был искусственно воспроизведен в лаборатории. После всего этого Дали окончательно убедился в связи между запахами, исходящими от человеческого тела, и моральными качествами индивида, поскольку только

мистические существа не пахли плохо.

Как он это делал всю свою жизнь в отношении Галы, он стал приписывать мне исключительные и единственные в своем роде качества, и все, что меня касалось, приобрело первостепенное значение. Впрочем, он сам признавал, что занимается «кристаллизацией», о которой писал Стендаль, приводя в качестве примера ветку, которую обронили в соляных копях в Зальцбурге, а потом нашли, покрытую кристаллами, как драгоценными камнями.

Глава 8

Заключительная часть интервью, данного Гильому Аното для «Пари-Матч» 19 октября 1968 года: «Кто знает? Может быть для того, чтобы не стать мучеником, избиваемым камнями, Дали рядился в одежды сумасшедшего. Конечно, сейчас уже не побивают камнями эксцентричных людей. Но, обряженный таким образом, он мог в полной безопасности говорить нам истины, идущие вразрез со всеми нашими условностями и привычными истинами».

В течение всей зимы, проведенной вдали от него, я думала о наших отношениях. Дали казался влюбленным в меня. Или он только делал вид, извлекая выгоду из моего присутствия, потому что я казалась ему наиболее интеллигентной из его придворных? Может быть, я просто подвернулась ему под руку как раз в тот момент, когда Гала, утомленная светским образом жизни, захотела немного побыть одна и предоставила его моему обществу? Но чего он хотел от меня? Я не собиралась выйти за него замуж, я не намеревалась даже спать с ним. Да и что бы я извлекла из этого? Он не осыпал меня подарками, не давал мне денег. Наоборот, я тратилась, чтобы сопровождать его. Да стоило ли вообще находиться рядом с ним? Он был жесток со своими друзьями, властен со мной. К тому же он символизировал собой многие вещи, которые я ненавидела: деньги, роскошь, условности, рутину, иногда фашизм, часто лицемерие. Даже его гениальность меня не привлекала. Конечно, я ценила его картины, но далеко не все. Я не прочитала ни одной его книги, и его теории часто казались мне искусственными. Фактически у меня не было причин видеться с ним. Конечно, если я не была влюблена в него.

Он был несколько староват, чтобы заменить мне отца, которого я потеряла, но он, подобно моему отцу, действовал на меня успокаивающе и был так же авторитарен. Мне хотелось, чтобы он меня утешал и обучал. Он знал много таких вещей, которые хотелось бы знать и мне. Иногда мне казалось, что он умеет проникать в суть вещей, опережать открытия. Он походил на пророка Знания. И он меня смешил. Для меня, пришедшей из мира, привыкшего к серьезности, приехавшей во Францию из города, где я жила бедно после любовного романа, закончившегося трагедией, Дали был

вечным источником развлечений. Его комичность часто была непроизвольной, но именно он открыл для меня радость жизни. Быть может, находясь около него, я научусь быть счастливой, я, считающая мир таким безобразным? Быть может, я перестану походить на нахмуренного Моисея, которого разглядел во мне Дали?

В этом году снимался документальный фильм о Дали. Он попросил всех своих друзей принять в нем участие, чтобы набралось большое число людей. Первый эпизод должен был сниматься в музее Гюстава Моро. Пользуясь этим обстоятельством, Дали созвал всех своих знакомых — волосатых, раскрашенных и экзотически одетых хиппи, верных придворных, таких как Адвокатесса (которая вскоре вышла замуж за посла), не был забыт и князь Русполи. Мускулистый молодой человек был наряжен святым Себастьяном, и еще один — на всякий случай. Было еще несколько нимф в венках из цветов, прибывших накануне из Норвегии. Я оделась в фиолетовое — это был мой фетишистский цвет — и заняла место около Дали, который должен был медленно спускаться по спиралевидной лестнице. Перед камерой он объяснил, что вся собравшаяся здесь молодежь олицетворяет собой возвращение к визионерской живописи Моро и что мало-помалу мы вновь вернемся к банальному искусству. Ему, кстати, Дали пел хвалы при каждом удобном случае. Картинам этих черных чудовищ, Сезанна и Мондриана, он противопоставлял величественные полотна Месонье и прежде всего «Исступленных из Жумьеж», картину Люмине. Картина находилась в Руане, и съемки переместились туда. Дали произнес прекрасную речь о мучениях этих молодых людей, отнесенных на плоту — «исступленных» — это значило, что им как бы «резанули по нервам», а не то, что они сходят с ума от нетерпения, как я думала. Я видела только репродукцию этой картины и поэтому была удивлена ее размерами.

Мы чудесно пообедали в «Харчевне Жанны д'Арк» и в тот же вечер вернулись в Париж.

Последний эпизод должен был сниматься в доме Инвалидов, в большом Зале Знамен, перед треуголкой Наполеона, выставленной в качестве экспоната. Я была одета в белое и сопровождала Дали во время этой героической прогулки вдоль наполеоновских трофеев, пушек и знамен. Он вновь рассказывал о Месонье и о его батальной живописи, а также о скульптурах Ришефе, об эпических полотнах и обо всей этой «чудесной архитектуре, которая противоречит всему современному искусству и, конечно же, ошибкам Мондриана, Джексона Поллока и даже Шагала».

Он не пощадил никого, выглядел просто блестяще и я ему об этом

сказала:

— Ах, какая жалость, что вы не видели меня в Сорбонне, где я читал свои знаменитые лекции! — воскликнул он. — В этот день я был уникален! Мне аплодировали изо всех сил. Я прибыл в кадиллаке, наполненном цветной капустой, и когда я показал, что «Кружевница» Вермеера состоит из носорожьих рогов, это был настоящий триумф. Я написал об этом в «дневнике одного гения», но вы, конечно, не читали эту книгу. Вы, по крайней мере, видели «Кружевницу»?

И он решил на следующий день повести меня в Лувр. Было договорено, что мы позавтракаем рано и будем в Лувре к полудню. Я пришла в гостиную «Мериса» вовремя. Как всегда утро, — это было время деловых переговоров. Капитан, его управляющий в течение многих лет, беседовал с издателями, пришедшими подписать литографии или предложить контракты, там были: месье Форе, маленький человечек, который осуществлял вместе с Дали издание самой толстой и тяжелой книги на свете — «Апокалипсиса»; месье Ларжилье, владелец галереи, готовившей выставку под названием «Хиппи Дали». Я заметила еще красивую рыжеволосую даму, огненные волосы которой стали причиной того, что Дали изменил ее имя Лансель на Этинсель (Искорка). Она занималась иллюстрациями к книге Фрейда. Богатый американец пришел заказать серию гравюр. Все эти люди спорили, бранились, но уходили с подписанными контрактами. Я спрашивала себя: кто вызывал больше отвращения: гости или деловые люди? В результате пальма первенства досталась деловым людям, по крайней мере они приносили Дали деньги!

Капитан сказал мне, что Дали в соседней комнате и ждет меня. Но когда я вошла в комнату, он натягивал штаны, был без рубашки, но в подтяжках. Доктор Рукот только что сделал ему обычную инъекцию гемоглобина. Я извинилась за вторжение, но Дали вытолкнул меня из комнаты:

— Господи! Это ужасно! Какой беспорядок! Вам не нужно было это видеть! И неприятнее всего, что вы застали меня в домашнем виде. Я никогда не заставал вас в домашнем виде, это бы все испортило. Впрочем, у вас нет домашнего вида.

Для него было крайне неприятно, если его заставали непричесанным и в тапочках, не готовым к публичному выходу. Это значило показать свой «домашний вид», то же самое, что для женщины оказаться на людях без макияжа. «Домашний вид» олицетворял для него то, что он ненавидел в буржуазии. Он чувствовал себя жалким и не хотел, чтобы я видела его таким.

У меня же не было домашнего вида просто потому, что у меня не было дома. Я сказала Дали, что отель «Луизиана» вызывает у меня депрессию, и он пообещал туда прийти, но именно прийти, а не войти, поскольку предпочел сохранить очарование тайны и при этом увидеть улицу, на которой я жила, и фасад отеля.

Потом он повел меня к Лассеру, чтобы позавтракать наедине. По дороге он перечислял мне достоинства гемоглобина, весьма полезного при постоянном обжорстве, которое он практиковал в Париже. На самом деле он оставлял половину блюд нетронутыми, в качестве реванша настаивая на том, чтобы я ела как следует, потому что у меня снова был «бледный вид и круги под глазами». Он заказывал для меня самые вкусные блюда и требовал, чтобы на десерт я продегустировала «Королевского аиста», по причине его впечатляющего названия.

Во время завтрака, рассматривая потолок, расписанный Мари Лорансен, он в который раз дал мне понять, что большинство женщин пишет плохо и претенциозно. Я надолго перестала говорить с ним о моих занятиях живописью…

Мальро, всегда сидевший за одним и тем же столом, поприветствовал нас, когда мы проходили мимо. Он был с Морисом Шевалье, который элегантно поцеловал мне руку и похвалил мой туалет. Мальро пробормотал, что было бы очень хорошо, если бы Дали пришел на ужин к Луизе де Вильморан и привел меня с собой. Узнав, что мы собираемся в Лувр, Мальро прищурился и сказал мне: «Поделитесь потом впечатлениями!» В лифте Дали отпустил несколько колкостей по адресу Мальро. История с плафоном оперы, расписанным Шагалом, стала Дали поперек горла.

Посещение Лувра началось плохо. Сначала мы стояли в очереди, а потом у нас конфисковали трость, вероятно, чтобы Дали не повредил ею картины, жестикулируя. Он раскритиковал многие экспозиции, сказав, что им нет места в музее, и «вымел» все египетское искусство одним презрительным жестом:

— Посмотрите на эти торсы! «Дыхательный» тип, полная противоположность греческому искусству, которое представляет собой вершину типа «пищеварительного». Можно было сказать, что это пловцы!

Он отказался останавливаться перед импрессионистами, которых он ненавидел. В этот день он ограничился Рафаэлем, Веласкесом и Вермеером. Он рассказал мне историю «Кружевницы» и ее невидимой иглы, точную копию которой он сделал из рога носорога, и о своем рекламном трюке, когда он снялся в одной клетке с носорогом в

Зоологическом саду в Венсене.

— Гала сказала мне, что однажды из любви к рекламе я дам себя убить. Она всегда боится за меня, когда я совершаю подобные глупости, чтобы меня заметили.

Уходя, мы все же взглянули на «Джоконду».

— Нет, вы только посмотрите на этот двусмысленный вид! — взорвался Дали. — Она похожа на шлюху, которая зазывает клиента. Неудивительно, что несколько пылких поклонников ее матери пытались ее убить, повредив холст!

По правде говоря, я испугалась, как бы он сам этого не сделал, такой у него был возбужденный вид. У выхода нас обступили молодые люди, просившие автографов. Дали так яростно расписывался, что его перо несколько раз рвало бумагу.

Он настоял на том, чтобы отвезти меня в отель на своем «Кадиллаке». Меня не впечатляла идея въехать на этой щегольской машине на мою улочку, где было полно студентов. Но Дали не боялся шокировать левых, он хотел увидеть мой отель и попросил шофера остановиться прямо перед его дверью. Машина Дали загородила улицу. Это был рыночный день, и улица Сены была полным-полна зеленщиками, лотками с фруктами и сыром. Напротив отеля была мясная лавка, немного дальше бакалея и булочная. Все рассматривали Дали, и таксисты, которым мешала проехать его машина, непрерывно нажимали на клаксоны. Он сначала стоял с разинутым ртом, а потом завопил:

— Но ведь это чудесно! — закричал он. — Тысяча и одна ночь… Настоящий персидский рынок! Сокровища Аравии! Моя маленькая Аманда, почему вы до сих пор не говорили мне, что живете в настоящем магометанском раю!

Пробка росла, ротозеи посмеивались, но Дали не сдвигался ни на сантиметр. Мне захотелось дать ему пощечину. Он был на седьмом небе. Толпа, фрукты, запахи — это было то, что он любил больше всего: вся эта масса двигалась, жила. Он наконец сдвинул с места свой кадиллак, и я вбежала в отель, когда столпотворение достигло высшей точки.

После этого происшествия Дали стал рассказывать всем, в каком чудесном месте я живу, и часто меня провожал. Единственная выгода, которую я извлекла из этого приключения, состояла в том, что я стала очень популярной среди местных торговцев, и дирекция отеля, впечатленная моими знакомствами, предоставила мне кредит. Кредит это продлился недолго, потому что вскоре я вернулась в Лондон.

Между делом я свела знакомство с актерами «Ливинг Театра», которые

жили в моем отеле и гастролировали со своей пьесой «Новый рай» по всей Европе. Они скоро должны были быть в Лондоне. Некоторые из них были очень красивы, у всех были длинные волосы, иногда они играли голыми, иначе говоря они представляли собой нонконформизм нашей молодежи. Директор театра Джулиан Бек, женатый на Юдит Малина, пригласил Дали на «Антигону», один из спектаклей их театра. Я была знакома почти со всеми актерами, с Санди, Черным Руфусом, итальянцем Лео, блондинчиком Эхнатоном и десятком других, но не со всеми, потому что их было слишком много…

Перед самым моим отъездом Дали пригласил меня на открытие выставки «Подношение Месонье», проходившей прямо на первом этаже «Мериса». Нужно было только спуститься вниз, чтобы присоединиться к толпе почитателей Дали и критиков. Дали хотел воздать почести не только Месонье, но и всему так называемому «банальному» искусству, вышедшему из моды, которое дискредитировали искусствоведы и которому Дали пел дифирамбы, чтобы их позлить. Он не устоял перед тем, чтобы похвалить Альма Тадема и его античных нимф, Бужеро (которому, кстати, 15 лет спустя отдали должное, что еще раз подтвердило правоту Дали), всех так называемых художников «почтовых календарей». Увидев пеструю толпу своих поклонников-хиппи, Дали заметил, что там не было ни одного «turtle-neck» (отложного воротника). Дали ненавидел эту деталь одежды, потому что для него она была символом левых и псевдоинтеллектуалов.

Я вернулась в Лондон. Движение хиппи свирепствовало. Восточные философы имели больше адептов, чем когда-либо раньше. Тимоти Лиари призывал употреблять ЛСД, чтобы постичь истину, другие претендовали на достижение такого же результата с помощью медитации. Мне все уши прожужжали «инь и янь», макробиотической диетой и гуру. Путаница была неописуемая, и мой мозг отказывался понимать происходящее. Мы собирались на Кингс Роуд, в «Летящем драконе», на фасаде которого был действительно изображен огромный дракон. Город был переполнен туристами, которые приехали посмотреть на «swinging London» и на хиппи с Кингс Роуд. Несмотря на свое увлечение мистикой и кельтским искусством и на частые посещения Глэстонбэри и Стоунхэнджа, мои друзья не гнушались ни позировать для фотографий, ни представлять за деньги психоделическую моду. Сын лорда, которого я хорошо знала, Марк Палмер, даже открыл агентство для моделей-неформалов, специализировавшееся на этом. Все парни были красивы, у всех девушек был мечтательный вид, как у женщин на картинах прерафаэлитов.

Мы добились успеха. Скоро нам стали посвящать репортажи,

предоставлять страницы журналов мод, подиумы, при условии, конечно, что все будет что ни на есть нонконформистским. Дошло до того, что «Daily Telegraf» предложил мне позировать… у Дали! Мэтр решил пригласить фотографа и манекенщицу в Кадакес, при условии, что манекенщицей будет Аманда Лир.

В июне я вылетела в Жерону, где нас ждала машина, чтобы добраться до Кадакеса. Мы остановились в отеле «Порт-Льигат», и я рада была вновь обрести дом Дали, увидеть всех его слуг, которые теперь знали меня хорошо, и друзей из деревни.

Съемки заняли несколько дней. Потом Дали должен был несколько изменить фотографии с помощью ретуши. Ему, впрочем, не нравилось видеть меня профессиональной моделью, которая принимает соответствующие позы под руководством бесчувственного и требовательного фотографа. Я должна была часами не вылезать из вод мыса Креус, изображая сирену около скалы. Однако репортаж, появившийся несколько месяцев спустя, был не так уж плох.

Дали угостил фотографа шампанским и отправил его обратно в Лондон. Он был счастлив, что я останусь у него на несколько дней. В отеле мне предоставили комнату, которую занимала Людовик XIV, похожую, если взглянуть на нее со стороны дороги, на хижину. Мне приносили завтрак, а вечера я проводила у Дали. Он продал «Ловлю тунца» Полю Рикару и начал полотно такого же размаха, называвшееся «Галлюциногенный тореадор». Этот тореро ему привиделся на фотографии Венеры Милосской. На этой картине должно было быть много мух. Мы собирались проговорить о мухах все лето.

Наплыв отдыхающих еще не схлынул, и однажды утром мы отправились на морскую прогулку на желтой лодке Галы. Артуро греб, а мы восседали на подушках. Мы плыли вдоль берега, и Дали называл мне каждую скалу по имени: La Farnera была на излучине Порт-Льигат, немного дальше виднелись островки La Blanca, La Rateta, похожие на мышей, и голубой грот, где так приятно было купаться, потому что вода походила на речную. Он объяснил мне геологию этих причудливых скал, благодаря ему я увидела, что одна из них похожа на Христа, другие — на головы рыцарей, третьи — на обнаженных женщин, четвертая — на орла… Артуро указал мне на дельфина, плывшего за лодкой. Дали тут же заметил, что он очень любит этих мифологических животных. Под этим синим небом, с непокрытой головой, он был даже красив. Морской бриз растрепал его волосы, он закрыл глаза и подставил лицо лучам солнца. Это был уже не комедиант, выставлявший себя на показ, не эксцентричный оригинал, не

брезговавший любым предлогом для эпатажа. У него был счастливый вид, и он с нескрываемым наслаждением подставлял лицо водяным брызгам. Артуро причалил в маленькой бухточке, и Дали натянул купальник, чтобы искупаться со мной:

— Не смотрите на меня! — сказал он. — Мне нужно надеть астронавтов! (Он называл так ортопедические пояса, которые должен был носить из-за своей грыжи. Они были хромовые, шарнирные, и ему казалось, что они похожи на снаряжение астронавта).

Я тоже разделась и оставила на себе только трусики.

— Вы можете смело раздеться донага перед Артуро, знаете, многие так делали. Фредерика купалась голой.

Фредерикой звали молодую блондинку, которая провела несколько летних сезонов с Дали, а потом исчезла навсегда. Она вышла замуж и не хотела снова встретиться с Дали, поскольку опасалась, что он найдет ее подурневшей. Даже жинесты стареют, и это, увы, неизбежно. Я радостно плескалась в прозрачной воде. Дали лежал на спине. Я видела только его усы, которые торчали из воды и, казалось, были устремлены прямо в небо. Я ныряла и барахталась, как дельфин. Артуро отправился искать морских ежей. Я уцепилась за скалу и стала на нее взбираться.

— Осторожнее, малышка! Не пораньтесь! Они острые, как бритва, эти скалы.

Он присматривал за мной, как внимательный отец. В этот момент я не делила его ни с кем. Все его внимание было сосредоточено на мне, и он не выпускал меня из виду.

— Я все вижу, — нараспев протянул он. — Что это вы там нашли?

— Раковину, их здесь много.

— Осторожней, не пораньтесь шипами морских ежей!

Я взобралась на скалу. Я чувствовала, как высыхаю на солнце и как его лучи проникают в мои поры. Как далеко был от меня в этот момент Лондон! Я слышала только шум волн, бившихся о скалу. Над нами пролетела чайка. Взгляд Дали был по-прежнему устремлен на меня.

Вернулся Артуро с ведром, полным морских ежей, черных и лоснящихся.

— Я вас попотчую ими за обедом, — сказал Дали. — Морские ежи с хлебом и маслом — это пища, достойная богов Олимпа!

Я прыгнула в воду, и он помог мне забраться в лодку. Когда я вновь обрела равновесие, он взял меня за руку и прошептал, глядя мне в глаза: — Я вас люблю!

Глава 9

«Я живу в Нью-Йорке, потому что меня неотступно, как расстройство желудка, преследуют чеки. Кроме того, это единственный город в мире, который сделал огромный прогресс по части науки и техники. Кибернетика там достигла невероятных успехов. И именно нью-йоркские ученые трудятся сейчас для моего земного бессмертия.

Специалисты по зимней спячке готовят для меня сверхсложные цилиндры, которые смогут продлить мое существование».

Сальвадор Дали

Август 1967 года прошел как во сне. Гайд-парк в Лондоне стал местом тусовок хиппи. Там проходили концерты поп-музыки, манифестации молодежи, акции в защиту мира, sit-in, love-in…Я встречалась с моими друзьями около Серпантайна, у очаровательной бронзовой статуи Питера Пэна. Сидя прямо на траве, мы подкреплялись творогом, йогуртом и медом с ржаным хлебом. Мы пили только воду и фруктовый сок. Все, что содержало красители или химические добавки, было запрещено. Мы только что открыли, что белый сахар — яд для организма, и употребляли только коричневый сахар, впоследствии «Коричневым сахаром» называлась песня Мика Джаггера. Мик жил в замечательном доме в Чейн Уолк на берегу Темзы, рядом с домом антиквара из числа наших друзей, Кристофера Гиббса. Мы часто встречались там (в этом месте, кстати, был отснят один эпизод из фильма Антониони «Blow up») или у Кейта Ричарда, который поселился с Анитой Палленберг несколькими метрами дальше, на той же набережной. Немного поодаль, на Тайт стрит, где когда-то жил Оскар Уайльд, обитал Дэвид Миллинарик, модный декоратор, создатель обоев в мрачных тонах. В то время любили сумрачный интерьер, перенасыщенный антикварными предметами. Фотограф Дэвид Бэйли, только что женившийся на Катрин Денев, выкрасил все в своем доме в черный цвет, включая потолок.

Дали, которому я об этом рассказала, объяснил мне, что каждый человек мечтает вернуться в утробу матери, которая была для него раем. В материнском животе было тепло, мягко, вязко, сумрачно. Человек, конечно,

стремится воссоздать это в интерьере своего дома. Сам мэтр предпочитал все сферическое, бархатистое, успокаивающее. Он упомянул испанского архитектора Гауди и его растительную лепнину. Я видела несколько зданий этого архитектора, когда проходила по Paeso de Gracia в Барселоне. Дали рассказал мне о круглой спальне Галы, которую он велел построить, чтобы она могла в ней укрыться, когда во внутреннем дворике было полно гостей. Оставалось только предвидеть, что я употреблю для этих целей его ванную. Я сама выкрасила потолок своей спальни в голубой с серебристыми звездами. Это походило на часовню, но мои друзья нашли все это очень эффектным.

Мы часто навещали мою подругу Уллу, шведку, у которой была большая квартира в Челси. Она была также владелицей антикварной лавочки на Кингс Роуд, где продавались потертые шейные платки, шали с длинной бахромой и ночные сорочки в викторианском стиле, которые мы с гордостью носили. Она коллекционировала издания сказок фейри, «Легенд о короле Артуре» и предпочитала свечи электричеству, потому что так было красивее. Сидя на бархатных подушечках, мои друзья выслушивали мои бесконечные рассказы о Дали, о его эксцентричных выходках, о его теориях, наконец, о его живописи. Близнецы покорно терпели это, несмотря на мой ученый тон, который наводил страх на молодых людей, предпочитавших развлечения лекциям о сюрреализме. Улла однажды представила мне молодого красивого брюнета со средневековым именем Алексис де ля Фалез. У него был нежный и мечтательный вид, и я нашла его достаточно соблазнительным. Он провел несколько ночей у меня, на Слоан авеню.

Вся эта молодежь, слонявшаяся по Челси, казалось, не имела постоянного места жительства. Они ночевали то у приятеля, то у подруги, а потом отправлялись в галльские страны на поиски «Камелота короля Артура». Девушки были гораздо организованнее молодых людей по части жилища. Они оставались хранительницами очага, пока мужчины пропадали на охоте. Впрочем, и по части охоты наши мужчины не преуспели, охотничьей добычей был только гашиш. В это время я читала поэму Теннисона «Леди из Шалотта», иллюстрациями к которой были картины Хольмана Ханта, так восхищавшие меня в Тейт-галерее. Я мечтала о рыцарях в доспехах и сказочных замках. Я украсила свои сапоги пейзажем с замком, единорогами и танцующими эльфами. Мой друг Марк Палмер отпустил сверхдлинные волосы и жил, как цыган, в фургоне в Корнуолле. Когда его сестра вышла замуж, состоялся большой прием в Сент-Джеймском дворце, в резиденции королевы-матери. Это было

запоминающееся событие, поскольку, несмотря на присутствие королевы Елизаветы, все приглашенные были в самых невероятных одеяниях. Девушки с завитыми волосами были тем не менее босыми, молодые люди без галстуков; Мик Джаггер не преминул надеть розовую шляпу, которая, казалось, приросла к его голове, а Марианна Фэйтфулл подчеркнуто курила. Мы без всяких церемоний уселись прямо на пол великолепного зала приемов и смотрели на проходящую королеву, которая, казалось, была очень заинтригована этим странным сборищем, с явным вызовом. Мы считали себя хитрецами, и даже ходили слухи, что огромный свадебный пирог был начинен гашишем… Все мои друзья были здесь, включая Алексиса.

Я рассказала Дали об Алексисе, и он вспомнил, что хорошо знаком с его отцом. Виконт де ля Фалез жил в Нью-Йорке, и его жена Максима, неотразимая красавица, еще довольно часто выезжала.

— Пусть он приезжает в Кадакес вместе с вами, он как раз очень хорошо будет смотреться в роли странствующего рыцаря, особенно если он красив. Я приглашаю вас обоих.

Мы приехали к Дали в сентябре, но нельзя было сказать, что наше пребывание было приятным. Из робости или из неодобрения, но Алексис не раскрывал рта. Он смотрел на возбужденного Дали с иронией, смешанной с презрением. Он не был покорен шармом нашего хозяина и находил его ничтожным стариком. Кроме всего прочего, он возненавидел ту напыщенную манеру, в которой Дали представил его двору под именем Рыцаря.

Однажды Дали пригласил нас на ловлю маленьких разноцветных рыбок, guilas, необыкновенно вкусных в поджаренном виде. Мы поймали одного Cau Mangeas, нечто вроде косматого моллюска, похожего на медузу, которого Дали потом держал в бокале, чтобы иметь возможность наблюдать, как он двигает щупальцами. Но ничто не могло развеселить печального рыцаря. Дали изо всех сил старался его приручить, но вскоре начал от этого уставать и однажды не удержался и спросил Алексиса, чего тот ждет от жизни. Мы сидели за столом, под чучелом носорога, и как раз говорили о мухах, которые размножаются, но не совокупляются. Алексис сидел с недовольным видом перед пикантными chutelas, любимым блюдом Дали, и не притрагивался к нему, потому что был вегетарианцем. На вопрос мэтра Алексис с некоторым колебанием ответил, что не собирается противиться своей судьбе и хотел бы, наверное, иметь детей…

— Какой ужас! — перебил его Дали. — Эмбрионов? Вы хотите плодить маленьких эмбрионов, бесполезных и обременительных? Это

просто невероятно!

Подруга Дали, Нэнси-угольщица, на которой женился Дадо Русполи, только что родила замечательного малыша, что сильно разочаровало мэтра:

— Беременная женщина — это просто катастрофа, и единственные приемлемые сексуальные отношения — анальные. По крайней мере, ты будешь уверен, что не попадешь в ловушку, которую природа тайком устроила в вагине.

Естественно, Алексис был растерян.

Потом нас посетила Мафильда Дэвис, деловой партнер Дали. Она пришла по поводу нового заказа для Маэстро (так она всегда называла Дали): позолоченных скульптур, которые мэтр должен был выполнить на основе гипсовых муляжей, сделанных еще в Париже. Одна из них была названа «Цветы зла». На ней, впрочем, можно было различить только женские руки и ляжки. Оставалось сделать муляж моего рта.

Завидев Мафильду, Дали стал настаивать на том, чтобы она показала гостям свою грудь, которой очень гордилась. Она не заставила себя просить и тотчас же предъявила искомую часть тела окаменевшему от изумления Алексису.

Я стоически выдержала процесс изготовления муляжа моих губ (муляж этот впоследствии послужил моделью для флакона духов, носивших имя мэтра). Дали настоял, чтобы Мафильда обязательно послала мне чек, награду за мое позирование. Он прошептал, ущипнув меня за локоть:

— Итак, моя маленькая Аманда, у вас будет несколько песет, чтобы купить себе alpatragas (пресловутые каталонские эспадрильи).

Впрочем, он никогда не забывал оплатить мое позирование, предоставляя мне возможность заработать деньги, в которых я так нуждалась. К решению моей финансовой проблемы он приступил гораздо позже. Он считал невозможным давать мне деньги на глазах у Галы, законной жены. Это привело бы к возникновению между нами аморальных отношений содержанки и ее покровителя и только бы извратило теперешнюю ситуацию, и без того не совсем ясную!

Через некоторое время мы отправились в Барселону вместе с Алексисом и Людовиком XIV. Для этой поездки Дали нанял машину, поскольку старый «Кадиллак», который обычно водил Артуро, годился теперь только для недолгих поездок по окрестностям. К превеликому сожалению, — поскольку эта машина 50-х годов (Кларк Гэйбл имел такую же) была великолепна, о чем постоянно напоминал Дали. Она походила на большого черного скарабея, круглого и внушительного. Но и несмотря на

то, что силы Кадиллака не растрачивались понапрасну, Артуро во время каждой поездки заявлял, что теперь-то машина уж точно отдаст концы! Она закончила свои дни в музее Дали в Фигерасе, став *«дождевым такси»,* наполненным улитками из Бургундии…

В Барселоне я вновь обрела свой номер в «Рице» и римскую баню. В течение нескольких последующих дней Дали делал все, чтобы еще больше огорчить моего бедного рыцаря.

Он потащил нас в несколько борделей, без конца рассказывал об особенностях проституток, и все это в присутствии Алексиса, который был чист, как Ланселот озерный… В довершение всего мэтр повел нас на корриду. Для пацифиста и вегетарианца, каким был Алексис, зрелище боя быков, как правильно рассчитал Дали, должно было оказаться невыносимым. Я тоже проповедовала любовь и необходимость отказа от насилия, и, с точки зрения морали, нашла корриду отвратительной, но я не упустила из виду ее художественную и эстетическую ценность. Дали указал мне на великолепные цвета, на роскошь костюмов, на породистость лошадей, на кроваво-черную киноварь быков, на вечернее небо цвета серой горлицы. Я была очарована красной вылинявшей рубашкой с голубым галуном на одном молодом парне, убиравшем арену после боя. Это был мой первый каприз, и мэтр выпросил ее у парня, несмотря на то, что не понимал причины моего влечения к этой одежде, годной только для mono sabio («ученых обезьян», так называют парней, смывающих кровавые пятна, оставшиеся после боя). Дали хорошо разбирался во фрейдистских противоречиях, но не мог понять моего влечения к этому тряпью.

Вскоре я вернулась в Лондон, захватив с собой рубашку и верного рыцаря, которого так и не удалось обратить в далинианскую веру. Я снова увиделась с ним только в 1976 году.

Он сообщил мне, сияя от счастья, что у него родился ребенок.

Мой договор по найму закончился, и я должна была перебраться на Челтенхем Террас. Новая квартира была, конечно, гораздо комфортабельнее, но и дороже, и я решила снимать ее вместе с одной англичанкой, которая, однако, практически в ней не жила. Она была замужем за скульптором Ксавьеро Корберо, другом Дали, и жила в Барселоне. Эта квартира служила ей временным пристанищем во время ее пребывания в Лондоне. За те два года, которые я там прожила, она приезжала в Лондон всего один раз, так что мне повезло. Устав от Востока и ароматических трав, я ограничилась тем, что украсила комнату своими акварелями и подушечками.

Я приняла участие в показе коллекции Оззи Кларка в ночном клубе

«Революция». В этом клубе собирались все лондонские знаменитости: «Битлз», жена Джорджа Харрисона, Патти, тоже участвовавшая в показе мод, Брайан Джонс, Марианна Фейтфулл, Теренс Стемп, Дониаль Луна со своими золотистыми контактными линзами, Пенелопа Три, Дэвид Хокни, модные фотографы. Я имела успех, и все мои друзья пришли меня поздравить.

Мне представили молодого актера, который только что снялся в «Ромео и Джульетте» Дзефирелли, Брюса Робинсона. Он знал английскую поэзию как свои пять пальцев и предложил почитать мне Джона Донна. Непостоянный, как и большинство актеров, он вошел в мою жизнь внезапно и так же внезапно исчез, много лгал, иногда плакал, и пил.

Я считала его соблазнительным до тех пор, пока мне не надоела его неверность, а это случилось достаточно быстро, всего через несколько месяцев после нашего знакомства.

В самом начале зимы я получила хорошую новость: я была выбрана с еще двумя манекенщицами представлять английскую моду в Соединенных Штатах. Я еще не была в Штатах и немедленно позвонила Дали, чтобы сообщить ему о своей будущей поездке. У него тоже была хорошая новость для меня: «Битлзы» купили его ус за 5000 долларов! Я едва могла в это поверить, я с трудом представляла себе Дали без его знаменитого уса, который ему так шел! На самом деле, он нашел в Кадакесе травку коричневого цвета, которая извивалась в форме спирали, если ее намочить. Это растеньице действительно походило на ус, и Дали удалось убедить Питера Брауна, который тогда работал с «Битлз», купить его для Ринго Старра!

Он сожалел, что не будет в Нью-Йорке одновременно со мной, ему так хотелось показать мне город. «Но я это обязательно сделаю в следующий раз», — добавил он и сообщил, что будет в Париже на Рождество.

В Нью-Йорке нас принимали как звезд. Мы представляли английскую моду, которая произвела фурор в мире pret-a-porter, мини-юбки, Кэрнаби стрит, цветные чулки, и американцы хотели быстро освоить все это. За 15 дней мы побывали во всей Северной Америке: от Лос-Анджелеса до Майами. В маленьких частных самолетах мы перелетали из одного города в другой. Все эти населенные пункты походили друг на друга, и Хилтон, где мы окончили турне, был типичным американским городом, а большие магазины, где мы представляли наши коллекции, были построены по одной и той же модели.

Я вернулась в Европу, не увидав ничего из того, что мне хотелось увидать, но тем не менее довольная своей работой. Я провела несколько

месяцев с Брюсом, представившим мне героя фильма, который он снял, Леонарда Витинга (он, кстати, был исполнителем роли Ромео), и других актеров, с которыми он когда-то учился в Rada, Лондонском театральном училище. Эта компания была для меня гораздо интересней, чем компания моих друзей-хиппи, продолжавших слоняться по Кингс Роуд. Я сменила ресторан, променяв кафе «Пикассо» на «Кастрюлю», модное кафе, где теперь тусовалась молодежь. В течение 10 лет под крышей этого заведения собирались все лондонские звезды, музыканты, модели и одновременно всякий сброд. Владелец «Кастрюли», Дикки, вскоре стал одним из моих лучших друзей.

Я прибыла в Париж в апреле 1968 года, чтобы провести май с Дали. Как и в прошлом году, я остановилась в отеле «Луизиана», и, когда я позвонила Дали, он немедленно пригласил меня в «Мерис». У него якобы был сюрприз для меня. В «Мерисе» я еще из коридора услышала звуки музыки. Спектакль, увиденный мной в салоне, был ошеломляющим. Труппа бродячих актеров, акробатов, клоунов и музыкантов заполнила всю комнату. Акробаты демонстрировали живую пирамиду, жонглеры подбрасывали в воздух разноцветные шарики, клоуны, перепачканные мукой, бегали туда-сюда, а Арлекин сидел прямо на коленях у Галы, которая не выражала по этому поводу никакого беспокойства. В салоне было несколько придворных и завитой молодой человек с профилем Кокто, Франсуа-Мари Банье.

Дали подошел ко мне и спросил, не задумываясь:

— Вы знаете, что такое дезоксирибонуклеиновая кислота?

Из кислот я знала только лизоловую.

— Я так и думал! Гала тоже не знает. Это открытие все изменит в нашей жизни, эта кислота сделает нас бессмертными, и все это благодаря вам, Аманда…

Интересно, какое отношение я имела к этой дезоксирибонуклеиновой кислоте?

— Но ведь вы англичанка, не правда ли? Два англичанина, Крик и Уотсон, открыли, что строение молекулы представляет собой двойную винтообразную спираль…

Я перестала его слушать. Это была новая мания.

Это помешательство длилось у него гораздо дольше, чем обычно. Он прожужжал мне все уши своей двойной спиралью, о существовании которой он догадывался. Наконец-то будет доказано то, о чем он давно говорил: память каждого отдельного человека является в то же время памятью всего человечества. Он посвятил этому свою пророческую

картину «Постоянство памяти» (1931).

— Представьте себе, моя маленькая Аманда, что с самого рождения в ваших хромосомах сосредоточена память вашего отца и деда и так далее, и тому подобное… Память всего мира! Мы могли бы вспомнить, что происходило миллионы лет назад. Все содержится в наших крошечных хромосомах.

И он помахал в воздухе экземпляром своего любимого «Американского научного журнала».

— Тут пишут про удивительные открытия. Я вам дам его почитать.

Однако революция, которая готовилась на улицах Парижа, его ничуть не волновала. Его голова была забита совсем другими вещами.

Банье много рассказывал о виконте де Ноай, одном из первых меценатов мэтра, что побудило Дали вновь увидеться с Мари-Лорой де Ноай. Он устроил для нее ужин в «Максиме», куда она пришла в тапочках и с пластиковым пакетом, а потом в течение всего ужина отпускала колкости.

Дали рассказал мне, захлебываясь от смеха, что госпожа де Ноай явилась на бал к Бестеги, в Венеции, в костюме льва святого Марка. Ее туловище было заключено в мусорный ящик, который по-видимому должен был изображать колонну. Дело окончилось тем, что в маскарадной сутолоке виконтесса так и не успела вылезти из ящика. Дали часто вспоминал про эти роскошные праздники, последние светские развлечения блестящего общества, впоследствии не устраивавшего ничего подобного. Он вспоминал об Эльзе Максвелл, отвратительной сплетнице, об Артуро Лопезе и его щедрости.

Я же вернулась в Сен-Жермен-де-Пре, где студенты уже начали бастовать.

Однажды вечером мэтр взялся отвезти меня домой. Банда бастующих окружила его «Кадиллак», стала трясти машину, барабанить в стекла, выкрикивать лозунги и оскорблять шофера. Дали открыл дверцу, поднял трость и закричал нападающим: «Да здравствует Испания!»; «Пусть искусство правит миром!». Очарованные студенты тотчас узнали Дали и зааплодировали. «Он просто супер, этот тип!»; «Привет, Маэстро!»

Машина проехала беспрепятственно. Однако Гала запретила Дали подобные выходки, и он больше меня не провожал.

В другой вечер мы отправились ужинать на остров Сите в «Анисетьер дю Руа», ресторанкофейню, который Дали любил за его средневековый интерьер. Он пригласил Дадо Рюсполи, Сержа Гинзбура, Джейн Биркин, близнецов и еще нескольких своих друзей. У меня был новый наряд:

черный облегающий гольф, высокие гетры и кожаный пояс. В этом наряде я немного напоминала квартирную воровку, но Дали нравилась черная блестящая поверхность лайкры, из которой был сшит гольф, потому что лайкра облегала мое тело, как вторая кожа. За едой он несколько раз говорил «Я тоже — нет». Он часто употреблял эту фразу, означавшую для него «я тоже» и при отрицании, и при утверждении. Например, на вопрос: «Вы любите джаз?» — он отвечал: «Я тоже не люблю» (что значило: «нет, я не люблю»). Или: «Мне кажется, что хорошо бы поужинать в этом ресторане» — «Мне тоже так не кажется» (что значило: «мне тоже так кажется»). Несколько лет спустя Гинзбур употребил это выражение в песне «Je t'aime — Moi non plus» («Я тебя люблю — Я тебя тоже нет») и Дали не преминул заметить, что ему подражают без конца и во всем. Это он придумал название «Здравствуй, грусть!» для книги Франсуазы Саган, это он со своими размякшими часами способствовал появлению «литья» Сезара и мягких предметов Ольденбурга, не говоря уже о ежедневном «Добрый день!» Ива Муруси, ведущего «Новостей» на французском телевидении.

— Шанель всегда говорила, что идеи существуют для того, чтобы их заимствовать, — вспомнил он. — Я же перепродаю идеи. Я предпочитаю, чтобы у меня их крали, это меня избавляет от необходимости самому претворять их в жизнь!

Галы не было с нами, потому что она считала Гинзбура слишком уродливым. Дали использовал ее отсутствие для того, чтобы поговорить с Гинзбуром об эротике. Он опять вернулся к своим старым идеям фикс: важности анального секса, смешении полов; он говорил об ангелах, не имеющих пола, и о своем ужасе перед женской грудью, о своей инфантильной боязни вагины и о венерических заболеваниях. Дадо поддерживал Дали, громко смеялся, Джейн давилась от смеха, прижавшись к плечу Гинзбура, а последний без конца повторял: «Это гениально!». Я же думала о своем. Зачем все время говорить о сексе? Почему бы просто не делать то, что хочется, а не постоянно говорить об этом? Правда, Дали и не занимался сексом. Он говорил мне, что иногда, когда Гала возвращалась из своих поездок, он был так сильно влюблен в нее, что «строчил с ней на машинке», но это был скорее чисто символический акт, чем реальный.

Что касается внебрачных связей, то он мне детально описывал сексуальные опыты своей молодости, не упустив и того, как он со своими друзьями, среди которых был Пикассо, ходил в бордель. Он рассказывал мне о своей связи с Натали Палей, «у которой были такие чудесные лакированные ногти», и о случайных подружках, которым удавалось время

от времени вызвать у него вожделение. Да, у него была еще гомосексуальная связь, единственная в его жизни, с Гарсиа Лоркой, которая закончилась мучительной неудачей. Дали вынужден был прервать акт на полпути, потому что ему было слишком больно!

В конце концов он посвятил меня в свою страсть к Грете Гарбо. Она ему ужасно нравилась, и его друг Сесиль Битон ему столько наговорил о ней, что он умирал от желания с ней встретиться. Он пригласил ее на чай и создал у себя атмосферу, пригодную для совращения знаменитости: приглушенный свет, закрытые окна и он сам в домашнем халате! Когда Гарбо приехала, она нашла Дали в полутемном помещении и в пижаме в 5 часов дня. Она первым делом открыла окна и предложила мэтру выйти с ней прогуляться в сад. Дали вынужден был одеться и сделать все, что от него требовалось. Это была его первая осечка. И только уезжая, уже садясь в машину, божественная страстно поцеловала Дали в губы, оставив его озадаченным и смущенным.

В мае вышла новая толстая книга Дали, изданная Дрэгером. Мэтр хотел, чтобы она была роскошной и раззолоченной, как коробка из-под шоколада. Он взял меня с собой на пресс-конференцию. Он восседал на троне и отвечал журналистам, я все время была с ним рядом. Неудивительно, что после этого все принялись обсуждать новую «пассию» Дали! Мало того, что кумушки всех мастей, не говоря уже о парижской прессе и нескольких иностранных журналах, судачили о «молодой любовнице» Дали и между делом приписывали мне совершенно фантастическое происхождение.

Несколько дней спустя я сопровождала мэтра в Верьер-ле-Бюиссон, где мы должны были обедать у Луизы де Вальморан и Мальро. Мы много говорили о Версале, о Вермеере и о последней новости: забастовке студентов. Когда Мальро спросил меня, что я собираюсь делать, Дали вмешался и ответил:

— Аманда сейчас читает святую Терезу Авильскую. Вы знаете, Аманда — такое мистическое существо!

Я думаю, что Дали вмешался из страха, чтобы я не наговорила глупостей в защиту студенческого движения. Кроме того, его вдохновило мое «монашеское» платье из грубой шерстяной ткани, которое я надела на обед. Это было мое единственное длинное платье. Оно было похоже на сутану из коричневого бархата с пышными рукавами. Я купила его в лавочке под названием «Granny rakes a trip» в Лондоне.

На обратном пути, в машине, Дали сказал мне, что я напомнила ему самое начало сюрреалистского движения. Он тогда вел себя точно так же,

как я. Он посещал Ноайев, ходил на светские обеды, но очень быстро сбегал оттуда к своим друзьям-сюрреалистам.

В то же время он покидал сюрреалистов ради светских обедов. «Я это делал с такой же легкостью, как и вы, — добавил он. — Вы общаетесь с хиппи и студентами и ездите на «Кадиллаке» к «Лассеру».

Это замечание меня глубоко задело. Неужели я должна была сделать выбор? В моем возрасте я хотела посещать всех, не делая из этого вопроса совести!

Однако эта двойная жизнь, в Лондоне и с Дали, могла ли она длиться вечно? Да и как я дальше буду вести себя с ним? Как смогу я полюбить этого человека, невыносимо хвастливого и самодовольного? Ему нравилось дурачить и шокировать меня, подтачивать все мои устоявшиеся представления и идеи. Я должна была снова вернуться к моим друзьям, в толерантный и наивный мир, к которому привыкла. С меня хватит этих постаревших знаменитостей, этой буржуазии. Ливинг Театр собирался ехать в Авиньон со своим «Новым раем». Я присоединилась к театру.

Глава 10

Дали сбежал от майских событий, прихватив с собой Галу и сундучок с трагедией, прикрепленный цепочкой к запястью. Новый «Кадиллак» темно-синего цвета, купленный в Нью-Йорке, довез их до Авиньона, где они не стали останавливаться, учитывая сложившиеся обстоятельства. Дали и Гала так спешили оказаться в Испании, что не стали останавливаться даже в своих излюбленных кафе: они не заехали ни в лионскую «Матушку-сороку», ни в «Пирамиду» в Солье. В Авиньоне моя давняя подруга, Режин де Шивре, стала расспрашивать Дали обо мне. Он ответил, что я собираюсь вернуться в Лондон и что со мной все хорошо. Он заверил Режин, что ей не стоит беспокоиться обо мне, поскольку он сам позаботится о моей безопасности.

На самом деле он всего-навсего попросил молодого спортсмена Арно де Росне, зашедшего к нему, отвезти меня в Лондон. Арно де Росне отделался от этой просьбы под предлогом ее трудновыполнимости, и в результате я оказалась на площади Республики, где отчаянно пыталась сесть в какой-нибудь автобус, который отвез бы меня в аэропорт. Добраться до аэропорта оказалось не так легко, и я мысленно проклинала Дали. Если бы не он, я бы сейчас была у себя, в Лондоне, а не в Париже во время майских событий 1968 года. Мэтр поостерегся увезти меня из Парижа на своей машине и цинично сказал:

— Вы ничем не рискуете, моя дорогая. Вы ведь общаетесь с этими студентами. А если вас арестуют, не забудьте сказать, что вы знаете Мальро!

В Лондоне я мельком увиделась с Брайаном Джонсом. Он ужинал в компании сына Бальтуса, Станислава Клоссовского (все называли его Стасом), и Поля Гетти-младшего, жена которого ждала ребенка. Впоследствии ребенок был назван Тарой, в память о моем погибшем друге.

Ливинг Театр был уже в Авиньоне, и я присоединилась к нему несколько недель спустя, поскольку страсти стали утихать. Труппу поселили в школе в самом центре города. Я была рада снова увидеть Сэнди, Голландца, Эхнатона и многих-многих других. Они занимались йогой, медитацией и очистительными омовениями, в число которых входило особенно удивлявшая меня чистка носовых путей с помощью скрученного шейного платка.

Вскоре я стала понимать, что не все было достойно восхищения в этом

молодежном сообществе, зиждущемся на любви и терпимости. У одной девушки что-то украли; другая, неярко накрашенная, с глазами, подведенными карандашом, была лесбиянкой и лесбиянкой слишком предприимчивой. Кроме того, все опасались эпидемии чесотки, и каждый участник труппы должен был заняться собственной дезинфекцией, причем некоторые в пылу усердия даже выбрили головы. На счету труппы были столкновения с местной полицией, не говоря уже о проблемах, связанных с организацией фестиваля. Микробы и жандармы потушили мой энтузиазм. Режин пригласила меня к себе и стала утешать. Я все еще гневалась на Дали и послала ему почтовую открытку и написала по-каталонски: «Miam Miam Figuas!», что значило примерно «злюсь, злюсь, терпеть не могу, ешь землю». Разочарованная авиньонским фестивалем и связанными с ним потасовками, я решила отдохнуть и поправить здоровье в перпиньянском доме моих друзей. Дали воспринял это с энтузиазмом и по телефону без конца спрашивал меня:

— Вы видели Канигу? А Баниюль? Вы знаете, я очень хорошо знаю эти места. Я был в Прадо, видел Пабло Казальса, там есть аллея великолепных платанов. И это еще Каталония. А Сере, страна вишен? Приезжайте поскорее! Гала собирается уехать на Mare de Deu (праздник Успения Богородицы, 15 августа). Она собирается отправиться к Святому Жаку Компостельскому. Мы проведем чудесное лето!

Он попросил меня приехать по крайней мере за день до отъезда Галы, чтобы мой приезд не воспринимался как тайный, в отсутствие законной жены. Он хотел, чтобы отношения нашего трио были прочными и гармоничными. Впрочем, в этот раз именно Гала настояла на моем приглашении. В отеле я жила, как гостья семейства Дали. Ожидалось также, что к нам присоединится Людовик XIV. Сейчас эта дама была в Штатах, где выдавала замуж свою дочь, Дофину.

Приближаясь к Кадакесу, я вспоминала историю о вишнях, которые писал Дали. В молодости он запирался на мельнице Фигераса, чтобы упражняться в рисовании вишен. Он прекрасно понимал, что для каждой вишни нужно три мазка: красный, карминный для темной части плода и белый для солнечного блика на ее поверхности. Чтобы не торопиться, Дали решил наносить каждый мазок, согласуясь с оборотами мельничного колеса. Итак, один скрип мельничного колеса — и готова красная часть вишни, еще один скрип — и положен кармин, а в заключение — белый блик. Таким образом Дали выработал у себя чувство ритма. Так были нарисованы десятки вишен.

Вишни всегда напоминали ему о мельнице и о сексуальном опыте,

который он приобрел на ней с одной девушкой из соседней деревушки. Вишня была составляющей далинианской мифологии. Окрестности Фигераса воскрешали детские воспоминания, которые Дали как будто переживал вновь, делясь ими со мной. Был еще водопад, куда он ребенком приходил с хлебом и шоколадом — своим полдником; маленькое озеро — Вилабертан, похожее, по словам Дали, на «неистовый романтизм»; Старая Башня, место его эротических мечтаний, часть из которых он мне поведал позже. Но были еще и неприятные воспоминания: крепость, где он служил солдатом, и тюрьма, где он сидел.

Эти воспоминания стали отчасти и моими, и я уже не могла пересечь Ампурдан, не думая о Дали. Только глубокое изучение мест, где он жил, людей, которые его окружали, его любимые книги тех лет могут пролить свет на личность Дали.

На обочине горной дороги я вдруг увидела рекламу Ночного клуба «Пикассо» и «Рашдинг», огромные белые буквы на скале. Ребенком Дали вместе со своей сестрой наблюдал, как появляются за дорожным поворотом Кадакесские скалы. Они тогда ехали в повозке. Для них начинались летние каникулы. И именно он, а не сестра, первым заметил скалистый островок посреди бухты в форме остроконечного колпака. Он тогда еще радостно закричал: «Кукареку!» и мне, честно говоря, захотелось сделать то же самое, когда я вновь увидала эту мирную деревушку.

Гала уезжала на следующий день, в компании нового Единорога, студента из Экса в Провансе. Она была очень любезна со мной и велела хорошенько позаботиться о Дали. Она, впрочем, была обеспокоена эпидемией чесотки в Авиньоне:

— Вы уверены, что продезинфицировались? А то еще принесете нам заразу!

Дали тут же отступил на шаг из страха, что подхватит микроба.

— Не бойтесь, — заверила я их, — все в порядке. Впрочем, у вас есть все, чтобы себя обезопасить.

В прошлом году, чтобы обработать царапину, которую я получила в результате лазания по скалам, бонна открыла аптекарский шкаф:

— Тут все есть, — заметила она. — кроме лекарства от аппендицита, да и то я в этом не уверена. Сеньора обновляет запас медикаментов каждый раз, когда бывает в Нью-Йорке.

Гала была похожа на предусмотрительного и организованного муравья, просто необходимого Дали, непрактичному растяпе. Успокоившись насчет чесотки, она добавила:

— У нас тут есть замечательный врач, доктор Вергара. Вы можете

немного поработать медсестрой, вы не так уж косолапы!

Она обняла меня и поблагодарила за мой приход.

На следующий день Дали изобрел новую тактику совращения. Каждое утро я находила на тарелке с завтраком записочку от него или какой-то загадочный знак. Так однажды в 10 часов утра Роза принесла к моей двери фотографию толстой мухи, на спине которой было старательно написано большими буквами «сегодня майский жук». То, что Дали пропустил букву в слове «сегодня» и написал «майского жука» с одним «н», меня нисколько не удивило, его грамотность всегда была ужасающей. Я только не поняла, что он хотел этим сказать…

Перед тем как вернуться к себе, я поболтала с Бабиано, румынским скульптором, жившим неподалеку. Рыбаки со мной поздоровались, показали только что пойманных осьминогов и спросили, люблю ли я их. Чтобы не беспокоить Розу, я вышла через кухню, как это делали все домашние и Капитан. Пакита, кухарка, готовила макароны.

— Сеньора приказала готовить все, что вы захотите. Я слыхала, что вы любите макароны в сухарях, правда? На десерт я сделаю planchadas.

Я обожала этот каталонский ванильный крем, который сверху обжаривали на противне, чтобы придать ему сходство с карамелью.

Дали был в мастерской с Беа и Капитаном.

— Они мне пообещали, но они никогда не держат слово, — говорил Капитан. — Они не сделают обложку «Пари-Матч», как надо.

Мэтр подбежал ко мне:

— Вы получили мое сообщение?

Разве это можно было назвать сообщением? Может быть, речь шла о мухах на картине «Галлюциногенный тореадор»

— Вы ничего не поняли, моя дорогая.

Он потащил меня во внутренний дворик, и только когда мы уселись на рифленые стульчики, наконец-то объяснил:

— «Пари-Матч»! Сегодня вечером мы ужинаем с Майским жуком из «Пари-Матч».

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что речь шла о журналисте Гильоме Аното. Чтобы эпатировать журналиста, Дали решил, что после сиесты, в 5 часов, я буду читать гостю «120 дней Содома» маркиза де Сада… У мэтра был очень довольный вид.

Гала позвонила ему из Барселоны, и сказала, что любит его, как никогда. Второй хорошей новостью было то, что Рейнольд Морз, уже купивший многие картины Дали, изъявил желание приобрести «Галлюциногенного Тореадора». Мэтр внимательно наблюдал, как я

прогуливаюсь по внутреннему дворику. Я собирала жасмин, сорвала маленькую зеленую веточку оливы, потом поправила ленту на эспадрилье.

— Что это у вас в волосах? Один волосок блестит на солнце.

Это была веревочка от коробки с пирожными, которую я обвила маленькими косичками, чтобы походить на средневековую принцессу.

— Дайте сюда! Эта золотая нить в ваших белокурых волосах доставляет мне удовольствие, размеры которого вы не в состоянии себе представить!

Я выдернула веревочку из волос, и он ее поцеловал:

— Спасибо! Я положу ее на абажур моего ночника.

Я уже неоднократно замечала его фетишизм. Так, например, он заботливо сохранял мою старую соломенную шляпу и мои разрисованные сапоги, которые я не носила больше. Я решила сделать то же самое и попросила у него вышитую ковбойскую рубашку. Он мне ее дал, но при этом уточнил:

— Она дорогого стоит, знайте это. В ней я создал свои лучшие полотна. Это коллекционный предмет.

В этот день Дали позволил мне войти в круглую спальню Галы. Я несколько задержалась в гардеробной, потому что меня заинтересовали фотографии на дверцах шкафов. На них я увидела Дали и Галу со всеми знаменитостями того времени: герцогом Виндзорским, Каллас, братьями Маркс, Коко Шанель, Бунюэлем… Было еще фото, сделанное Ман Реем для обложки «Тайм» (Дали говорил обычно не «Тайм», а «Таймэ», делая ударение на последней букве), и, конечно же, знаменитый снимок Филиппа Хальсмана с Дали в окружении котов, на которых откуда-то сверху лилась вода. И еще фотографии юного Артуро и Хуана, мальчика, некоторое время жившего у Дали, теперь уже женатого.

Гильом Аното ожидал нас в круглой спальне, комнате, казавшейся гораздо просторнее, чем она была на самом деле. Со стенами, выкрашенными какой-то светлой краской, она была похожа на башню, стены и потолок образовывали как бы бесконечную сферу. Желтая банкетка, покрытая матрасом, тянулась вокруг всей комнаты и не описывала полный круг только из-за камина, обрамленного слоновьими клыками. Несколько окон были заставлены русскими шкатулочками, резными вещами, на одном стоял хрустальный подсвечник. Всюду цветные подушечки, в центре — большой ковер. В маленьких стенных нишах — несколько статуэток и хрустальный бюст римского императора, подсвеченный сзади. И, конечно, плюшевые зверьки Галы: собачки, шевелившие хвостом, когда их приподнимали, обезьянка, бьющая в

барабан, белые меховые овечки.

Дали принес толстый том сочинений де Сада, и я принялась читать с видом маленькой умненькой девочки. Я надела к тому же платье в цветочек. Я выбирала самые отвратительные места из «120 дней Содома» и читала их спокойным и равнодушным голосом, более того, наивнее всего звучали в моем исполнении самые ужасные описания пыток. Я должна была держать себя в руках, чтобы не выдать мои подлинные чувства по отношению к этим зверствам. Я никогда раньше не читала де Сада, а теперь меня просто выворачивало наизнанку от этого чтения.

Гильом Аното, казалось, был потрясен, тогда как Дали упивался произведенным эффектом и моим смущением. Наконец он меня остановил и спросил у нашего гостя:

— Она читает чудесно, не правда ли?

Аното поперхнулся, но похвалил чтение. Дали тут же переменил тему разговора, как будто ничего особенного не произошло. Больше вопрос о де Саде не поднимался, несмотря на то, что журналист, наверное, задавался вопросом, что же значит присутствие в спальне Галы юной особы, читающей маркиза де Сада так спокойно и непринужденно, как другие читают графиню де Сегюр. Ужин состоял, как и должно, из лангуста в шоколаде и розоватого шампанского. Затем Дали предложил посмотреть фильмы в библиотеке. Артуро притащил старый проектор. Пожелтевший от времени экран висел на стене этого чудесного помещения, куда я впоследствии часто приходила. На стеллаже сверху стояли чучела аистов, а возле перегородки я заметила статуэтку Марии-Магдалины из раскрашенного дерева. Мы посмотрели фильмы с участием известных комиков: Чарли, Гарольда Ллойда, Гарри Лэнгдона, последнего Дали особенно любил. За фильмами последовали старые записи новостей и видавшая виды копия «Андалузского пса». Дали все время комментировал, рассказывал Аното анекдоты об этих фильмах.

Когда Артуро включил свет, я уже мирно спала, свернувшись калачиком на маленькой белой софе, с веточкой туберозы на груди. Аното был возмущен:

— Это неслыханно! Ну и молодежь пошла! Иметь возможность общаться с таким гением, как вы, слушать ваши рассказы и вместо всего этого — спать!

— Почему бы и нет, — ответил развеселившийся Дали. — Было бы хуже, если бы она читала ваш «Пари-Матч».

Как и следовало предполагать, «Пари-Матч» не сделал обещанной обложки.

Дали повел меня купаться куда-то за сад, на маленький пляж, о существовании которого я и не догадывалась. Мы миновали ту часть сада, в которой рос старый кипарис, единственное богатство семейства Дали до покупки дома Лидии, «прочно стоящей на ногах». Терраса со шпалерами, возвышающаяся над морем, сначала упиралась в белую голубятню, а потом спускалась к оливковым деревьям. В этой части она была вымощена плитами. Сквозь плющ, обвивавший стены, иногда можно было разглядеть бюсты в римском стиле. Это напоминало сад из «Красавицы и чудовища» Кокто. Позже Дали и Гала купили землю за садом. Их владения тянулись уже до маленького пляжа. Гала приказала зацементировать землю за террасой и вдоль берега моря, засадить ее олеандрами и гранатовыми деревьями. Плоды граната слегка потрескались, и было видно их рубиновое семя. Дорога была выкрашена известью, и по вечерам можно было прогуливаться по ней или усесться на старую скамейку, покрытую шифером, в самом глухом уголке сада.

Перед старым каменным бараком, над дверью которого висела голова слона, потускневшая от дождя, Дали объявил мне с обычной напыщенностью:

— Здесь помочилась Анита Экберг!

Это действительно историческое событие не помешало мне осмотреть барак внутри: гора маслин, всякие отбросы, следы недавнего костра. Здесь ночевали хиппи, пока Артуро их не прогнал.

Чтобы искупаться, нужно было отплыть подальше, но водоросли мешали плавать, и мы довольствовались тем, что просто повозились в воде, чтобы освежиться перед ужином. Дали вылез на берег, и сказал, что пойдет дождь. Небо, однако, было безмятежно голубым.

— Вы видите эти тучи, похожие на башни? Они предвещают дождь после обеда. Жаль…

Он умел «читать» небо, как рыбаки, которые угадывали погоду по форме облаков и по полету ласточек. После обеда в самом деле пошел дождь.

Пока он спал, я забралась в библиотеку. Белые шторы, сумрачная мебель, купленная Галой в Оло, засушенные желтые цветы на шкафу — вся обстановка этой комнаты была как будто предназначена для медитирования. Я стала перелистывать кипу переплетенных книг. Там были большие альбомы «Illustracion Catalana», журнала начала века с чудесными гравюрами, в созерцание которых я погрузилась. Энциклопедия «Espasa» возвышалась над иллюстрированным «Ларуссом». Из окна я увидела лодки, раскачивающиеся по воле волн. Дождь все шел и шел. Бухта

стала серой, и еще ярче заблестел шифер на крыше дома Дали.

Дали нашел меня в библиотеке:

— Вы мне снились, — сказал он. — Вы были совсем крошечной, щегольски одетой и блестели, как солнце. Это, наверное, потому, что перед сном я разглядывал золотую нить в ваших волосах. Ну, что вы тут нашли?

Я указала ему на энциклопедии и на «Illustracion Catalana»:

— Вы уникальны! Вы напомнили мне самые чудесные впечатления моего детства. Я не рассматривал эти гравюры уже лет 50, а вы, как фея, вдруг почувствовали это и выбрали именно их. Благодаря вам, я сегодня вечером буду читать Пруста. Вы читали Пруста, я надеюсь?

Нет, я не читала Пруста, но заметила полное собрание его сочинений на стеллаже в библиотеке.

— Сегодня идеальный день для того, чтобы его почитать. Дождь будет идти весь вечер. Приходите в мастерскую почитать мне. Гала всегда это делает.

Я уселась на стул и начала читать «Под сенью девушек в цвету». Дали сначала созерцал свое полотно, перебирал кисти, потом долго водружал себе на нос очки с увеличительными стеклами и усаживался на деревянный стул. Сейчас он работал над одним куском скалы, высветляя его с помощью пастели, чтобы передать свечение воды, окружающей скалу. Переворачивая страницы, я краем глаза наблюдала за ним: положив один штрих, он отступал на шаг и любовался полученным эффектом, потом клал другой. Мэтр был безнадежно медлителен.

Беа возился в мастерской, чистил кисти, в нужную минуту протягивал Дали льняное масло или чистый кусок шифона. Я спрашивала себя: слушает ли Дали мое чтение или оно просто служит ему фоном? Вдруг тишину ателье нарушил его голос:

— Вы не очень устали, малышка? Скажете, когда устанете. Я попрошу принести чай.

Бонна принесла две чашки с горячим шоколадом и бисквиты. Дали показал мне открытку, которую я послала ему из Авиньона. Она была приколота к холсту, и на ней было нацарапано углем: «Аманда — Лондон 352—01–65». Это был мой номер телефона.

— Не правда ли, вам гораздо лучше с маленьким Дали, чем с вашим «Ливинг театром»?

Поскольку я не сразу ответила, он добавил:

— Только честно! Вам ведь не подавали там чай в 5 часов, как в Лондоне? Вы здесь будете, как у себя дома. Это Гала мне подсказала!

Он добавил растроганно:

— Вы же вновь открыли для меня «Illustration» моего детства! Я должен вас поблагодарить.

И он поцеловал меня в лоб.

Я продолжила чтение, а он вернулся к своему холсту, и так продолжалось до 19.30. Когда потоки воды залили внутренний дворик и подступили к лестнице, мы решили поужинать в зимней столовой с огромным камином. Дали рассказал мне, что в былое героическое время эта комната служила ему гостиной, мастерской и спальней. Он поставил кровать в мезонине, занимавшем половину комнаты, к которому вела деревянная лестница.

— Посредине комнаты, на нитке, как яйцо Пьерро делла Франческо, висел мой молочный зуб, который я сломал в приступе гнева. Я повесил его здесь, чтобы больше не делать больно Гале и чтобы он напоминал мне об этом случае всякий раз, когда я на него посмотрю.

У него всегда были проблемы с зубами. У него уже не осталось ни одного своего зуба, а все его искусственные зубы были поставлены лучшим дантистом Нью-Йорка.

В течение ужина Дали рассказывал мне о трудных временах своего становления. Отец считал его сумасшедшим и предрекал, что его «съедят вши». Он подозревал, что Гала — русская шпионка, которая манипулирует его бедным сыном. Когда Дали и Гала вернулись из Нью-Йорка на собственном «Кадиллаке», о них судачили не переставая. Говорили, что, только впутавшись в дело, связанное с наркотиками, можно заработать на такую гангстерскую машину. Каталонцы сварливы и ничего не прощают. Он долго и нежно рассказывал о Гале. Однажды, когда они прогуливались по другую сторону бухты, она, стоя на коленях среди сосен, умоляла его: «Поклянись, что ты меня убьешь!» Гала ненавидела свою жизнь, она часто подумывала о самоубийстве и даже пыталась уйти в монастырь, так сильно было отвращение, которое она испытывала к человеческой глупости. Она заставила Дали поклясться, что он убьет ее, когда ее жизнь станет окончательно невыносимой, и даже сейчас в стенном тайнике у Галы был спрятан яд.

— Взгляните, он прямо за вашей спиной.

Я едва ли в это поверила и провела рукой по гладкой каменной кладке в том месте, которое он мне указал. Стена глухо отозвалась. Дали добавил, что яд давно должен был выдохнуться, но он оставил его здесь, под портретом Хосе Антонио, героя гражданской войны…

Буря приняла ужасающие размеры, электричество погасло. Мы сидели при свете свечи в комнате, и без того казавшейся мне мрачной. В

вестибюле Дали указал мне на репродукцию «Бури» Джорджоне:

— Это самое загадочное произведение Джорджоне. Вы видите, как женщина смотрит на солдата?

Роза проводила меня до отеля. С одним зонтиком на двоих мы должны были перебираться через настоящие потоки, которые поглотили всю долину, а теперь стекали в море.

*** * ***

Дождь шел еще несколько дней, и я прочитала ему вслух несколько томов Пруста без перерыва. Дали испытывал мое терпение. Гала звонила каждый день и он мне рассказывал о ее «кругосветном путешествии». Наши отношения были вполне гармоничными, но я никак не могла понять, как такой человек может вести разговоры, просто бесившие меня. Его расизм, его презрение ко всем «низшим» расам, годным, по его словам, только на то, чтобы обслуживать других и работать, выводили меня из себя. Было ли это следствием излишней образованности или он просто забавлялся, шокируя меня? Он рассказывал с радостным и искренним смехом о вывеске, которую он еще ребенком увидел на парикмахерской в Фигерасе: «Здесь продаются парики из волос людей и китайцев». Как будто китайцы не люди! В старом бортовом журнале он прочитал: «Страшная буря. Чтобы избавить корабль от лишнего груза, мы были вынуждены бросить в воду несколько ящиков с апельсинами и пару-тройку китайцев».

Его поведение по отношению к некоторым животным было не лучше. Он упивался своими рассказами о том, как он «одушевлял» мебель, закрывая животных внутри, так что оставались видны только их лапы. В результате мебель «ходила». Лампа в гостиной служила местом обитания для розового фламинго, а черепаха — подставкой для пепельницы. Все это его очень забавляло.

Я приручила маленькую белую кошечку, которая каждый день выпрашивала у меня что-то съестное. Она засовывала свою мордочку в столовую и терлась о мои ноги. Дали она казалась отвратительной, и он не раз меня предостерегал:

— Если вы будете это продолжать, то отсюда не выйдете. Это будет нашествие. И Гале это не понравится.

Или он рассказывал мне, как избавлялся от котят, когда их разводилось слишком много, разбивая им головы о стену…

— Артуро это делал очень хорошо. Он хватал gatitos за хвост, вращал

их воздухе, а потом… со всего размаху швырял их о стену. Это единственное эффективное средство.

Вскоре снова наступили солнечные дни. Мы сидели во дворике и пили отвар из трав с медом, с закрытыми глазами слушая «Времена года» Вивальди. Теперь на мне лежала ответственность за выбор пластинок.

Но вернемся к животным. Однажды мы должны были пойти в зоопарк в Барселоне, нанести визит слоненку Дали. Дали заполучил слоненка два или три года назад, и прибытие животного с погонщиком и под звуки фанфар изрядно позабавило Порт-Льигат. Слоненку не понравилось в саду Дали, и его отдали в зоопарк. Это было выходом, поскольку Дали не стал бы бороться с желанием помучить зверя.

Гала приезжала послезавтра, и мы должны были встречать ее в Барселоне. Въезжая в город, Дали обратил внимание на рекламные щиты, которые якобы всегда позволяли ему узнать местную «погоду». Реклама корриды, «Holiday on ice» и «Corte Ingles» (большой магазин, который по размерам можно было сравнить разве что с «Галереей Лафайет», не жалевший денег на рекламу) предшествовали гигантским афишам, расхваливающим носки.

— Это очень хороший знак, — заметил Дали. — Согласно моему методу критической паранойи, в который я вас посвящу однажды, носок является хорошим знаком. Впрочем, вы же знаете, что я храню свое священное дерево в носке.

И он полез в карман, чтобы проверить, не забыл ли он свое дерево. Позади Sagrada Familia, неоконченного собора Гауди, машина попала в пробку.

— Посмотрите-ка на этих каталонцев! — воскликнул Дали. — Всегда они возбуждены, всегда бегут со всех ног зарабатывать деньги. Вы знаете, что именно выходцы из Финикии поселились на этой земле, чтобы развивать торговлю. Я обожаю эту беготню и этот дух предпринимательства.

Мы только что прибыли, а в гостиной уже было полно друзей. Здесь были: Риккардо Бофиль, архитектор, занимавшийся тогда «пирамидой» (пограничным постом между Испанией и Францией); Корберо, скульптор, работавший с металлом (его жена часто приходила ко мне в Лондоне); несколько моделей, присланных на всякий случай каким-то местным агентством; «Геликоптер», господин, названный таким образом из-за того, что имел агентство, сдававшее вертолеты в наем.

Дали никогда не открывал свой чемодан, заботливо уложенный Розой. В нем было достаточно рубашек, носков и белья. Но Дали, слишком

ленивый, чтобы рыться в чемодане, носил одну и ту же одежду несколько дней.

Ужинали мы в «Виа Венето» — я стала привыкать к ужасному розовому убранству этого ресторана. Потом Корберо потащил нас в Рамблас, простонародный квартал с узкими улочками, кабачками для матросов и кабаре. В «Barcelona di Noche» для нас был зарезервирован столик. Это был засаленный ночной клуб, где устраивалось стриптиз-шоу. Дали был кумиром травести, для них было большой честью его присутствие на спектакле. Они превзошли себя, чтобы его поразить. Среди них были совершенно комичные персоны с фальшивыми ресницами (пол их трудно было определить), другие, гораздо более «достоверные», гордо демонстрировали крошечную грудь. Они сели за наш стол, хвалили Дали за его здоровый вид и за его кампанию. Заинтригованные моим присутствием, они постоянно спрашивали мэтра: «Quien es la chica tan guapa? — Un angel», — отвечал он. Они посматривали на меня подозрительно. Они знали, что Дали показывался всюду с необыкновенной девушкой, которую представлял в мужском роде и которая была для него чем-то вроде «травести», самой чудесной «травести», которую только можно себе представить. «Es un travestito tambien?» — не отставали они. «No es una chica (девушка)»,

— говорил Дали. Они поверили только наполовину и распространили легенду о моем поле. Сейчас она уже забавляет меня, а тогда…

На следующее утро Дали позвонил мне и объявил программу дня:

— Я веду вас в зоопарк посмотреть на самый красивый снежный ком на свете. Если вы в него не влюбитесь, вы безнадежны!

Как всегда, он старался разбудить мое любопытство. Я надела фиолетовую мини-юбку и венгерскую блузку и, спускаясь в гостиную, думала о том, что это за «снежный ком», в который я непременно должна влюбиться.

Когда я вошла в салон, Дали стал напевать:

— Загадка-загадочка, малышка Аманда непременно влюбится в существо, гораздо более красивое, чем все «роллингстоуны» на свете…

— Это меня бы сильно удивило, — ответила я.

— Никогда не говорите фонтану, что не будете из него пить, — отпарировал он смеясь.

«Fioco di Neve» (Ком снега), к которому нас немедленно подвел директор зоопарка, оказался маленькой гориллой-альбиносом, без единого темного пятнышка, гордостью зоопарка. У него были голубые глаза, бледно-розовая мордочка и несколько тревожная красота зверя, лишенного

пигментации. Директор позволил нам войти в клетку, и обезьянка запрыгала от радости. Дали отступил на шаг, такой всплеск энергии его испугал, и с беспокойством сказал:

— А он не злой? Никогда не знаешь, чего ждать от этих обезьян. Вы, Аманда, можете погладить его, вам он ничего не сделает.

Сторож подтвердил, что Снежный ком предпочитает женщин. Детеныш гориллы обхватил меня за ноги, потянул за руку, дернул меня направо, потом налево, как ребенок, который хочет поиграть. Он был слишком тяжелым, и я не смогла его поднять.

— Вы видите, как он вас любит, — сказал Дали.

Малыш показался мне очень трогательным. Он был один в клетке — братья по расе его били, и его пришлось изолировать. Единственной его компанией было несколько игрушек. У него был умный вид и, если сравнить его с ребятами из «Роллинг Стоунз», Дали был не так уж и не прав. Он немного походил на Мика Джаггера своим ртом и приплюснутым носом, а на Брайана Джонса — белесыми глазами и белокурой шевелюрой.

Я овладела собой. Дали соответственно настроил меня, и я приготовилась встретить красивое существо. На самом деле, Снежный ком был очень уродлив. Вдруг детеныш завладел тростью Дали и стал носиться по клетке, испуская крики радости. Я подбежала к нему, чтобы отобрать у него трость, но он ни за что не хотел расставаться с новой игрушкой. Дали забеспокоился по поводу своей драгоценной трости с «Эмалью Калашникова», стоившей очень дорого, по его словам, и в то же время без зазрения совести смеялся, пока обезьяна рвала рукав моей блузки и царапала мне руку. Сторож унял детеныша, и мы вышли из клетки.

Снежный ком, вцепившись в прутья решетки, смотрел на нас, как покинутый ребенок. Я помахала ему на прощанье рукой. Дали прокудахтал себе в усы:

— Если бы вы читали мои книги, вы бы знали, что такое кледализм, вид страстной любви, которую я показал на примере моей героини, Соланж, влюбившейся в человека, никогда ею не виденного. Именно это произошло с вами сегодня утром. Я влюбил вас в Снежный ком до того, как вы узнали, что это детеныш гориллы!

— Вы меня еще раз «кретинизировали», — засмеялась я.

— Я люблю кретинов хорошего качества, я вам уже говорил, — ответил он.

Перед уходом мы решили зайти к слоненку Дали, но нас ждала печальная новость: слоненок стал свирепым, и его вынуждены были убить несколько дней назад.

У нас еще было время перед обедом и Дали потащил меня по узкой улочке к собору Carra de la Paja, где он покупал все нужное для живописи и антикварные вещи. Он предложил купить мне перламутровый веер. Потом он показал мне церковь Грешников, полную «приношений по обету», картинок или табличек с выражением благодарности Деве Марии, сохранившей жизнь морякам. Чуть дальше, в магазине ножей, он показал мне наваху с острым лезвием. «Бунюэль всегда носил с собой наваху», — сообщил Дали.

У входа в ресторан отеля «Риц» молоденький брюнетик подошел к нам и протянул свою карточку: у него был бар поблизости, и для него было бы большой честью принять у себя Дали. За обедом грустный пианист играл вышедшие из моды мотивы, которые с трудом можно было узнать. Дали попросил его сыграть «Amapola». Чем чаще музыкант фальшивил, тем больше Дали налегал на еду. Мы закончили вкуснейшей серой икрой. Тут Дали водрузил на нос очки, чтобы рассмотреть визитную карточку брюнетика.

— Ах, вот оно что! возликовал он. — Вы никогда не отгадаете название бара. Ставлю тысячу против одного. Здесь сработает только метод критической паранойи. Вспомните, Аманда, что мы хотели сделать в Барселоне?

— Увидеть слона, — ответила я.

— А бар называется… «Слон»! — тоном победителя сказал Дали. — Слишком много всего одновременно! Сначала носки, моя Аманда и Снежный ком, потом еще Гала возвращается вовремя, влюбленная в меня как никогда, слон в зоопарке и эта карточка плюс неузнаваемая «Амапола». Я непременно заработаю деньги!

Глава 11

Следующей зимой мое пребывание в Париже началось с торжественного вечера, на который меня привел Дали. Это была премьера фильма Анатолия Литвака, где играла Миа Фарроу. Дали часто виделся с ней в Нью-Йорке и рассказывал мне о ней анекдоты. Когда он ее встретил, она играла уличных девчонок. Дали любил ее невинный вид и короткую черную пелерину, которой она соблазняла всех. В конце концов она без памяти влюбилась во Фрэнка Синатру, и поскольку последний не приходил на встречи, Дали вынужден был играть роль «селестины» (сводницы из пьесы Фернандо де Режаса). Тогда началась ожесточенная погоня по Нью-Йорку за Синатрой, окруженным телохранителями и перемещавшимся со сверхъестественной скоростью в лимузине с телефоном (что еще больше впечатляло Миа). Дали вздыхал:

— Это была самая трудная свадьба в моей карьере «селестины»! Мы хотим встретиться в «Эль Морокко»? Он сбегает через кухню! В «Лягушке»? Он только что вышел.

Естественно, Миа все больше и больше в него влюблялась.

В итоге Миа все-таки женила на себе Синатру, и сейчас приехала в Париж без него, на премьеру своего фильма в театре «Мариньи». Мы вместе ужинали у «Максима»: Миа, похожая на маленькую девочку в своих белых чулочках, и я, в страусовом боа от Биба.

Мы говорили по-английски. Миа много смеялась, вспоминая все далинианские выходки.

— Вы помните «лимузины»? — спрашивал ее Дали.

— Да, конечно. «Лимузины» и «швейную машинку» Я все помню. — отвечала Миа, задыхаясь от смеха; «лимузины», «швейная машинка!»

Английский Дали не выдерживал никакой критики. У мэтра был большой словарный запас, но его произношение все портило. Он артикулировал каждый слог, добавляя лишние гласные то тут, то там. Особенно забавно в его устах звучало слово «butterfly» (бабочка). Он произносил «boutereflaille-hi», делая ударения на «hi». И в то же время он утверждал, что записал вместе с Рексом Харрисоном, профессором из фильма «My fair lady», пластинку с уроками английского языка!

Миа захотела пойти к Кастелю, где три года назад мы познакомились с Дали. Там она попросила, чтобы ей сыграли «Strangers in the night», песню ее мужа, и пошла звонить ему по телефону. Я услышала, как она кричит: «I

love you, Darling, I kiss you!» Связь со Штатами была плохая.

Дали был разочарован ее отвратительной прической (у нее были такие же длинные волосы, как у меня, когда он с ней виделся в последний раз) и ее поведением. Несколько лет спустя мы снова встретились с ней в Нью-Йорке, на обеде в Трайдерс Вик. Она была со своим новым мужем, дирижером Андре Превеном. Она только что усыновила несколько китайчат. Это доконало Дали. Я заметила, что жинесты прошлых дней одна за другой преподносили ему неожиданные сюрпризы. Другим его разочарованием была актриса Эли Мак Гроу, которую он называл «Христом» из-за ее бледности и томного вида в те времена, когда она еще была манекенщицей. Став кинозвездой благодаря «Любовной истории», она перестала замечать Дали и не отвечала на его телефонные звонки. Он был очень обижен.

— А вы, малышка Аманда, вы тоже перестанете со мной знаться, когда станете знаменитой? — спросил он.

— Пока вы будете хотеть меня видеть, я буду оставаться вашей малышкой Амандой, — отвечала я. — Это вам однажды покажется, что я стала старой и неинтересной.

— Никогда! — запротестовал он. — Мы всегда будем вместе, и вы это знаете.

Чуть позже его друг Ирис Клерт попросил нас прийти на одну из своих выставок. Там мы встретили Леонор Фини, которая пригласила нас к себе на ужин. Она жила около площади Победы. Тут-то и подтвердилась ее репутация «кошачьей мамы». Несмотря на свою привязанность к этим животным, я вынуждена была признать, что всему есть предел, потому что представители семейства кошачьих просто кишели под ногами.

Кстати, на вечере Леонор Фини напомнила нам, что именно она делала эскизы костюмов для «Вселенского собора любви», пьесы Оскара Паниззы, поставленной Йоргем Лавелли. Дали подал Лавелли мысль ангажировать меня на немую роль женщины, посланной дьяволом. Тот попросил меня прийти попробоваться в театр, где шли репетиции, и Дали решил меня сопровождать. Он уселся на кресло в партере и наблюдал за тем, как Лавелли заставлял меня ходить по сцене и изображать, что я нахожусь под воздействием какого-то внутреннего видения. Во время этой дрессировки раздраженный Дали неоднократно прерывал нас. По его мнению, все это никуда не годилось. Режиссер-постановщик дал понять Дали, что это он руководит игрой актеров. Дали был с ним не согласен, он видел эту сцену совсем по-другому. В результате мэтр увел меня. Мы покинули театр разочарованными.

— Ну и кретин это тип! — взорвался Дали. — Он ничего не понял!

Он рвал и метал, видя меня, повинующейся режиссеру, по его мнению — бездарному.

Он решил ввести меня в парижский свет, а лучшим предлогом для этого было посещение бала в восточном духе, который давал Алексис де Реде на острове святого Людовика, в отеле «Ламбер». Это было главное событие сезона и, как издевался Дали, «те, кого не пригласят, скажут, что не пришли, потому что собрались уезжать или заняться зимним спортом». Он вспомнил виконта де Ноай, который всегда спрашивал себя, получив приглашение: «Нужно ли туда идти? Можно ли вращаться среди этих людей?», за что милый виконт заслужил кличку «Можно ли — нужно ли».

— Нужно ли идти на бал Реде? — спросила я, передразнив виконта.

— Обязательно! — отвечал Дали. — Конечно, только для того, чтобы полюбоваться плафоном, расписанным Тьеполо. Сам бал не заслуживает никакого внимания.

Гала не собиралась идти на бал. Светские сборища вроде этого внушали ей ужас. Я же была поглощена маскарадным костюмом, которого у меня не было. Все приглашенные заказывали совершенно экстравагантные костюмы, богатые кафтаны, тюрбаны с султанами и так далее, и тому подобное.

— Успокойтесь! — сказал Дали. — Вы гораздо красивее и оригинальнее всех этих разряженных дебилов. Впрочем, я, кажется, придумал костюм для вас. Вы будете цветком восточного мака, помните «Амаполу»?

И он заказал обтягивающее красное платье у Репетто.

В последний момент меня стало пугать то, что я встречу всех этих людей, живущих совершенно по-иному, чем я, и отказалась идти на бал. Дали успокоил меня: ведь его-то я знаю, и еще мы возьмем с собой близнецов. Да, мы приведем с собой диоскуров, переодетых в пажей. И я смогу танцевать с ними. Сам мэтр надел парик а ля Людовик XIV и запасся лорнетом, украшенным драгоценными камнями. «Я переоделся в Дали!» — объявил он. Близнецы в костюмах пажей несли знамя и, на бархатной подушечке, каббалистические знаки блаженного Раймунда Луллия, изображенные на пергаменте. Что касается меня, то, кроме красного платья и лосин, я надела завитой белокурый парик.

— Выньте одну грудь, — посоветовал Дали. — Уверяю, вы будете единственным маком-самосейкой, который на это осмелится. И еще вы будете похожи на амазонку.

Последняя вспышка стыдливости заставила меня набросить на плечи

прозрачный красный платок, расшитый золотыми нитями.

Наше прибытие в отель «Ламбер» было впечатляющим. У входа зазывала объявлял имя каждого прибывшего. Алексис де Реде в костюме калифа, ждал приглашенных на лестнице, ведущей на первый этаж, в большую залу с лепниной и фресками. Весь высший свет был здесь: Ротшильды, княгини, кинозвезды и представители высокой моды, аристократы и просто карьеристы, все в масках. Посреди расшитых золотом тюрбанов, одалисок, разубранных драгоценными камнями, Турандот и Лакме, китайских императоров и Шехерезад, фальшивых и наспех скроенных, мы быстро потеряли близнецов. Никто не обратил внимание на пергамент Раймонда Луллия и это задело Дали. Брижит Бардо была одета в обтягивающее платье. Элизабет Тэйлор — в вышитый кафтан. То, что я изображала цветок опиума, никого не интересовало, но моя обнаженная грудь привлекала все взгляды. Все это сборище в конечном итоге походило на тусовку богатых хиппи. Диоскуры чувствовали себя гораздо увереннее, чем мы оба: Дали был уязвлен, что не оказался в центре внимания, меня смущало то, что меня замечают только из-за обнаженной груди.

Несколько дней спустя барон де Реде пригласил нас на обед. Мы были среди близких друзей барона, и Дали мог сколько угодно строить из себя звезду. Барон подарил ему новую трость «в связи с Амандой». Фарфоровый набалдашник представлял собой голову женщины-фиалки в шляпке а ля Людовик XIV.

Последним светским событием зимы был обед, данный Полем-Луи Веллером в голландском посольстве. Дали изо всех сил старался дать мне почувствовать, что он печется только о моем благе и что все эти светские рауты нужно только для того, чтобы послужить пищей для наших кадакесских бесед.

Впрочем, ему не пришлось долго ждать. Когда мы снова оказались наедине, в наших обычных ресторанах, он подробно объяснил мне, кто есть кто, где приобрел состояние.

Все рассказы Дали были приправлены сплетнями. Как консьержка, он был в курсе всех скандальчиков. Такой-то был педерастом, такая-то, известная нимфоманка, содержала альфонса прямо на глазах импотента-мужа. В «Максиме» мы всегда обедали на втором этаже, заставленном тепличными растениями, рядом восседали «завсегдатаи»: сплетница Кармен Тессье, Ротшильды, мадам Альфан, работавшая у Кардена, Мальро, иногда один, иногда с Людмилой Чериной. «Ленен» был более людным: деловые люди, грузные буржуа, провинциалы. По воскресеньям мы

отправлялись в «Серебряную башню» — в этот день наши обычные рестораны были закрыты. Дали заставил меня продегустировать утенка, при этом разбирая по косточкам Нотр-дам, этот «скелет курицы», как он говорил. Я отдавала должное «мушиным кораблям» и училась ценить французскую кухню.

Через несколько дней я улетела в Нью-Йорк представлять мини-юбки вместе с их королевой, Мэри Квант. После короткого пребывания в Порто-Рико, загоревшая и посвежевшая, я оказалась 6 января в ужасно холодном Нью-Йорке. Я остановилась в «Винслоу», на углу 55-ой авеню и Мэдисон авеню, в 50 метрах от «Сан-Режиса», где жил Дали.

Вечером Дали повел меня в «Эль Морокко». В детстве я видела много голливудских фильмов со сценами, снятыми в «Эль Морокко», главным образом с Дорис Дэй, все кинопанорамы, пичкавшие меня одними и теми же звездами, были сняты в этом месте. Я заплела маленькие косички, так нравившиеся Дали, надела гипюровую белую кофточку бабушкиных времен и голубые атласные брюки. Мне казались давно знакомыми эти банкетки, обтянутые шкурами зебр, танцплощадка и парни в униформе. Дали был рад вновь обрести меня так быстро — мы расстались с ним в Париже три недели назад.

— Разве я думал, что буду сидеть с вами в «Эль Морокко», когда вы впервые появились в Кадакесе с вашей соломенной корзинкой? Думали ли вы, что наши отношения станут такими интимными?

— Нет, — честно ответила я, — сначала вы были мне антипатичны.

— А сейчас еще больше, — добавил он.

— Вовсе нет.

— А я люблю вас с каждой нашей встречей все больше и больше. Сейчас я люблю вас больше, чем в Париже, больше чем в Кадакесе. Но что-то вы совсем повесили нос, должно быть из-за зимы. Но даже в Нью-Йорке вы похожи на стрекозу. А ну-ка дайте мне взглянуть в ваши глаза цвета сладкого миндаля.

Я почувствовала, как меня переполняет неслыханная нежность. Почему ни один знакомый парень не был способен на подобную аффектацию? Почему никто никогда не говорил со мной так нежно, как этот женатый старик? Жизнь несправедлива… Я хотела бы родиться раньше и познакомиться с сорокалетним Дали. Я отдала бы ему всю свою любовь, и он бы сделал меня счастливой. Почему я встретила его так поздно?

Мои коллеги уехали в Лондон, а я решила остаться в Нью-Йорке. Мы получили временное разрешение на работу манекенщицами в Штатах, и я

решила этим воспользоваться. Я отправилась к Золи, симпатичному человечку, с которым я познакомилась в Лондоне, и записалась в его агентство. Однако вскоре я разочаровалась. Здесь трудно было остаться любительницей: фотографироваться то тут, то там, чтобы платить за квартиру, и не участвовать в утомительных показах мод. В Нью-Йорке я должна была каждое утро звонить в агентство, где мне предлагали длинный список «go-see» (интервью) в четырех разных концах Манхеттена. Ногти должны были быть безукоризненно накрашены, не говоря уже об искусственных ресницах. Я разорялась на такси. Меня нашли слишком «типичной и я должна была обрезать волосы; считалось, что у меня слишком маленькая грудь и что на меня не так уж легко шить, и, сверх того, мне не хватало амбициозности. Здесь модель должна была пожертвовать всем, чтобы фото попало в «Vogue».

Однако сеансы позирования в этом журнале оплачивались мизерно, по сравнению с рекламой или работой на магазин женского белья, где платили вдвое больше. Поэтому я не слишком обращала внимание на советы Даяны Вриланд, тогдашнего редактора американского «Vogue». Чтобы преуспеть, нужно было стать снобом и посещать нужных людей. Я не имела никакого желания это делать и, сверх того, я влюбилась. Дайана Вриланд сказала Дали, что я могла бы стать одной из лучших манекенщиц. Но мной заинтересовался Диринг, молодой миллионер, и все полетело вверх тормашками.

Я побывала в Макс Канзас Сити, месте, похожем на «Башню» Монпарнаса, где собирались молодые поэты, певицы, артисты, наркоманы. Я была очень удивлена, когда встретила там друзей, Нико, немецкую певицу с низким голосом, Лу Рида, музыканта. Они представили меня деятелям андеграундного движения: режиссеру-постановщику Полю Моррисею, красавице Сьюзен Боттомли (Интернациональный Вельвет), Джо д'Алессандро, Вива, звездам из фильмов Энди Уорхла.

Дали «открыл» Уорхла, когда тот занимался рекламным бизнесом. Он принес ему свои рисунки обуви. Дали признавал за ним определенный талант, но не любил его манеру пользоваться услугами своего окружения и никогда не платить гонорары. Ультрафиолет, например, жаловалась Дали, что не получает ни гроша после съемок. У Макса я и встретила Диринга. Молодой наследник огромного состояния, он был окружен толпой паразитов, которые напомнили мне «друзей» Тары и Брайана Джонса. Они использовали его, его машину, его виски. Мой новый знакомый имел слегка потерянный вид и кололся, пока не попадая из-за этого в неприятные ситуации. Он посещал Джимми Хендрикса и молодых негритянок.

Он попросил меня представить его Дали. В Америке двор Дали настолько разросся, что его не вмещала гостиная «Сен-Режиса». Теперь мэтр приглашал всех в бар отеля. Рауты в «Мерисе» казались просто рафинированными по сравнению с тем, что творилось здесь: совершенно невероятные хиппи, танцовщицы-негритянки, манекенщицы, чудаки-изобретатели и иногда — настоящие ученые. Я возвращалась со съемок, шел снег. Дали встречал меня в холле отеля, около роскошных лифтов. Он спрашивал меня, почему я не в баре.

— Сегодня есть интересные люди, — говорил он. — Несколько низкосортных кретинов и еще один старый господин, который терпеливо занимается моими архивами. Я хочу показать вам пук.

«Какой еще пук?» — думала я, в то время как Дали тащил меня в глубину зала, мимо витрин с китайскими антикварными вещами, прямо к бару «Мейсонет». Здесь он наконец-то остановился перед огромной картиной, занимавшей всю стену.

— Перед вами история пука. Вот два гвардейца короля, которые смотрят по сторонам.

Тот, что справа, делает вид, что ничего не произошло. Он только что пукнул, и другой это заметил. Не правда ли, чудесная картина? В Нью-Йорке полно таких вещей. Здесь есть столько неоткрытого. Вы еще увидите! Я рад, что вы так близко от меня, вы живете совсем рядом с моим отелем в вашем Винслоу (он произносил «Винеслов»). Вы свободны сегодня вечером? Поужинаете со мной? Я представлю вам кинопроизводителя, самого омерзительного из кинопроизводителей. Его зовут Дэррил Занак. Он грозится купить мою картину, поэтому мы идем с ним ужинать в «Трайдерс Вик». Гала его ненавидит и не хочет идти со мной.

Я попросила его зайти в полуподвальный бар, потому что Диринг должен был прийти. Он уже был там и сидел рядом с Галой, которая только что спустилась. Дали поспешил подойти к жене:

— Малышка! Где ты была? Я ждал тебя в холле.

— Я как раз разбиралась с телефонистками. Ты же знаешь, я всегда это делаю. Потом я встретила Алемани, который тебя искал.

Алемани был ювелиром и жил на антресолях «Сан-Режиса». Он изготовлял чудесные драгоценности, задуманные Дали. Например, рубиновое сердечко, составленное из мелких камней, и другие совершенно уникальные вещи, теперь принадлежавшие одной флоридской миллионерше, миссис Четхем. Она их выставляла время от времени в благотворительных целях. Дали сказал:

— Гала в течение многих лет, в самом начале нашего пребывания здесь, дает на чай телефонисткам, которые после этого становятся гораздо любезнее. Это полезнее, чем давать им перед отъездом.

— Да, да, но хватит об этих чаевых. Вы сбежали и оставили меня с этим длинноволосым господином. Правда, он не такой уж грязный… Все друзья Дали очень грязные, вы, наверное, знаете об этом, молодой человек… Хотя Дали тоже грязный. А вы, милочка, получше следите за вашим бой-фрэндом, а то я его украду. Я как раз ищу такого.

Дали рассматривал Диринга. Высокий, стройный, хорошо воспитанный, он выглядел достаточно хорошо. Мой новый друг пригласил Дали и Галу на ужин, но они предпочли обед.

— Это было бы чудесно в будущую среду, — решил Дали. В час ровно, в «Лютеции».

В первый раз кто-то из моих друзей приглашал Дали на обед.

Ужин с Занаком был просто катастрофой. Он прибыл с опозданием вместе со своей подружкой. Француженкой. Усевшись, он закурил сигару, которая воняла весь вечер. Он заказал блюда для всех по своему усмотрению и стал экзальтированно рассказывать о своем путешествии на Восток.

— Это было красиво, так красиво; эти экзотические пейзажи, эти пляжи, это необыкновенное искусство!

Дали ответил, что восточное искусство не вызывает у него интереса. Что касается пейзажей…

— Нет ничего более уродливого, чем кокосовые пальмы, — заявил он, издеваясь. — Это непропорциональное дерево, растрепанное, самое ужасное на свете. И совершенно незачем рассказывать мне о Карибских островах и о прочих отвратительных пляжах, мне, живущему среди тысячелетних оливковых деревьев, посаженных римскими легионерами на берегу Средиземного моря, колыбели греческой мифологии!

Занак перешел на драгоценные камни Цейлона:

— Взгляните на этот сапфир, который я купил для Женевьевы почти даром. Женевьева, покажи свое кольцо! Всего лишь 5000 долларов. Ну, что скажете?!

Молодая женщина смущенно предъявила кольцо Дали. Он водрузил на нос очки и сделал вид, что внимательно его рассматривает. Он раскритиковал его совершенно. Все это было проделано, чтобы напомнить Занаку об афише Дали и Ракель Велтш, которую тот так и не использовал в своем фильме, хотя и заплатил за нее 50 000 долларов, затребованных Дали. Последний, посмеиваясь, наблюдал, воспользуются ею или нет.

Занак не бросил на меня ни единого взгляда. Однако по части туалета и макияжа я превзошла себя и даже надушилась новыми духами, гораздо более возбуждающими и сладкими, чем прежние. Они назывались «Гардения джунглей». Все по полной программе!

На следующий день мне позвонил Дали и сказал, что наш вчерашний сотрапезник «хочет кое-что сделать». Мэтр даже послал меня в студию, сделать пару фотографий. Я вернулась с целой кипой. Профессиональный фотограф сделал множество моих снимков: в профиль, с распущенными волосами и так далее, и тому подобное…

— Господин Занак посмотрит фотографии завтра и вам перезвонит. — сказал мне мэтр.

Я не придала этому особого значения. Однако Занак мне позвонил и любезно попросил прийти к нему в отель «Плаза», чтобы обсудить фотографии. Я бы предпочла его бюро, но поскольку он знал, что я подруга Дали, я была спокойна.

Он сам открыл мне дверь, с сигарой в руке и в домашнем халате… дружески поприветствовал и предложил войти.

Это была великолепная спальня… с закрытыми окнами, спущенными шторами, полутемная и с расстеленной кроватью. Ситуация абсолютно прояснилась, когда появилась Женевьева в неглиже. Я выскочила из спальни в гостиную и закричала: «Разве мы не должны были обсудить мои фото, господин Занак?»

— Они будут лучше смотреться отсюда, — ответил он, уже из гостиной. — Ну же, малышка. Вы же уже большая… Моей подружке вы понравились. Мы посмотрим фотографии… в свое время. Там есть очень интересные…

Я хотела теперь только одного: поскорее выбраться из этой западни. Я стала двигаться к дверям, бормоча: «…должна уйти… Меня ждет Дали. Пришлите фотографии в «Сан-Режис», Дали мне передаст. Прощойте!»

Когда я рассказала об этом плачевном эпизоде мэтру, он пришел в ужасный гнев:

— Ну и свинья! Никогда не продам ему ни одной картины! Он их недостоин! Они слишком хороши для него! Оскорбив вас, он оскорбил меня! Я Божественный Дали, а не какой-нибудь бесстыдный голодранец! Я больше не желаю его видеть!

Занак понял свой промах и позвонил Дали, оправдываясь тем, что не знал, кто я такая. Дали устроил ему разнос.

Как и было договорено, мы пообедали в «Лютеции» с Дирингом, которого Гала нашла миленьким, но не больше. Дали заметил, что у моего

друга плохая кожа, и воспринял его без большого интереса. А я провела с ним ночь в «Винслоу», после дискотеки в «Сальвейшн». Он казался нежным и ранимым, единственным в своем роде, и умилял меня. Он напомнил мне Тару. Диринг настаивал на том, чтобы мы жили вместе, поговаривал о браке. Он решил заказать для нас номер в отеле «Дель Монико» на Парк авеню, который мы собирались обставить вместе. Я была в восторге от того, что мы вместе ходили по магазинам и скупали ситцевые подушечки, коврики, шторы, свечи, а потом целый день обустраивали наше гнездышко, переделывая спальню и гостиную по своему вкусу. Диринг заказал в номер великолепный ужин, и мы провели замечательный вечер. Он собирался уехать со мной в Лондон, мы решили вместе побывать у Дали в Испании и пожениться в Провансе или в Италии.

Вдруг посреди ночи позвонила из Лос-Анджелеса законная жена Диринга, наконец-то напавшая на его след… Ошеломленная, я вынуждена была присутствовать при жуткой семейной сцене. Диринг вопил, оскорблял свою жену и, повесив трубку, принялся крушить все вокруг. Я закрылась в ванной. Он вышел из отеля, куда вернулся на рассвете вместе с огромной негритянкой. По-видимому, оба они перед тем приняли изрядную дозу наркотиков. Едва войдя в номер, они рухнули на постель.

Я собрала свой чемодан и отправилась прямо в «Сан-Режис». Из холла я позвонила Дали. Явно встревожившись, он позвал к трубке Галу, которой я все рассказала в подробностях. Она была великолепна. Насколько Дали был беспомощен в подобных случаях, настолько Гала умела найти нужные слова. Она меня утешила и мгновенно разработала план действий:

— Вы вернетесь в Лондон. Нью-Йорк вам не подходит. Мы с Дали вас очень любим, вы знаете. Не сомневайтесь, он вас ценит. Скоро он будет нуждаться в вас. Быть может, я не всегда смогу быть с ним…

Она купила мне билет на самолет. Я собиралась улететь в тот же вечер. До самолета я должна была осушить слезы и забыть этого дебила Диринга, который, впрочем, как только проснулся, позвонил в «Сан-Режис», подозревая, что я укрылась у Дали. Гала говорила с ним сурово, предложив ему сначала перестать употреблять наркотики, а потом уже меня искать. Он готов был пообещать все, что угодно. Он был огорчен и хотел со мной поговорить. Дали увел меня обедать к Орсини. Мэтр разговаривал со мной нежно, как отец. Если я действительно люблю этого парня, я должна хорошенько подумать и решить, смогу ли я принять его таким, какой он есть.

После обеда он отвез меня в «Клойстер», замок, где находился знаменитый гобелен «Дама с единорогом». В течение долгой поездки на

машине он не вспоминал о Диринге. Мало-помалу его голос и теплые слова вывели меня из тяжелого сна, в котором я жила со дня моего прибытия в Нью-Йорк. В тот же вечер я вылетела в Лондон, ни о чем ни жалея.

Глава 12

«Из-за моего лицемерия я веду себя, как настоящий джентльмен. И если люди рядом со мной болеют, я посылаю им лекарства, врача и так далее, и тому подобное… Однажды я встретил молодую девушку, наркоманку, она могла умереть. Однако она была необыкновенно красива, и я подумал, что если бы она к тому же еще и ослепла, это было бы сногсшибательно… Но такие мысли не помешали мне позвонить к самому выдающемуся испанскому окулисту, который приехал ее лечить. Я был безупречен, но в глубине души я предпочел бы, чтобы она больше страдала».

Дали

Я вновь обрела Лондон и моих друзей. Я привезла им портмоне со статуей Свободы, набивные tee-chirts, дешевые почтовые карточки. Я нашла трехмерные репродукции Христа, которые создавали видимость того, что Христос открывает или закрывает глаза. Когда я показала репродукции Дали, он вскричал:

— Вы привезли мне третье измерение! То, что я искал всегда!

Потом он добавил, обращаясь к Капитану:

— Мне сейчас же нужен адрес тех людей, которые производят эти фотографии, но только объемные.

Мои нью-йоркские заблуждения побудили меня заняться самоуничижением. Я остригла волосы в каре и носила теперь только длинное шерстяное платье ржавого цвета. Когда мы с Дали встретились в Париже, я находилась в настоящем духовном кризисе. Ночные кабачки не интересовали меня больше, я перестала краситься, моду я теперь воспринимала, как бесполезное занятие, и решила серьезно заняться живописью.

Дали, исходя из принципа, что клин клином вышибают, приготовил для меня полный набор всевозможных женихов, начиная от одного танцовщика, выступавшего обнаженным в «Фоли Пигаль», до декоратора Жака Гранжа. Но я упивалась своими разочарованиями, мне были

противны люди, которых я посещала, мне надоели наркотики, и я вынуждена была признать их разрушительное действие. Дали был прав, когда захотел прочистить мне мозги и выветрить из них всю эту дребедень, состоявшую из плохо усвоенной восточной философии. Мир не изменился. Чтобы бороться против установившейся системы, нужно было иметь деньги и власть, составляющие, благодаря которым Дали сходила с рук его эксцентричность. «Его богема» была хорошо организована и структурирована. Гениальность Дали вынуждала общество закрывать глаза на все его экстравагантные выходки. Его отлучили от церкви после появления «Андалузского пса» и «Золотого века». Теперь он был принят в Ватикане и иллюстрировал Библию. В 20 лет он отказался обрезать себе волосы и оскорблял буржуазию? Сейчас он обедал с Ротшильдами и рисовал портреты матрон-миллиардерш. Неужели он продался? Предал ли он сюрреалистское движение, как его обвиняли? Да, он не принял обет бедности, но прекрасно понял, что можно воплощать в жизнь свои бредовые идеи, не умирая при этом с голоду. Благодаря Гале он накопил много денег, что позволило ему «кретинизировать» слабых и сильных мира сего. Он не устраивал голодовок, он не танцевал на улицах, чтобы его услышали, — он просто терпеливо работал, чтобы навязать себя миру.

Я же продолжала посещать молодых праздных англичан, этих ряженых, слонявшихся по улицам в надежде, что мир изменится сам собой. Я просто теряла время. Колоться означало только прятаться от проблем. Нечто вроде мазохизма толкало меня на невероятные романы, заранее обреченные на неуспех. Тара, Алексис, Брюс или Диринг никогда не были способны сделать меня счастливой. Только Дали мог удовлетворить мою жажду нежности и дать мне интеллектуальное могущество, которого я так искала. Мэтр был все великолепнее, и я находила моих друзей все посредственнее.

Весной Дали был приглашен на Елисейские поля президентом Помпиду, очень любившим людей искусства. На этом вечере, организованном мадам Альфан, Дали преподнес президенту республики маску Наполеона, составленную из носорожьих рогов. В этот день мэтр был великолепен в самом красивом из своих костюмов, с булавкой Альфонса XIII на галстуке и с Большим Крестом Изабеллы Католической в петлице. Ему хотели предложить орден Почетного Легиона, но он мог принять только орден, равный Большому Кресту Изабеллы Католической. Ему, конечно, следовало бы дать Большой Крест Почетного Легиона, но власти все еще колебались.

Светские рауты в это краткое пребывание в Париже не произвели на

меня никакого впечатления. Была инагурация дома Ирана на Елисейских полях, где мы ели икру, ужин у Поля-Луи Веллера, замечательный обед с Коко Шанель, жизнерадостность и пылкость которой заткнули рот всем, даже Дали.

Я с нетерпением ждала лета, чтобы оказаться в Кадакесе. Мне надоела фривольность окружения Дали. Это сблизило меня с Галой, которая после эпизода с Дирингом была весьма любезна со мной. Она тоже ненавидела Париж, хотела поскорей очутиться в Испании и делала все, чтобы сократить наше пребывание здесь. Она специально кашляла, заходя в прокуренную посетителями гостиную, и находила все рестораны слишком дорогими.

Однажды Дали на цыпочках подошел к нам с Галой, когда мы беседовали по душам, и несколько минут довольно нас созерцал. Он сказал нам потом, что ему доставило необыкновенное удовольствие видеть нас в мире и согласии и, более того, откровенничающими друг с другом. Он решил, что для того, чтобы я снова обрела радость жизни, нужно подарить мне талисман, и это непременно должен был быть карбункул, камень огненного цвета, описанный в древних рукописях. Ювелиры-консультанты никогда о таком не слышали. Это не рубин, быть может, сорт граната, найденного в Азии? Дали знал, что со стороны матери у меня имеются русскомонгольские корни, и мысль о знаменитом камне Чингиз-хана его соблазнила. В итоге он решил, что разгадку нужно искать во дворце Изобретений. Все минералы, которые только можно себе представить, были собраны там. Быть может, там есть какой-нибудь карбункул. В каталоге мы нашли сведения о том, что наш загадочный карбункул мог оказаться гранатом из Шри-Ланки, называвшимся Гранат альмандин. От альмандина до Аманды всего один шаг. Оставалось только найти этот полудрагоценный камень. Мы обрыскали все ювелирные магазины и все лавочки с редкими драгоценностями — мой талисман был неуловим. Эта игра меня развлекла, хотя я догадывалась, что она была только предлогом, чтобы вытащить меня из моего сплина. Сплин этот сопровождался увлечением мистикой. После того, как я принесла в жертву свои волосы, я стала искать духовной пищи. Дали покупал для меня книги Франциско Кеведо и святой Терезы Авильской. «Я умираю, не умирая», — сетовала она. Это было мне близко.

Я вернулась в Лондон и попала из огня да в полымя. Брайан Джонс, бывший гитарист из «Роллинг Стоунз», принялся мне звонить. Я потеряла его из виду, но замечала в прессе сообщения о его бесконечных столкновениях с властью, историях с наркотиками, об отцовстве, которое он оспаривал. В группе его сменил новый гитарист, и он в одиночку

отправился в Атласские горы изучать марокканскую музыку. Я увидела его у фотографа Дэвида Бэйли, который жил с моей подругой, Пенелопой Три. Брайан купил дом с бассейном в окрестностях Лондона и говорил, что сумел возвыситься над своими неприятностями.

Мы с ним несколько раз ужинали на Челтенхэм Террас. Теперь у него не было постоянной подруги, и он казался искренним в своей жажде нежности. Жить в деревне было для него выгодно, потому что в Лондоне он не умел противостоять нездоровой прелести кабаков и проводил ночи в Спикеси, месте тусовки музыкантов, в поисках компании на ночь. Брайан клялся мне всеми богами, что перестанет колоться, что снова будет играть, теперь уже в собственной группе, что отомстит Мику Джаггеру, что все для него снова обернется хорошо. У него был такой трогательный, такой побитый вид, что несколько раз я оставляла его у себя на ночь. Он плохо спал и дышал с трудом, потому что страдал астмой и всегда носил с собой маленький ингалятор, с помощью которого прочищал себе дыхательные пути. Иногда он просыпался в поту, ему снились кошмары. Он не помнил, где находится, и лепетал: — Где я? В Нью-Йорке?

Я должна была его успокаивать. Когда он стал собираться уходить, я одолжила ему фен для волос, чтобы уложить его челку, спадавшую на глаза.

Однажды вечером он повел меня к «Аннабель», чтобы присутствовать на концерте Тины Тернер, американской певицы, которую он обожал. Но у Брайана не было галстука, и швейцар нас не пускал. Произошла отвратительная сцена у двери: Брайан ревел, что он из «Роллинг Стоунз» и что он должен сейчас же войти. После жаркой перепалки (нам помогло только вмешательство директора заведения) мы все-таки вошли и уселись за лучший столик около эстрады. Но, как только спектакль начался, Брайан, смешавший снотворное с алкоголем, уснул сном младенца. Мне пришлось тащить его до машины с помощью презрительно улыбавшегося швейцара.

Брайан предложил мне провести несколько дней у него, около бассейна. Он собирался вечером послать за мной свой голубой «Роллс». В тот же день близнецы, решившие провести июль в Марбелье и, что было несколько необычным, в компании великолепной брюнетки Жозе, предложили мне улететь с ними вечерним рейсом. Мы замечательно повеселимся вчетвером в Марбелье, у Жозе там куча друзей, а потом я смогу отправиться в Кадакес. Я провела день в раздумьях: Брайан или Марбелье, пережевывание старого, гитарист-неудачник, друг Тары, или новые места и люди, Андалузия.

Вечером за мной приехал «Роллс» Брайана. Брайан ждал меня у себя, к

нему пришли друзья послушать записи, сделанные в Марокко. Это был тот самый шофер, который отвозил меня на суд три года назад. С ним было связано слишком много неприятных воспоминаний. Я попросила его отвезти меня в аэропорт. Несколькими часами позже мы приземлились в солнечной Малаге, я была счастлива, потому что перевернула еще одну страницу моей жизни. На другой день я услышала по радио, что Брайан Джонс утонул этой ночью.

После замкнутых и диких каталонцев я с радостью ощутила шарм и беспечность андалузцев из Марбелье. Здесь любили побродить по цветущим белым улочкам и жили в ритм с песней гитаны. Я лучше понимала теперь жизнерадостный характер Людовика XIV, у которой, кстати, была чудесная вилла в Торремолиносе, в нескольких километрах от Марбелье. Она пригласила меня к себе. Она вела тихую мирную жизнь, с ней жили ее три дочери, удачно вышедшие замуж, эта семья воспринимала все легко и надо всем смеялась. Конечно, мы много говорили о Дали, иначе и быть не могло. Людовик XIV была более светской особой, чем я, и поэтому гораздо легче приспосабливалась к постоянной пестроте и путанице гостиной в «Мерисе». Более того, эта чехарда ее развлекала. Ее роль Короля-Солнца сделала ее популярной, и она даже слишком серьезно ее воспринимала, хотя, конечно, ей совсем не нравилось предъявлять каждому новому посетителю свой профиль, когда мэтр говорил: «Взгляните, она вылитый Людовик XIV, этот бурбонский нос, эти завитые волосы. Не правда ли, похоже?»

Когда я покидала этот гостеприимный дом ради Кадакеса, моя хозяйка собиралась в Мадрид, но пообещала мне провести несколько дней с нами, может быть, в Барселоне, в сентябре, во время праздника Merced. В тот год Гала уезжала в Грецию, она должна была добраться до Италии на машине, потом на корабле пересечь Адриатику. Перед отъездом она дала мне несколько советов по поводу того, как обходиться с Дали.

Это было уже третье по счету лето, когда я останавливалась в отеле «Порт-Льигат», и даже в той же самой спальне. Но Гала дала соответствующие указания, и меня поселили в помещении для ее друзей, которое она называла своим бараком, обширных апартаментах из двух комнат с камином и ванной, на первом этаже дома Дали. Вход был отдельным и соседствовал с высоким кипарисом, проросшим сквозь прогнившую лодку. Дали дал мне понять, что это было исключение, поскольку у Галы было заведено никогда не поселять друзей в их доме. Она очень ценила этот барак и часто удалялась сюда, чтобы разбирать бумаги или писать. Старый шкаф был забит платьями и костюмами, которые Дали

и Гала никогда не носили, но которые тщательно сохранялись, потому что Дали на этом настаивал. Я нашла там великолепный белый костюм клоуна, усыпанный серебряными блестками, который Дали решил вновь пустить в оборот.

На нем был именно этот костюм, когда он встретил меня утром на террасе сада, спускающейся к морю. Мэтр сверкал как солнце. Он протянул мне алую розу, которую только что сорвал: «No la tocas mas que asi es la rosa», — сказал он. («Не касайся ее, потому что эта роза так прекрасна, что ее трудно сделать еще прекраснее»). Он обнял меня и «проверил» мой нос.

— Вы держите нос по ветру, это уже лучше, чем в Париже. Вы нашли карбункул?

Я его и не искала, но стала носить в качестве талисмана серебристый бубенчик, который легко позвякивал при каждом моем движении. Дали повертел его в руках: — Какая прелесть! Это же cascaballet, моя детская погремушка. По-каталонски она называется cascaballet de plata. Ну, малышка Аманда, этим летом вы останетесь довольны! Сначала мы пойдем снимать кино.

В Кадакесе и на самом деле снимался фильм по роману Жюля Верна, которого Дали, впрочем, ненавидел. Это был фильм «Маяк на краю света» с Кирком Дугласом, Юлом Бриннером, рыжей Самантой Эггар и французом Жаном-Клодом Друо. В деревне было полно актеров и статистов. Снимали возле «Средиземноморского клуба», среди фантастических декораций в виде скал мыса Креус. Актеры жили неподалеку. Кирк Дуглас оказался нашим соседом, он жил на вилле Фаскель в Порт-Льигат. Юл Бриннер обитал в «Капитане», прекрасной вилле на вершине обрывистого берега. Каждый день нам рассказывали о каких-то инцидентах, произошедших на съемке. То картонный маяк, возвышавшийся на вершине скалы, был перевернут ветром, то северный ветер дул так сильно, что все сносил. Потом еще прекрасное трехмачтовое судно загорелось. Все это очень забавляло Дали. Он презирал кино и еще больше киношников. Он часто рассказывал мне о своих голливудских авантюрах. Хичкок его ангажировал, чтобы он придумал сцену кошмара для фильма «Завороженный» с Ингрид Бергман. Он придумал, что иголка гигантской швейной машинки впивается в глаз актрисы. Его вежливо поблагодарили и все-таки предложили достойный чек. Он часто приводил в пример Сэмюэля Голдвина и его знаменитое изречение: «Мой ответ в трех словах: Не-воз-можно!» Орсон Уэллс, Рэндольф Херст и его римская вилла, Марлен Дитрих и Жан Габен, Уолт Дисней наконец — все было к его услугам, только бы он работал. Дисней заключил с ним контракт при

условии, что он овладеет техникой мультипликации, но они так и не воплотили в жизнь задуманный мультипликационный фильм о сюрреализме.

Дали рассказывал все это за ужином, который он устроил в честь актеров из фильма. Юл Бриннер, самый старший и самый образованный из них, от души хохотал. На его открытой груди поблескивала золотая цепь. Кирк Дуглас, отрастивший для фильма бороду, казалось, был впечатлен мэтром. Друо не говорил ничего и молча меня разглядывал. Он был пропитан философией дзэн-буддизма и сосредоточивался в течение нескольких часов, чтобы потом приступить к сцене, требовавшей полной отдачи.

Дали перешел на фривольные истории, изобличил папочку Диснея в том, что у него была огромная коллекция эротических приспособлений и неизвестные публике порнографические мультипликационные кадры. Уходя, наши гости пригласили нас на съемки, а Юл Бриннер попросил разрешения сфотографировать Дали за работой.

Этим летом, в самое жаркое время августа, когда сверчки пели под оливковыми деревьями, Дали решил изобразить меня в виде Анжелики, спасенной от дракона. Это должно было быть полотно в 2,5 м в высоту, дракон символизировал собой влияние той среды, от которой я должна была избавиться, он должен был спать у моих ног. Беа приготовил необычайно сумрачный фон, каменистый, представлявший собой пещеру.

Дали придумал для меня позу: руки за головой, скованные воображаемой цепью, одна нога чуть согнута, весь вес тела перенесен на другую ногу. Это была утомительная поза, и я должна была часто массировать руки, чтобы восстановить циркуляцию крови. Дали не любил мои остриженные волосы и заставлял меня носить парик из длинных белокурых волос, как две капли воды походивший на мою прошлогоднюю прическу.

Он работал быстро и все время напевал «Адажио» Альбинони. Иногда он прерывался и спрашивал меня:

— Как дела? Вы не очень устали? Можно прерваться, когда вы захотите. Во всяком случае потребуется, наверное, 12 лет, чтобы закончить эту картину!

Потом мы шли во внутренний дворик и в сумерках слушали Вагнера и Вивальди. Я рыскала по саду и искала светлячков, а потом показывала их Дали. Он объяснил, что светится в темноте именно самка, которая зажигает фонарь, чтобы дать понять самцу, что готова его принять. Он попросил меня в этом случае зажечь умывальник. Этот умывальник он отыскал в

магазине в Фигерасе, где он служил своего рода вывеской. Плоскодонный, в нескольких местах рельефный, он был сделан из белого непрозрачного пластика. Дали нашел его достаточно вызывающим, чтобы вставить в стену, возвышавшуюся над двориком, и неоновая лампа, скрытая сзади, освещала его ночью. Умывальник светился флуоресцирующим загадочным светом и напоминал луну, выглядывающую из-за туч. Издали он казался очень большим и буквально подвешенным над нами. Дали был в восторге:

— Какое чудо! Можно было сказать, что это свет луны. Поставьте мне скорее «Тристана и Изольду».

Я спускалась в кухню, к проигрывателю. Когда я возвращалась, первые ноты уже гремели в воздухе, но слышны были тихие потрескивания, проигрыватель был слишком ветхим. Дали, на седьмом небе, нюхал веточку жасмина, и молча брал меня за руку.

Этим вечером он дал мне книгу Раймонда Русселя «Locus solus», старое издание, иллюстрированное самим Русселем, которым Дали очень дорожил. Перед сном в бараке Галы, вдыхая запах йода и опрыскивателей против москитов, которые распыляла горничная, я погрузилась в чтение этой загадочной книги. Совсем близко шумело море. Старое сумрачное строение иногда пугало меня по вечерам. Особенно я боялась всяких ползучих гадов, потому что обнаружила крошечных скорпионов в ванной, и теперь каждый раз перед сном обшаривала свою постель.

Через несколько дней я окончила «Locus solus» и принялась за «Африканские впечатления». Эту книгу особенно любил Дали, и она послужила толчком для долгих разговоров о личности автора. Некоторая нехватка логики и странное совпадение событий делали его книгу чем-то вроде «снов», которые Дали противопоставлял своим «мечтаниям». В последних, объяснял он, можно управлять действием по своему усмотрению, как режиссер на сцене. «Мечтание» должно, чтобы быть правдоподобным, состоять из реальных событий, героями должны быть реальные люди, действие должно происходить в реальных местах. Реальность здесь как канва для вышивки, приукрашивая, можно дать волю воображению, устремляться к вершинам, иногда эротическим, но чаще всего утолять жажду власти. Мэтр представлял себя наказывающим одних, награждающим других, влияющим на сильных мира сего, короче говоря, делающим политику. В своих «мечтаниях» он был на дружеской ноге с генералом Франко.

Спустя несколько лет Дали решил открыть в Фигерасе, своем родном городе, большой музей, состоящий не столько из его картин, сколько из воплощений его самых бредовых идей. Там должно было быть такси,

наполненное улитками, гостиная-будуар в форме лица Мэй Уэст и тысяча других изобретений, составлявших скорее далинианский Диснейленд, чем художественный музей в его традиционном понимании. Для этого потребовалось разрешение генералиссимуса и Дали наметил поездку в Мадрид. Дали должен был получить личную аудиенцию и обворожить главу государства. В ожидании он мечтал и строил тысячи проектов, без сомнения, нереальных.

Одним прекрасным солнечным утром он решил отвезти меня на лодке посмотреть съемки фильма. Гала только что позвонила из Италии, путешествие было чудесным, и она ожидала еще большего. Ее спутник, Пастушок, был великолепен, все шло как нельзя лучше. Артуро отвез нас на лодке до Rateta, островка, похожего на мышь, напротив причудливых скал мыса. Среди этих грандиозных декораций был сооружен фальшивый маяк, который должен был выдержать осаду статистов, переодетых в пиратов. Дали никак не мог понять, зачем было сооружать такое чудовище, когда был настоящий маяк недалеко отсюда. Сцена осады должна была происходить глубокой ночью, но на самом деле ее снимали в солнечный день с темными фильтрами. Три или четыре осады не удались, и Дали вышел из терпения, стал качать головой с сокрушенным видом:

— Это профессия для кретинов! Посмотрите-ка на этих несчастных, обреченных тридцать раз делать одно и то же. Я не хотел бы, чтобы вы снимались в кино, малышка Аманда. Вы тогда потеряете всю свою оригинальность. Все, что вам нужно, — это подходящий муж, богатый импотент, или еще лучше какой-нибудь педераст хорошего качества, лучше титулованный. Вы будете чудесно выглядеть в платьях Баленсьяжа, у вас будет свой салон, множество любовников, одним словом, вы будете довольны.

Эта слащавая картина показалась мне отвратительной. Я ответила Дали, что не люблю ни титулованных особ, ни педерастов, ни платьев Баленсьяжа.

— Но вы никогда не будете счастливы с обыкновенным человеком, малышка! Вам нравятся только хиппи, молодые люди в средневековом духе, с длинными волосами, женоподобные… Отнюдь не волосатые и мускулистые мужчины вроде этого Друо из фильма!

Жан-Клод Друо с носа картонного корабля как раз кричал в нашу сторону: «Аманда! Аманда!» и махал руками. Актеры пригласили нас на обед. Их лагерь был на обочине дороги. Я увидела два прицепа, где актеров гримировали, и нечто вроде походной столовой. Мы нашли там Кирка Дугласа, Друо и других, кроме Юла Бриннера, не снимавшегося в этот

день. Еда была далеко не утонченная, как любил Дали, и к тому же была подана на пластмассовых тарелках. Я болтала с Кирком Дугласом в то время, как Дали поносил Жюля Верна в разговоре с Друо, который слушал его, улыбаясь. На обратном пути Дали объяснял мне, почему он нашел этот киношный круг прозаическим и неинтересным.

После сиесты я встала в позу Анжелики. Дали заметил, что он предпочитает слегка загорелую кожу смуглой от загара (tostada по-испански), как у этих ужасных туристов из клуба «Средиземное море». Мэр деревни, синьор Пюоньяль, внезапно вошел в ателье, он не знал, что я позирую обнаженной, и извинился. Но Дали попросил его остаться и беседовал с ним о том, о сем, как будто в этой ситуации не было ничего странного. Время от времени мэр украдкой бросал в мою сторону странные взгляды. Дали говорил ему:

— Взгляните, взгляните, только не вздумайте делать комплименты. Вы заметили эту чудесную кость бедра и эту линию ноги?

Наконец мэр ушел. Дали ликовал:

— Теперь он пойдет рассказывать всему селу, что вы не юноша. Никто не поставит под сомнение слова мэра!

Сразу после ухода мэра пришел Бриннер, который воспользовался кратким перерывом между съемками, чтобы сфотографировать Дали. Он сфотографировал нас обоих, уверив меня, что без моего согласия фотографии не будут опубликованы. Беседа вертелась вокруг красоты женского тела, и Дали рассказал про визит мэра.

— Вы знаете, что здешних рыбаков трудно чем-то поразить. Их ничто не удивляет, ни яхта Артуро Лопеза, ни Верушка, которая необыкновенно красива, если верить «Vogue». Верушка фотографировалась в трико со своим Рубартелли, и я спросил у рыбаков, как они ее находят, — знаете, что они мне ответили? «Что же, она не плоха, но, когда посмотришь на нее раздетой, между ее ляжками слишком большая щель…» Вы понимаете? Для них этот промежуток между сомкнутыми ногами — эстетический недостаток! А когда мы принимали здесь Виндзор и Дали попробовать икру слугам, которые никогда ее не ели… Они надули губы и прокомментировали: «Что ж, для дерьма чайки не так уж плохо…»

Бруннер хохотал во все горло. Дали нравилось издеваться над соотечественниками, которых он держал за глупых крестьян.

На следующий день прибыл Эл Геликоптер, молодой человек из Барселоны, который снял несколько эпизодов фильма с вертолета. Каталонец, как и Дали, он пришел выпить бокал шампанского и предложить нам полетать над селом. Дали, испугавшись, стал

отказываться, но я умоляла его согласиться. В конце концов наш гость убедил Дали, что это не опасно, мэтр проверил наличие своего священного дерева и сел в машину около бассейна отеля. Вертолет поднялся в воздух незаметно, и в мгновение ока мы были уже над домом Дали.

Мало-помалу Дали освоился и пришел в восторг от вида, который перед ним открылся:

— Взгляните, Аманда, наш дворик! Видно моего Христа! Ах, как отсюда хорошо видно! Посмотрите, — Пакита! Какая она маленькая. Она собирается искать базилик в саду и не видит нас.

Он был так восхищен, что не захотел приземляться. Мы пролетели над бухтой, над домом Капитана, над Фарнера. Мы пролетели над белой дорогой и над кладбищем, где похоронен отец Дали, потом мы приземлились на поле, чтобы избежать толчка. Дали поблагодарил Эла Геликоптера и обнял меня:

— Я в первый раз видел Порт-Льигат сверху. И это благодаря вам! Вы открыли для меня кое-что новое, я хорошенько помечтаю перед сном!

В течение нескольких следующих дней дул сильный ветер. Было невозможно выйти в море. Дали забросил «Анжелику», потому что Капитан ему напомнил, что за два дня он должен окончить 12 акварелей и лошадей, литографии которых он делал. Дали ответил, что все будет готово в срок, но так и не начал работать. Он испытывал ужас перед заказами, которые нужно было окончить в срок, но контракт есть контракт, тем более, что он получал за это значительный чек.

И только в тот день, когда Капитан должен был прийти за акварелями, мэтр наконец решился.

— Мы идем писать ванны, — сказал он.

«Ваннами» назывались акварели, фон которых он писал, смешивая краски на бумаге, а потом подставляя бумагу под кран в ванной. Вода оставляла за собой длинные полосы, возникновением которых Дали в большей или меньшей мере управлял, в нужном месте подставляя бумагу под воду. В результате появлялась акварель, цвета на которой причудливо смешивались между собой, иногда пятна были резче или возникали сгустки краски. Мы как раз находились в ванной Галы, когда Артуро принес нам большие чистые листы бумаги. Одним движением руки Дали изобразил силуэт лошади, выдавив тюбик краски на бумагу. Он мало думал о пропорциях, и мне показалось, что все лошади слишком длинноногие и какие-то неживые. Эскиз лошади постигла та же участь, что и акварели, он был подставлен под струю воды. Вода, окрашенная во все цвета радуги, обрызгала стенки ванной, подбиралась к стенам.

— Если бы Гала увидела, как я пачкаю ее ванную, она пришла бы в ярость, — сказал он с видом заговорщика.

За четверть часа 12 акварелей было закончено.

Оставалось только их высушить, чтобы потом преобразить в далинианской манере. Мэтр открыл «трюк бабочек». Славный Беа должен был вырезать из книг по естественной истории цветных бабочек, что он и проделывал крайне старательно. Потом подмастерье приклеивал бабочек на акварели, и Дали добавлял тушью кое-где тени, костыль и размякшие часы. Оставалось только поставить подпись, яростную и увенчанную короной, к которой он часто добавлял имя Галы и дату.

Днем Капитан принес лошадей и все-таки добавил: «Вы не очень-то утруждали себя в этот раз…» — Как? — Дали прикинулся удивленным. — Но это чудесно! Мне потребовались недели размышлений, чтобы добиться этого семяизвержения, художественного и космического!

— «Ты говоришь!» — засмеялся Капитан и ушел со своим рулоном под мышкой. Уходя, он спросил меня, желая подразнить: «Что вы Дали ему съесть сегодня, Аманда, — лошадиное мясо? Он сегодня великолепен».

— Аманда меня вдохновляет, — ответил Дали за меня.

Прошло несколько замечательных дней. Мы провели их на солнце и в мастерской. Но однажды утром я проснулась огорченной: у меня были какие-то круги перед глазами, и я неясно различала предметы. Потрясенная мыслью, что я могу ослепнуть, я побежала к Дали.

— Нельзя терять ни минуты! — сказал он, рассмотрев меня при свете, падавшем из окна.

— Мы сейчас же отправляемся в Барселону, к лучшему окулисту Европы!

Нас приняли в клинике Барракера, профессор был очень занят, но сделал исключение для Дали, объяснившего ему мой случай. Он добавил, что это может быть из-за ЛСД и что одна его подруга, Нена, уже ослепла из-за этого наркотика.

Доктор покачал головой:

— Да, в самом деле, иногда случается так, что сетчатка воспаляется, но редко. Посмотрим на эту девушку. Вы носите черные очки от солнца?

Я их не носила, находя отвратительными и бесполезными. Врач закапал мне глазные капли и успокоил:

— Не бойтесь. Это жидкость, которая расширит зрачки, чтобы я мог посмотреть вашу сетчатку. Эффект будет временным, он исчезнет через несколько часов.

Все стало расплываться у меня перед глазами. Я потеряла равновесие.

Дали был явно встревожен, но пытался выглядеть уверенно.

— Вы знаете, это лучший специалист, который только есть. С ним даже приезжали консультироваться из Америки. Я ему полностью доверяю.

Врач внимательно осмотрел мои глаза с помощью аппаратуры, сделал несколько проверок и попросил меня носить черные очки на солнце.

Он повернулся к Дали и сказал ему по-испански:

— Это не страшно. Расстройство кровообращения, повлиявшее на капиллярные сосуды, орошающие сетчатку. Проблема с кровью и слишком много солнца. Я выпишу ей лекарства на несколько дней.

Мы были успокоены.

— За вами нужен глаз да глаз, малышка. Не заставляйте меня больше так тревожиться!

Чтобы избавиться от наших страхов, мэтр решил показать мне то, что я еще не видела в Барселоне. И прежде всего Гауди. Гениальные творения этого архитектора не ограничивались домами вроде Paseo de Gracia, были еще кованые решетки Casa Mila с их когтистыми, агрессивными драконами, парк Гуэль и Sagrada familia. Парк ошеломил меня. Скамейки с переливающейся мозаикой, наклонные колонны — все напоминало декорации, созданные гениальным безумцем для какой-то эпической пьесы. Я подумала о Раймонде Русселе, обо всем том, что Дали дал мне увидеть на репродукциях. Камины Гауди в форме шлемов средневековых рыцарей, его мозаичные бабочки, как будто увиденные во время галлюцинации, — все было необыкновенным. Почему мои английские друзья не съезжались сюда, чтобы причаститься творениям этого гения, вместо того, чтобы отправляться в Индию на поиски гуру?

Потом Дали повел меня во дворец каталонской музыки, украшенный великолепным барельефом с музами; мы прогулялись по улочкам старого города, увидели светящиеся фонтаны Montjuich и Pueblo espanol, аттракцион для туристов и местного населения. Мы сфотографировались на фоне картонной декорации, где нужно было просунуть голову в дыры на месте голов танцовщицы и идальго.

Дали веселился больше, чем я. Он заставил меня выпить Horchata de chufa, миндальное молоко с фисташками, противное до рвоты, а на обед — маленьких белых угрей, гадких, как черви. Однако, приготовленные с чесноком, они были достаточно вкусными.

Возвращаясь в «Риц», мы зашли к его ювелиру, Санцу, который приготовил мэтру настоящее сюрреалистское украшение. Мы это использовали, конечно, чтобы спросить о заветном карбункуле. У ювелира его не было, но он предложил мне красивое кольцо, украшенное

маленькими рубинами, которое я не отважилась принять. Но Дали уже поблагодарил и потащил меня дальше:

— Нужно всегда принимать подарки, а не рядиться в павлиньи перья, это приносит несчастье.

После обеда он позвал своего парикмахера, Ллэонгуэраса, и велел себя завить. Увидев его после завивки, я прыснула.

— Я плохо выгляжу? — спросил мэтр, забеспокоившись.

Он был слишком завит, я слегка развила ему волосы расческой. Он сказал мне, что если он действительно захочет быть красивым, он наденет парик, изготовленный тем же Лэонгуэрасом, и мне больше не будет стыдно показаться с ним на улице.

— Не обращайте внимания пока. Сейчас я буду выглядеть так, но в один прекрасный день я прикажу удлинить себе лицо. Посмотрите какая разница!

И он стал оттягивать кожу на щеках, так что его глаза сузились, и он стал похож на старого китайца. Я подумала, что эта суетность недостойна мэтра.

— Сегодня, — объявил он, — я намерен вам показать одного человека, который еще старше, чем я. Он был придворным танцовщиком у русского царя. Правда, он был скорее альфонсом, чем танцовщиком. Во всяком случае, покидая Россию, он увез с собой сокровища, которые теперь находятся в Барселоне, в его квартире на Paseo di gracia, где он живет с двумя старушками. Нужно туда пойти, потому что он пообещал мне подарок. Посмотрим, сдержит он слово или нет.

Что за город, эта Барселона, если она таит в себе такие сокровища! Я не верила своим ушам. Дверь нам открыла старая испанка, неприятная, наполовину лысая, одетая во все черное. Хозяин дома был в халате из розового шелка, протертом на локтях, на ногах — туфли без задников, в хорошо уложенных, вероятно накладных, волосах сиреневого оттенка — ленточка. Можно было сказать, что перед нами женщина, настолько его лицо, бледное и нарумяненное, было лишено признаков пола. Очень возбужденный нашим визитом, этот странный человечек повел нас по узкому коридору. При виде каждой открывающейся двери Дали испускал вздох восхищения. Перед нами было необыкновенное нагромождение вещей, достигавшее потолка: столики с выгнутыми ножками, позолоченные стулья, фарфоровые раковины, подсвечники, зеркала. Но мы уже спешили к другой двери, старушка гасила свет и быстро захлопывала дверь предыдущей комнаты. Так мы побывали в пяти или шести комнатах. Были ли мы в магазине театральной мебели или в гостях у скупщика краденого?

Во всяком случае, тут было, чем обставить дворец. Многие из этих ваз эпохи Мин были слишком новыми для того, чтобы оказаться подлинными; многие люстры не соответствовали эпохе, в которую они якобы были изготовлены. Но Дали восхищало не качество, а количество вещей, позолоченная мебель, мебель в стиле барокко, вещи, громоздившиеся друг на друге. Несколько раз, останавливаясь перед особенно красивой статуей, он спрашивал: «Но откуда это?». Человечек улыбался и отвечал с важным видом: «Они были очень щедры, вы знаете… Настоящие князья!» Я так и не поняла, о ком идет речь.

Дали был восхищен кроватью огромных размеров, занимавшей почти всю комнату. Это было парадное ложе, украшенное раковинами и тритонами, в каждом углу было по аисту и золото повсюду.

— Это как раз то, что мне нужно! — закричал Дали. — Она увенчает мой музей в Фигерасе!

Человечек засомневался: посмотрим, когда проект музея воплотится во что-то конкретное, поговорим об этом попозже… Чтобы изменить тему разговора, он переключился на меня: «Вы любите платья? У меня есть кое-что для вас…» Он открыл старый платяной шкаф, годный разве что для нарядов принцессы или султана. Вышитые бальные платья с редкими кружевами — что это, сокровища мадам де Помпадур или блестящей куртизанки? Быть может, он сам иногда переодевался в женщину? Он показал мне костюм, расшитый перламутром. «Это мой купальный халат», — сказал он, ничуть не смутившись.

Когда мы с Дали наконец-то оказались на улице, мэтр рассмеялся: — С трудом можно поверить, что все это сосредоточено здесь, в самом центре Paseo di Gracia. Вы видели это ложе? Это что-то вавилонское, это для Навуходоносора! Вы заметили старушку, которая тушила свет? Это уникально…

За ужином Дали рассказал мне историю русского князя, влюбленного в танцовщицу. Князь решил пригласить ее к себе на ужин. Для этого он велел изготовить ковер из фиалок и расстелить его от дома своей дульсинеи до своего дворца. Дорога из фиалок в снежной России… Я с трудом в это поверила. Но Дали настаивал на сказочной роскоши аристократов старой России. Для него их жизнь состояла только из балов, банкетов и празднеств.

— Именно поэтому я думаю, что вещи этого педераста вероятнее всего подлинные. И он ничего не хочет мне подарить! Мне, который так любит сказочные скопления вещей! Я грежу этими вещами.

Он остановился перед магазином люстр и канделябров.

— Красиво, не правда ли? Просто «Тысяча и одна ночь». Представьте, что все, что есть в этом магазине, оказалось у меня дома и еще каким-то чудом увеличилось в 10 раз! Колоссальное нагромождение вещей в дурном каталонском вкусе. Фантастика!

Перед отъездом я в первый раз увидела, как Дали проверяет счет из отеля.

— Гала была бы горда мной. Я собираюсь ей показать, что могу проверить счет и не ошибиться и еще заплатить наличными!

Он вытащил из кармана кипу кредиток по тысяче песет в каждой, перевязанную резинкой, и сделал вид, что изучает счет. Он тщательно пересчитал кредитки, присоединил к ним то, что еще оставалось у него в кармане, заколотом для безопасности булавкой. Я засмеялась, и он стал объяснять:

— Это, чтобы ничего не потерять. Я вам уже рассказывал, как потерял пачку кредиток? У нас тогда впервые завелись деньги. Мы с Галой ехали из Парижа на автобусе в Порт Бу. Дул сильный ветер с моря. Я зажимал деньги в кулаке. Гала все время просила меня положить их в карман, но я из суеверности хотел ощущать их в руке. Едва выйдя из автобуса, я инстинктивно разжал руку — и деньги улетели. У нас не осталось ни гроша. Гала так плакала, бедненькая! С тех пор она все время боится, что я потеряю деньги, и я всюду хожу с чековой книжкой. Сегодня я намерен ей доказать, что могу сам расплачиваться и не наделать при этом ошибок.

Это был настоящий ребенок. Гала была для него не только женой и управляющим, но и заботливой мамочкой. Мамочкой, которой хочется постоянно доставлять радость и не огорчать ее.

Гала возвращалась из Греции. Дали готовил для нее праздник, приказал накрыть во внутреннем дворике длинный стол, покрытый белой скатертью, с фруктами и свечами. У мэтра все сводилось к своего рода литургии, алтарю, ломящемуся от даров, и к церемониалу, от которого он был без ума.

Днем, перед приездом Галы, пошел проливной дождь, и мы работали в мастерской. Дали сказал:

— В это время всегда бывает страшная буря. Все вокруг заливает. Можно увидеть собак со вздутыми животами, которые плывут прямо в море, это эпично. Но увидите, когда завтра приедет Гала, снова выйдет солнце. Все будет чистым, блестящим. Лето снова войдет в свою силу для сладкого времени супружеского счастья.

Община Барселоны только что заказала Дали расписать плафон в Palaceto Albeniz, официальной резиденции для особо значительных гостей

города. Этот маленький дворец располагался в Montjuich, на самом высоком холме Барселоны, недалеко от Pueblo espanol. Потолок должен был быть круглым и достигать 4 м в диаметре. Поскольку у Дали были проблемы с передачей перспективы, он велел Беа рассчитать линии разбега и элементы орнамента, а потом изобразил чудесное небо а ля Тьеполо с размякшими часами, устремленными к зениту. Это круглое полотно затем было приклеено к потолку резиденции, и молодой король Хуан Карлос первым открыл этот дворец несколько лет спустя. Работа над росписью потолка вызвала у Дали желание расписать другой потолок, еще больше этого, — это должен был быть потолок главного зала его музея-театра в Фигерасе.

Мы провели день в мастерской, работая под звуки транзистора. Я трудилась над небольшой картиной, на которой должна была быть изображена голова ангела в духе Леонардо да Винчи. Я пользовалась красками Дали и его куньими кистями. Он бросил на мою картину быстрый взгляд: — Красиво… Вы должны оставить это как есть, неоконченным. Если вы будете продолжать, вы все испортите. Да, видно, что вы учились чему-то.

Он покачал головой с одобрительным видом.

— Этот ангел очень понравится Гале. Вы обязательно должны его ей показать.

Я не имела никакого желания это делать, но пришлось. Моя картина была конфискована, и Гала долго держала ее у себя. Дали проболтался:

— Гала считает, что для девушки вы очень талантливы. Она считает, что вы больше должны писать с натуры.

Можно было предположить, что это комплимент. Во всяком случае Дали пообещал мне натурщиков на следующее лето.

Гала вернулась из Греции несколько уставшая от путешествия, но в отличном настроении. Она привезла подарки, среди которых была маленькая искусно сделанная пудреница для меня: «Чтобы вы клали ее в вашу сумочку, когда вы, наконец, перестанете носить эту ужасную корзинку, которую вы умудрились притащить даже в «Максим».

Дали осыпал ее знаками внимания, гордо показал ей новые приобретения и представил ей своих друзей, собравшихся во внутреннем дворике. Увидев, что Гала болтает с Друо, Дали повернулся ко мне и прошептал:

— Она довольна, она сделала вам подарок. Она вас очень любит, это редкость.

Гала среагировала мгновенно:

— Эй вы там, что вы там шепчетесь! Чудесно! Вы как две консьержки. Если хотите, я завтра же уеду.

Она разыграла гнев. Дали, смеясь, обнял ее очень сильно, но она оттолкнула его с наигранным отвращением: — Ты не подхватил блох от Аманды? Она таскается все время с этими грязными хиппи и этот ее театр, как бишь его там, где была чесотка… Никак не могу вспомнить его название…

Вечер закончился танцами сардане, которые играл маленький оркестр, состоящий из скрипок и барабанов. Даже Артуро танцевал, и я тоже приняла участие, хотя танец, казавшийся со стороны легким, таковым на деле не оказался. Музыка сардане вдохновляла Дали, и он часто мне их цитировал: «Girona Aimada, незабываемые композиции Pep Ventura, el cant dels ocells (пение птиц) и Per tu ploro». Не хватало только фейерверка, чтобы достойно закончить праздник.

Глава 13

Вопрос Алэна Боске к Дали:
— Если бы вы должны были выбрать себе реликвию среди самых обычных вещей, что бы вы выбрали?
— Башмаки!

Я оставила Дали в лоне семьи и улетела в Лондон. Остаток лета я потратила на переезд и обустройство. Я познакомилась с одной симпатичной молодой негритянкой по имени Пат и с Диком, ее английским другом. Я приняла их предложение снять вместе большой дом в Южном Кенсингтоне. До сих пор я не жила в компании. Я заняла спальню на втором этаже, которая показалась мне наиболее отдаленной от остальных комнат. Пат и Дик устроились на первом, а один молодой ирландский журналист Эндрю занял то, что осталось.

Мы были нищими, но воображение возместило нам недостаток средств во время меблировки помещения. Пат удалось взять в кинотеатре на углу огромный красный бархатный занавес, когда-то закрывавший экран, а теперь вышедший из употребления.

Он был примерно 50 м в длину и 6 м в высоту и весил тонну! Нам стоило больших трудов его дотащить. Но Пат сумела сделать из него драпировки на каждое окно, покрывала на каждую кровать и даже зимнее пальто для себя. И все это на захудалой швейной машинке! Я внесла в дело обустройства дома свой скромный художественный вклад и расписала стены в ванной. Четвертый жилец привел свою «малышку», манекенщицу-негритянку ростом в 1 м 80 см, по имени Альвиния.

Когда я рассказала Дали по телефону о своих соседях, он ответил мне ледяным тоном:

— Да у вас рецидив!

— Почему рецидив? Это очаровательные друзья.

— Черномазые — друзья?

— Негритянки, — поправила я.

— У вас уже была Дониаль Луна, теперь эти. Я скоро начну думать, что вы лесбиянка и предпочитаете цветных. Я затрачиваю колоссальные усилия, чтобы вытащить вас из этого окружения, но у вас случается рецидив всякий раз, когда вы возвращаетесь в Лондон. Наверное, в этом доме вы строчите на «швейной машинке» все вместе?

Это было несправедливо, и я испытала жуткое желание устроить ему колоссальный разнос. Я нашлась тут же:

— Мои друзья гораздо благороднее, чем отвратительные завсегдатаи вашей гостиной, эти паразиты без чести и совести, которые объедаются за ваш счет, не говоря уже о ваших компаньонах, которые вас обкрадывают!

— Не все! — запротестовал Дали. — Один или два. Послушайте, не нервничайте! Живите, как знаете, все равно в моих чувствах к вам ничего не изменится. Даже если вы соберетесь жить со всеми неграми Африки, я буду любить вас по-прежнему.

Он был неисправим. Для меня дружба была чем-то священным, и я не выносила, когда он издевался над моими друзьями.

Я прибыла в Париж как раз в тот момент, когда имела огромный успех музыкальная комедия «Волосы». Дали был знаком с Бернаром Кастелли, ее создателем, и Майклом Бутлером, постановщиком. Мы отправились втроем, Гала, Дали и я, посмотреть пьесу в театр у ворот «Сен-Мартен». Я уже видела эту пьесу в Лондоне со своим другом Оливье Тобиасом и в Нью-Йорке с Дали. Парижская постановка больше соответствовала оригиналу. Гала дулась, сочла актеров грязными и шумными. Дали, пребывавший в противоречивом настроении, не переставая расхваливал спектакль, особенно ему понравился один актер со смуглой кожей, по словам мэтра, красавец. Этот парень, по происхождению колумбиец, обладал очень длинными, до пояса, блестящими волосами, как у таитянина, но он был не так уж красив. Дали всегда впечатляли длинные волосы, поскольку сам он был лысоват. Гала раскритиковала актера, язвительно добавив: «Он похож на попугая». Дали ненавидел эту птицу за ее экзотичность и за зеленый цвет, приносящий несчастье.

В антракте Гала решила уйти, и мы были вынуждены взять такси, поскольку машина должна была заехать за нами к концу спектакля. Дали все больше и больше раздражался. Где был его хваленый термостат, благодаря которому мэтр якобы постоянно пребывал в эйфории? Гала намеренно его нервировала.

— Это было так плохо, — заявила она. — Эти крики… Я не понимала ничего. В Нью-Йорке эта пьеса выглядела лучше. И еще отвратительный тип, который понравился Дали! Он похож на обезьяну. Не правда ли, Аманда?

Но Дали не дал мне ответить:

— Аманда живет в одном доме с неграми, ей это привычно. Тот парень и вправду очень красив. Он похож на ангела, как его изображали художники Ренессанса. Он был единственным в этой пьесе, кто играл в

хоть сколько-нибудь поэтичной манере!

— Ренессанса? — возмутилась Гала. — Ты сам не понимаешь, что говоришь! Он даже не белый!

Эта перепалка продолжалась, пока мы не оказались в ресторане «Распутин», куда обычно не заходили. Когда Дали нервничал, он начинал быстро напевать какой-нибудь с трудом различимый мотив. Цыганские скрипки окончательно вывели его из себя. Гала, зная, что продолжение спора неизбежно, спокойно улыбнулась и заказала блины. Дали взорвался:

— И еще раз тебе говорю, он очень красив, тот парень! И все! Я хочу, чтобы он завтра пришел мне позировать! Я гений и перестань мне противоречить!

— Не нервничай так, Дали! Никто тебе не противоречит. Если ты этого хочешь, он придет. Это не страшно. Незачем нервничать.

— Нет, есть причина. Весь вечер ты портишь мне впечатление, а потом нарочно критикуешь того парня. Это невозможно!

Тон Дали становился угрожающим.

— Я тебе покажу! Эти путешествия в Грецию, их больше не будет. Кончено! Я больше не позволю тебе уезжать!

Люди за соседними столиками стали оборачиваться, потому что Дали кричал и стучал кулаком по столу.

Гала сделала мне знак. Она просила помочь ей и успокоить его.

— Успокойся! Люди смотрят.

— Мне плевать на людей! Они все кретины, и я ненавижу русскую кухню и русских! Пойдем отсюда.

Он схватил меня за руку и потащил к выходу, предоставив Гале самой платить по счету и извиняться перед мэтрдотелем, ошеломленным нашим неожиданным уходом.

Перед дверью я заговорила с ним нежно, как с ребенком, прося восстановить мир. «Но ведь это правда, она меня раздражает, вы видели?» Казалось, он вот-вот заплачет. Когда Гала догнала нас, я опять попросила его помириться. Он бросился к ней, стал бормотать извинения и целовать ее.

Я поехала к себе, потрясенная этой неожиданной сценой. Я никак не могла осознать, что Дали и Гала способны ссориться, как обыкновенная супружеская пара. Мэтр повсюду трубил о своей любви к той, которая была единственным смыслом его жизни, он часто говорил мне, что они — пара единственная в своем роде и антибуржуазная. Этим вечером я уличила его в «нормальности», он бранил свою жену, как самый обычный муж. Я была огорчена и удивлена. Дали был таким же, как и все, не таким

необыкновенным, как я его себе представляла. Но это сделало его в моих глазах более человечным.

Супружеская сцена была забыта. Но со своим каталонским упрямством (и козерожьим, если верить астрологии) Дали все-таки пригласил Карлоса, молодого человека, послужившего яблоком раздора, позировать в «Мерисе». Мэтр вскоре понял, что слишком легко воодушевился. Шарм Карлоса заключался скорее в его одежде. Он был одет в бархатные брюки с бахромой, спадавшей до земли, на его руках позвякивали браслеты, он был увешан бусами, в руке или за ухом — цветок, духи со стойким запахом, буквально терроризировавшим Галу. Она открывала окна каждый раз, когда он приходил, и окидывала его неприязненным взглядом. Молодой человек, казалось, был выше этого, все время глупо улыбался и говорил на ломаном испанском, смешанном с английским. Он чувствовал, однако, что от Галы нужно держаться подальше, и был очень любезен со мной.

Однажды, в священное время чая «five o'clock», гостиная Дали, как обычно, была полна посетителей: Людовик XIV, Банье и Гранж, Софи и Матти Клервен (художник), друзья и несколько моделей. Объявили о приходе посла Испании, который пришел к Дали, чтобы предложить ему встречу с Доном Хуаном, законным наследником трона, отцом Хуана Карлоса, бывшего проездом в Париже. Этот достойный посланец был явно удивлен «блистательной» ассамблеей, побеседовал с Дали и ушел; на прощание он пожал несколько рук, и, проходя мимо Карлоса, дремавшего в кресле с цветком туберозы в руке, поцеловал ему руку, назвав его сеньорой. Когда дверь за послом закрылась, Дали засмеялся: — Вы видели? Он поцеловал руку Карлосу! Он поверил, что перед ним девушка! Это сенсация! Как это смешно!

Мэтр разболтал эту историю всем, включая и самого посла, с которым увиделся на следующий день. Посол был сконфужен:

— Как, это был мужчина? Но эти длинные волосы… Ужасно…

Он все больше и больше запинался, а Дали был все больше и больше упивался его смущением.

Было очевидно, что Дали предпочитал компанию молодых людей, не представлявших никакого интереса, компании интересных и умных людей в возрасте. Он не мог вынести стареющего вида тех, кого знал полными сил и энергии. В холле отеля мы встретили Эдварда Джеймса, его друга и покровителя из Англии, который пригласил его в Лондон. Дали едва с ним поздоровался и, залезая в машину, вскричал:

— Какой ужас! Вы видели, как он постарел! И эта ужасная седая

борода… Вы слышали, что он сказал? «Время оснежило наши волосы». Пусть говорит о своих, старая развалина!

Я с трудом поверила, что они одногодки. Дали часто рассказывал мне об Эдварде Джеймсе, о том, что Джеймс сделал для него в свое время, о его элегантном образе жизни. Это для него Дали придумал свой знаменитый телефон-омар, это он купил самые лучшие картины молодого Дали. А потом, что очень разочаровало мэтра, Джеймс уехал жить в Мексику со своим другом, родом оттуда. Он начал строить среди джунглей город, воплощение своего бреда, разорился, а город так и остался неоконченным.

— Какая жалость! — вздыхал Дали. — Такой воспитанный человек. И еще эта Мексика, самая ужасная страна на свете!

Он всегда очень жестко отзывался о Южной Америке. По его мнению, эта страна впитала худшее в испанской культуре и фольклоре, любовь к кричащим краскам, отсутствие чувства меры, всеприсутствие религии и к тому же извратила язык Сервантеса. Если ему предлагали поехать в Бразилию посмотреть на карнавал в Рио, это было для него худшим оскорблением. Услыхав такое, он в ужасе произносил:

— Только не в Бразилию, избавьте! В этой стране бабочки огромные, как коты, к тому же полно змей и эта Амазонка… Нет уж… Есть только одно место в мире, которое чего-то стоит, и это Ампурдан. Но и то, нужно уточнить — только от Фигераса до Перпиньяна. Я за регионализм. Что вы там говорили о карнавале…

Его соблазняли даже песней, которую сочинят в его честь на карнавале, как это сделали для Брижит Бардо в начале 60-х годов.

— Брижит Бардо? Этим вечером мы ужинаем с ней в «Максиме».

Это было правдой. Мы расположились за первым столом слева, в большом зале. В «Максиме» было полно народа. Мы пришли первыми, и голодный Дали ждал с нетерпением. Брижит Бардо пришла только тогда, когда мы, отчаявшись, решили что-то заказать, и представила нам своего компаньона, Патрика Бошо. Он был мужем ее сестры Мижану, с которой я познакомилась через Катрин Арле. Я рассматривала знаменитую Бардо, которую видела в стольких фильмах, на стольких обложках журналов. Она была приятной, улыбающейся, с несколько детским голосом, Дали ее явно смешил. На носу у нее были нарисованы веснушки, отсутствовавшие в действительности. Даже в этом ресторане ее присутствие вызвало переполох. Какая-то женщина, сидевшая за соседним столом, подошла к Дали. Ее платье было расшито блестками, она была сильно накрашена и увешана драгоценностями. Она произнесла с явным итальянским акцентом: «Божественный! Как дела после Нью-Йорка? А как фотография,

которую должны были сделать, la fassiamo? Ну, ешьте, ешьте!» Брижит спросила с насмешливым видом: «Кто эта женщина?». «Это же Джина Лоллобриджида». «Не может быть…» Разница между этими двумя актрисами была разительной. Бардо как будто смеялась над условностями и над своей славой и жила, как заблагорассудится. Лоллобриджида была, видимо, довольна светским образом жизни, который она вела благодаря своей славе.

Зная, что Бардо обожает животных, Дали принялся рассказывать самые жуткие истории, чтобы заставить ее содрогнуться. Он рассказывал о том, как убивал котов в Кадакесе, о живой черепахе — подставке для пепельницы, и о других своих жестокостях, которые вызывали у Брижит негодующие восклицания. В конце обеда она вдруг сказала, что как раз сейчас записывает пластинку. «Но ты должна петь, Аманда! Да, да, с таким голосом, как у тебя, это будет чудесно. Ты должна только позвонить моему музыканту, он все устроит». Если бы я ее послушала, моя музыкальная карьера началась бы на шесть или семь лет раньше. Но в то время я об этом не думала и предпочитала живопись песне.

После ужина Дали резюмировал произошедшее:

— Это был самый бесполезный вечер в моей жизни!

— Не преувеличивайте, — запротестовала я, — это все-таки Брижит Бардо. Миллионы мужчин хотели бы оказаться на вашем месте.

— На самом деле? Невероятно.

Я еще раз нашла его несправедливым. Секс-символ есть секс-символ, не одна только Гарбо заслуживает лавров.

— Ах! — продолжал он. — Я знал Мерилин Монро. У нее в лице было что-то детское, и при этом она была так соблазнительна. Это контрастировало с ее огромной грудью, которую она демонстрировала все время, что так нравилось американцам. Я даже устроил ей рандеву в «Сан-Режисе» с Домингуином, тореро, но все расстроилось. Она вынуждена была отказаться от приглашения. Жаль, он был так красив, одет в костюм матадора. Видите ли, проблема состоит в том, что люди не одеваются в соответствии со своим образом. Эта Брижит Бардо, например, была одета, как все. Когда мы приходили к маркизу де Куэвасу, он принимал нас полулежа на своей парадной кровати. Он никогда на ней не спал, для этого у него была другая кровать, более скромная. Он настаивал на том, чтобы его друзья, приходившие к нему на чай, приходили только в своем «законном» виде. Отец Юнтель — в сутане, Грета Гарбо — в костюме Греты Гарбо и обязательно в черных очках, Домингуин только в костюме тореро, я в костюме Дали, со своими знаменитыми усами. Это гораздо

театральнее и несомненно красивее!

Я мысленно спросила себя, в каком виде я пришла бы к маркизу. Конечно, как модель Дали с его фотографией в руках…

Под Рождество Париж, казалось, был усыпан блестками, и всюду горели свечи.

Елисейские поля были роскошно убраны. Впервые я собиралась провести праздники с Дали и Галой. Я купила специально для мэтра маленькую лампу в стиле 30-х годов в виде лунного Пьеро, которую он заметил однажды в витрине, провожая меня домой. Она стоила недорого и подходила к сумрачным планариям «Мериса». Это было новое открытие Дали: необыкновенно длинные рулоны белого пластика, похожие на гигантских дождевых червей. Их голова походила на ленточного глиста и занимала середину комнаты. Нужно было перешагнуть через рулоны, чтобы добраться до телефона.

Красивым было только их имя. Дали прислонил к стене огромную репродукцию скульптуры Гауди «Христос». И, чтобы в гостиной и шагу ступить было нельзя, он велел поставить там раззолоченную тройку, украшенную хорошенькими подушечками. Этот предмет был темой одного его «мечтания», в котором он видел Галу в виде маленькой русской, едущей зимой на тройке. Поскольку он только что проиллюстрировал «Венеру в мехах» Захер-Мазоха, один мужской журнал загорелся идеей сделать фоторепортаж на эту тему. Поэтому комната, и без того заставленная, была загромождена фотографом и его аппаратурой, меховыми манто, одолженными в магазине. Я была Вандой, Венерой в лисьих и собольих манто, а Дали, сидя у моих ног, вращал выпученными глазами. Я сидела в санях, устланных шкурами пантер, и должна была иметь дикий и агрессивный вид фатальной женщины. Это так мало соответствовало моему характеру, что я хохотала в промежутках между съемками, к большому огорчению бедного фотографа, и без того пострадавшего от Дали, портившего одно фото из двух.

Дали часто говорил, что люди ошибаются, видя во мне злое и садистское существо. Он единственный смог разглядеть во мне чувствительную и ранимую женщину, наивную и невинную. Однако ко мне приросла репутация женщины-вамп, пожирающей мужчин, и приросла надолго, а когда я стала петь, меня попросили даже ее усилить. На самом деле я была скорее сентиментальна.

Однажды в «Мерисе» появилась молодая парикмахерша из Кариты, достаточно красивая брюнетка. Дали нашел ее «типичной» и попросил ему позировать. Она позировала обнаженной и в течение всего сеанса

рассказывала Дали, что я — ее кумир, и даже показала мое фото, вырезанное из какого-то журнала. Дали, впечатленный таким совпадением, решил его использовать и сделал коллаж моего лица и Венеры Боттичелли. Он велел увеличить этот коллаж до размеров гигантского фото, украшавшего впоследствии мою квартиру в Лондоне. Этот шедевр, возникший по вине случая, занял всю стену моей спальни.

Чудесный рождественский вечер мы провели с друзьями в «Максиме». Гала была великолепна в расшитом золотом платье, и при ней чистый Дали. Я доставила им в отель лампу-Пьеро, которую Дали нашел замечательной, а Гала подарила мне сумочку от Шанель, настоящую, из набивной кожи, с золотой цепочкой. «Вместо корзинки», — сказала она, улыбаясь. Я тотчас обновила подарок.

Чтобы достойно провести новогодний вечер святого Сильвестра, Дали решил осуществить турне великих герцогов. Он зарезервировал столик в «Дон Камильо», другой в «Оре де буа», еще один в «Бэль эпок». Мы бегали от одного столика к другому: ели за первым, смотрели спектакль за вторым (Дали очень смеялся во время номера Жерара Сети, с его носками на все случаи жизни), а за третьим пили шампанское. С нами был молодой пианист Оливье Грефф, болтавший с Галой. В полночь, при двенадцатом ударе оркестра, Дали и Гала поспешили проглотить 12 виноградин с шампанским, согласно русской традиции. Мэтр полез в карман, чтобы проверить, на месте ли заветное дерево, приносящее счастье, и обнял Галу. Это был достаточно бешеный ритуал, даже на фоне криков «Виват!» и пожеланий счастливого Нового года, звучавших вокруг нас.

В эту зиму Дали решил сделать уступку действительности. Его корабль на Нью-Йорк в первый раз оказался итальянским пакетботом, «Микеланджело», и мэтр должен был сесть на него в Ницце, вместо Гавра. Однажды Дали заявил, что собирается повезти меня на Каннский фестиваль. Я заметила, что обычно фестиваль проводят в мае.

— Какая разница? — ответил он. — Мы проведем собственный Каннский фестиваль. Я — режиссер, вы видели «Андалузского пса»? Вы — актриса, вы ведь снялись в одном фильме? (Он имел в виду незначительный фильм, снятый в Бретани, «Марс в пост», глупую пародию на научную фантастику, в котором я играла марсианку с желтыми контактными линзами и вертикальными зрачками, как у кошек). Итак, мы устроим фестиваль для нас двоих.

Я приняла приглашение, он взял билеты и зарезервировал комнаты в отеле «Карлтон».

Он был доволен, что мы уезжали с Лионского вокзала, по причине

знаменитого вокзального буфета, который мэтр «открыл» для меня. Он организовал там банкет, на который пригласил всех своих парижских друзей. Гала еще на два дня оставалась в Париже, чтобы заняться багажом для Нью-Йорка, и собиралась к нам присоединиться в Канне вместе с «кадиллаком», тоже «уезжавшим» в Америку. Большой обед, устроенный Дали, привлек множество народу. Людовик XIV, несколько далиниан, модели, Юл Бриннер сидел справа, Дали — слева от меня. Пианист во фраке, белых перчатках и в фате играл соответствующие обстоятельствам мелодии, и Дали демонстрировал фильмы Гарри Лэнгдона. Я восхищалась росписью потолка и лепниной. Когда мы собрались уходить, кто-то затянул песню Беко «Что я буду делать сегодня?» Людовик XIV уезжала вместе с нами на Голубом поезде. Капитан и его оцелоты уже были в Карлтоне.

Дали рассказал мне, что поезда оказывают на него эротическое воздействие. Вдруг, неожиданно для себя, я спросила, почему у него и Галы не было детей:

— Гений, — ответил он, — не может иметь сына гения. Представьте себе, что маленький служащий железной дороги — внук Леонардо да Винчи! Это немыслимо! Гений не должен способствовать появлению на свет посредственных и прозаичных существ. В этом-то и заключалась трагедия Пикассо. Вы видели его дочь? Нет? Поверьте мне, было бы просто трагедией, если бы такие божественные создания, как мы с Галой, произвели на свет негениального ребенка. Впрочем, мы оба ненавидим семью. Моя меня выгнала: вы же знаете, что я был в ссоре с моей сестрой, которая стала лесбиянкой. Гала никогда не видела свою дочь от Поля Элюара. Мы ничего не хотим иметь в этой жизни, кроме нас самих. И вас, естественно, потому что Гала вас окончательно приняла.

Я уснула, грезя о том, что наконец-то нашла семью, которая позаботится обо мне. Я представляла себя живущей в Кадакесе, помогающей Дали в мастерской. Как бы счастливо текла моя жизнь на берегу моря…

Когда я проснулась, мы уже проезжали берег моря. Солнце блестело на синем небе. Дали постучал в дверь моего купе. «Доброе утро! Мы уже в Каннах!» Наше прибытие в это время года вызвало сенсацию. В «Круазет» не было никого, и наш отель оказался очень спокойным. Дали сфотографировался на террасе с оцелотами Капитана, который был этим очень горд. Их звали Бабу и Буба. Они всегда привлекали внимание на фотографиях, и Дали, не испытывавший к ним никакой симпатии, разрешал их фотографировать только для рекламы. По приезде он позвонил Пикассо, жившему неподалеку, и попросил его нас принять. Они не виделись уже

много лет.

Пикассо отказывался вернуться в Испанию, потому что Франко был у власти и, не переменил своего решения, несмотря на то, что Испания оказывала ему почести за почестями. В Барселоне построили очень красивый музей Пикассо. Дали все эти годы посылал ему в июле почтовую карточку с одной и той же надписью: «A juliol ni done, ni cargol» («В июле ни женщин, ни улиток»). Дали понимал, что Пикассо несчастен вне родины, что он мечтает о Малаге своего детства, и хотел убедить его вернуться в Испанию. Но упрямство Пикассо было огромным, и старый художник тихо угасал в Каннах.

Долгожданная встреча не состоялась, и Дали вынужден был довольствоваться длинным телефонным разговором. Они поговорили о живописи, и Дали сказал, что собирается в Нью-Йорк. Пикассо, ни разу в жизни не пересекавший Атлантический океан, удивился:

— Что? Ты собираешься в Нью-Йорк? Но что тебе там нужно?

— Я собираюсь побывать у дантиста.

— В Испании не осталось дантистов? А как жена, надеюсь, хорошо? Ты сейчас с ней в Каннах?

— Нет, я с Амандой.

— Аманда? Это которая? Я ее знаю?

Дали объяснил ему, кто я такая, но я почувствовала, что Пикассо не сомневался в том, что я пассия, скрашивающая старость мэтра. Он фривольно засмеялся, и его тон стал достаточно грубым:

— Это тебя возбуждает, как всегда? Она с тобой хорошо обходится, эта Аманда? Что она тебе делает?

Разговор закончился восклицаниями: «Да здравствует Испания!» и «Да здравствует король!».

Дали мне рассказал, что они вместе ходили в бордель в молодости и что Пикассо был сексуально озабоченным, что сказалось на его картинах.

Мы пообедали в ресторане в Ля Напуль, потом прогулялись после обычной сиесты Дали. Мы должны были ужинать у Флоранс Гульд, миллиардерши, занимавшей в «Мерисе» тот же номер, что и Дали. У нее была роскошная вилла в конце Круазет, где были собраны произведения самых значительных импрессионистов и современных художников. Я всегда скучала на такого рода ужинах, но они меня интересовали в связи с прошлым Дали. Он хотел, чтобы я посетила Кап-Мартэн, с которым у него было связано столько воспоминаний, Сэн-Жан-Кап-Феррат, где он жил на вилле Шанель. Мэтр вкраплял в свои рассказы знаменитые имена. «Детка» Берар, Кокто, Миссиа Серт, Скиапарелли. Я представляла себе русские

балеты, Бугатти, интриги и сцены ревности. Мэтр рассказывал мне о Шанель, неотразимой и влюбчивой, которая приютила его и Галу после объявления войны в 1939 году. Пикассо одолжил ему денег, чтобы они смогли уехать в Америку. Гала боялась всеобщей мобилизации. Дали не чувствовал, что это и его касается, и говорил Гале: «Не волнуйся, Галюшка, я никогда не уйду от тебя на войну!»

Следующим этапом было Монте-Карло, где Дали внушил мне восхищение роскошными виллами на берегу моря. Башня в садах казино предшествовала парижскому отелю. Дали был задумчив.

— Я был счастлив показать вам все это. Это целый период в моей жизни, который пришелся бы вам по вкусу, если бы вы родились раньше. Вы были бы королевой. С вашим умом и воображением все бы за вами ухаживали.

Он нежно посмотрел на меня.

— Какая удача, что я вас встретил!

На обратном пути, когда мы проходили через Кап-Феррат, Дали иронически заметил:

— Здесь есть маленькая часовня, которую расписал Кокто. Контурный рисунок, некоторая доля графики… Живопись педераста. Французы странные люди. Они увлекаются незначительными талантами и делают из них великих художников, которых потом превозносят… Это был скорее поэт.

За ужином у Флоранс Гульд я была загипнотизирована искусственной челюстью хозяйки и боялась, как бы Дали об этом не заговорил. Но он разглагольствовал о сексе, рассказывал свинские анекдоты. В тот вечер он рассказал свою любимую историю, богохульную до невозможности. Это был разговор двух проституток по поводу последнего клиента одной из них:

— Скажи-ка, он был странный, твой последний? Я только что видела, как он выходит из твоей спальни, ну и странный тип: длинный плащ до пят, босые ноги, измученный вид… И терновый венец на голове… Он нормальный или нет?

— Не знаю, — ответила другая, — но он целует, как бог.

Эта история всегда имела скандальный успех. Я хотела только одного, чтобы он не рассказывал ее на завтрашнем обеде. Мы были приглашены в «Негреско» к принцу Монако, дружеская встреча была организована Капитаном. Там были Грейс и Ренье, Людовик XIV, Дали и я. Я сидела около Ренье и напротив Короля-Солнце, которую Дали естественно попросил предъявить свой профиль и бурбонский нос. Грейс, без улыбки,

подтвердила демонстрируемое сходство. Ренье, более легкомысленного, позабавило краснобайство и хвастовство Дали, причудливое смешение в характере мэтра черт Тартарена из Тараскона и Дон Кихота. Капитан привел оцелотов, очень понравившихся принцессе, и до такой степени, что уязвленный Дали закричал:

— Они сейчас испортят мне все шоу!

Принцесса говорила о времени, когда она была Грэйс Келли, и о том, как изменились нравы в кино с тех пор. Когда она снималась в «Мостах Токо Ри», она обнималась в постели с Вильямом Холденом, но должна была обязательно поставить одну ногу на пол… Ренье говорил об охоте с Людовиком XIV, потом разговор перешел на астрологию. Принцесса только что дала бал для представителей своего знака зодиака, который был также и моим, и пригласила меня на следующее подобное торжество. Ужин окончился, и Дали не успел наговорить слишком много ужасов.

Час отплытия «Микеланджело» приближался. Гала прибыла вместе с багажом. Я проводила Дали до каюты и обняла его. Потом мы с Людовиком XIV наблюдали за отплывающим кораблем. «Наверное он о нас уже не думает», — сказала я ей.

— Вы ошибаетесь, — ответила Король-Солнце. — Он думает о нас и будет думать. Особенно о вас.

Глава 14

«Менины» Веласкеса служат для меня небывалым источником информации. Это полотно необыкновенно точно воспроизводит свою эпоху, и поэтому я преклоняюсь перед ним.

Персонажи «Менин» предоставляют мне самые точные данные: мне кажется, что я знаю все, что происходит в их мире, я даже ощущаю запах, царствующий в доме инфанты. Веласкес дал мне больше знаний о свете, отражениях, зеркалах, чем тома научных трактатов на эти темы. «Менины» представляют собой неисчерпаемый источник научных выкладок и точных знаний».

Дали

Первая зима в нашем лондонском доме прошла спокойно. Мы хорошо понимали друг друга, никто не кололся и не отказывался вносить свою часть платы за найм дома; все на равных участвовали в оборудовании помещения. Дали часто звонил мне из Нью-Йорка. Поскольку он никогда не принимал в расчет часовые пояса, трубку приходилось брать Пат, после чего она сообщала мне с лукавым видом: «Твой приятель фашист звонил».

Несмотря на то, что мои друзья были настроены достаточно революционно, их впечатляли мои рассказы о Дали и льстило то, что они знакомы с «лучшей подругой мэтра». Я часто виделась с Пенелопой Три, которая жила в то время с фотографом Дэвидом Бейли. Они поселились в северной части Лондона, около Примроуз Хилл. Это было, кажется, то самое место, над которым часто пролетали летающие тарелки, но мне не посчастливилось увидеть ни одного неопознанного летающего объекта.

Впрочем, у меня были другие проблемы. И прежде всего — денежные. Я совершенно поиздержалась и даже продала меховое манто, которое мне подарил Диринг во время нашей безмятежной жизни в дель Монико. Мне предложили роль в авангардной пьесе американца Майкла Мак-Клюра. Клуб, поставивший пьесу, располагался в северной части Лондона и назывался «Королевская голова». Вопреки традиции французских кафе-театров, где играли по вечерам, спектакль состоялся в обеденное время. Я

была ангажирована за ничтожную плату и моим партнером был старый певец Проби, в прошлом очень знаменитый. Он пил, приходил на спектакль в полусонном состоянии и никогда не знал текста. Я подсказывала ему реплики, которые он умудрялся не слышать, и первые столики хором повторяли их за мной. Этот ужас длился неделю, потом Проби заменил Джонатан Крамер, тоже американец, но весьма одаренный, краснобайства и таланта ему было не занимать. Мы стали друзьями. Крамер играл в «Волосах», как Поль Жабара, которого он мне вскоре представил. (Жабара написал позже «Sic Донны Саммер»). Они были бесспорно талантливыми и слегка тронутыми. Поль, которому не продлили его разрешения на работу, в святой простоте приковал себя к решетке резиденции премьер-министра!

Спектакль сошел со сцены — моя карьера не продвинулась ни на шаг, но зато я приобрела симпатичных друзей. Мы часто ходили в синематеку Национального кинотеатра. Там устраивали вечера Мэй Уэст и крутили музыкальные комедии. Мы выползали оттуда в 6 часов утра, просмотрев семь или восемь фильмов подряд, спотыкаясь от усталости. После этих бдений я приобрела некую кинематографическую культуру, которая всегда удивляла моих друзей.

Во Франции движение хиппи не ослабевало, но в Англии оно уже не было прежним. Несколько андеграундных журналов (например «Oz») были запрещены из-за их непристойности; в музыке теперь меньше чувствовался Восток и психоделизм. Появилось больше уважения к интеллекту. В наш лондонский дом приходило много народу, например, Жермена Гри, лидер феминистского движения, автор «The Female Eunuch», известный манекенщик 60-х Джон Шримптон, который теперь занимался антиквариатом, кинематографист Поль Моррисей, писатель Нед Шерран и кое-кто из музыкантов.

Я была одна, когда Джимми Хендрикс, с взлохмаченными волосами и гитарой в руках, появился у нас на пороге, вероятно, по наущению нью-йоркского друга Пат. Он попросил разрешения укрыться у нас от преследований фанов. Я приняла его как нельзя лучше, долго говорила с ним о Брайане Джонсе, его друге, предоставила ему одну из комнат. Он жил у нас несколько дней. Единственная проблема, которую он нам создал, заключалась в его белобрысых поклонницах, занявших всю ванную.

Жертва наркотиков, как большинство музыкантов, Джимми умер вскоре после пребывания у нас.

Но жизнь продолжалась. Я получила водительские права и приобрела по случаю старую машину, латаную-перелатанную. Когда-то она была небесно-голубой. Когда оторвалась одна из дверец, мне пришлось заменить

ее на белую. Но все-таки старая добрая «Минино» сослужила нам хорошую службу. Мы умудрялись залезать в нее всей компанией, чтобы добраться до «Трампс», новой модной дискотеки. На этой дискотеке Мик Джаггер ухаживал за Бьянкой, там можно было встретить сестер Коллинз, Джоан и Джеки, Питера Селлерса и моделей Оззи Кларка. В то время я работала для этого молодого кутюрье, любимого дитяти лондонского бомонда. Его магазин «Рэднор Волк» не пустел. Оззи был дружен с Дэвидом Хокни, о котором уже начинали поговаривать.

Другой презабавный магазин на Кингс Роуд назывался «Мистер Свобода». Там продавалась одежда с Микки-Маусами и прочими зверьками, популярные аксессуары, современная мебель живых цветов. В июле я вышла из самолета в аэропорту Жероны в футболке, купленной в этой лавочке, на которых был изображен Нодди, домовенок со звездой во лбу. Дали ждал меня там. Дали в жизни не летал на самолетах, но сутолока в аэропорту его веселила, тем более, что туристы все время показывали на него пальцем. Мэтр заметил мою одежду и спросил: «Что это такое? Оно очень идет к вашему cascaballet (маленькой погремушке, которую я всегда носила на шее)».

— Я приехал за вами, мы уезжаем в С'Агаро на поиски орла.

С'Агаро, курорт в 50 км от «Жероны» был гораздо более приспособленным для отдыха, чем Кадакес. Здесь находился известный дворец L'Hostal de la Cabina, где Дали зарезервировал номер. Мэтр загорел, на нем была очаровательная бархатная куртка, привезенная из Нью-Йорка.

— У меня появился чудесный портной, который сшил для меня кучу замечательных курток. Одна даже из жирафьей кожи… Вы не находите, что я помолодел?

Он и в самом деле чудесно выглядел.

— Я наконец-то обрел третье измерение! Я сделал сенсационные открытия. Вы удивитесь. Я собираюсь писать портрет Галы, совершенно особенный. Самый дорогой в мире!

В отеле Дали снял номер в наполеоновском духе, с имперским орлом над кроватью. Для меня была оставлена комната с видом на море и романтическую колоннаду.

— Сегодня вечером мы пойдем танцевать! — сообщил он.

Чтобы убедить мэтра присутствовать на открытии дискотеки, ему пообещали доставить туда старый «Роллс» с откидным верхом. Дали был неравнодушен к этой машине, а дискотеки нагоняли на него тоску. Для натуральности машину снабдили шофером с наклеенными усиками, модными в 1900-е годы.

Нас чествовали и фотографировали, но Дали захотел уйти как можно скорее. Когда мы вышли, за нами увязался один молодой фотограф, Дали по-каталонски спросил, как его зовут; тот ответил, что его зовут Сабатер, и Дали попросил нашего нового знакомого отвезти готовые фотографии в Кадакес. Нам редко удавалось фотографироваться, несмотря на то, что Дали обожал коллекционировать фотографии. К тому же Гала всегда тщательно вырезала свою голову на всех фотографиях, так как считала себя безобразной.

На следующий день мэтру должны были принести огромного орла из carton-pate. Этот традиционный орел возглавлял все праздничные шествия и содержал гигантские изображения испанских королей. Дали намеревался поместить в музее в Фигерасе своего собственного орла.

— Вы увидите! Работы уже начались, это будет величественно!

Орел прибыл через день. В нем мог поместиться человек, и для этой цели имелось отверстие для человеческого лица на высоте груди. Мы сфотографировались перед громоздким подарком, и когда я позже обнаружила эту фотографию в журнале, то показалась сама себе настолько безобразной, что решила ее разорвать.

— Не подражайте Гале! — запротестовал Дали.

Потом он добавил, внимательно изучив снимок:

— Наверное, вам нужно было переменить обувь. У вас здесь такие большие ступни.

— Но у меня на самом деле большие ступни, мой дорогой Дали, у всех манекенщиц большие ступни, и вы это прекрасно знаете!

— Нет, я видел ступни Верушки, они были гораздо больше ваших, — не унимался он. — Она даже пошла на операцию, чтобы их укоротить. Вы знаете, у Али Мак Гроу были такие чудесные ступни, белые и изящные. Я очень люблю ваши, вы знаете, они очень аристократичны: второй палец чуть длиннее первого, как на греческих статуях. Позвольте мне поцеловать вам ноги. Вы не можете мне в этом отказать. Я думаю, что еще ни один гений не оказывал вам подобную честь.

Какой там гений, ни один из моих любовников не отважился на это. Впрочем, этот жест был скорее проявлением фетишизма, чем любви. Я вспомнила «дневник горничной» Бунюэля.

Дали встал передо мной на колени, страстно прикоснулся губами к моим ступням. Я была смущена. Он тяжело дышал. Поднявшись, он подавил свой вздох и сказал:

— Такие вещи всегда вызывают у меня ужасное волнение. Это перехватывает дыхание.

Он взялся рукой за горло. Я сказала, что была и растрогана, и смущена видеть его у своих ног.

— Я вас люблю, — сказал он хриплым голосом. — Это настоящая страсть. Я люблю вас все больше и больше.

Покидая С'Агаро, мы остановились в Фигерасе. Перед ужином у Дюрана мы посетили ramblas, скромнее барселонских, но с улочками и лавками, не лишенными шарма. Мэтр поздоровался с господином Мели, фотографом (его магазин назывался «Мели Колор»), остановился около библиотеки, где беззубый старик в огромных очках продавал развлекательные испанские журналы: «Lecturas», «Garbo», «Diez minutos», «Cinegramma», «Semana». Журналов было великое множество.

— Взгляните! — сказал Дали. — Каждую неделю выходит все это. И цветное, конечно. В Америке есть только «Times» и «Newsweek». Вы хотите знать, где состоялась свадьба Онассиса? С кем живет Брижит Бардо? Что поделывает Софи Лорен? Вы покупаете все эти журналы, и вы осведомлены. Испания — другая — добавил он, вспомнив рекламный лозунг.

Мы прошли мимо памятника Нарисо Монтуриолю, изобретателя подводной лодки, родом из Фигераса, мимо магазинов с эспадрильями не больше 36-го размера. Дали показал мне старый городской театр. «Здесь будет мой музей», — сказал он с гордостью. Театр был разрушен во время войны, и теперь от него остался только фасад. Внутри громоздились обломки и всякий строительный мусор, но еще можно было разглядеть то место, где когда-то возвышалась сцена.

— Внутри все останется как есть, — объяснил Дали. — Эта каменная стена очень красива. Но над сценой будет прозрачный геодезический купол. Это будет грандиозно!

Не хватало только согласия генерала Франко. По словам Дали, это был вопрос нескольких недель и можно было начинать строить уже сейчас. Он грезил прекрасными статуями, черными комнатами, на фасаде должны были быть копии гипсовых античных слепков.

— Вы знаете, Капитан так хитер! Он уже купил соседний дом, там будет магазин афиш и литографий. А Дюран хочет открыть напротив закусочную с horchatas (миндальным молоком) и сэндвичами.

Музей Дали не будет похож на все остальные музеи.

— Я хочу, чтобы в нем веселились. Дети не будут скучать, как в Лувре. Мне нужны разные изобретения, волшебные вещи. Я создам Далилэнд!

Мы поужинали у Дюрана, в уединенном зале, скрытом от туристов и украшенном огромными бочонками с вином, ратафией, хересом. Дали

заказал котлеты, а для меня — цыпленка с чесноком. На закуску нам предложили первые дыни. «40 карат?» — спросил Дали. «Несомненно», — ответил Дюран.

Дали продолжал рассказывать о своем музее. Нужно сделать так, чтобы музей посещали все туристы, приезжающие в Испанию. Никто не избежит тотальной кретинизации!

После ужина Дали предложил мне пойти в кино, он, никогда туда не ходивший!

— Это не как в Париже. Мы пойдем в маленький кинотеатр моего детства. Я хочу вновь пережить с вами воскресные киносеансы, когда я водил местных девочек на звуковые фильмы.

В Фигерасе было всего два кинотеатра. В одном шел «Лев зимой» с Кэтрин Хепберн. В другом — научно-фантастический фильм с динозаврами и доисторическими монстрами. Дали предпочел динозавров.

— Кэтрин Хепберн — тоже динозавр, но из тех динозавров, которых я совсем не люблю. Она всегда качает головой в знак отрицания. Синдром Паркинсона!

Фильм был совершенно неинтересным, к тому же я вынуждена была сама купить билеты, потому что у Дали не было с собой денег, но это его не смутило. Дали время от времени сжимал мою руку. Как у Пруста… Мы вышли через полчаса, потому что фильм был дебильным, но Дали успел насладиться этими мгновениями возвращенной молодости. Он поблагодарил меня:

— Вы не можете себе представить, что значило для меня пройтись с вами по Фигерасу, повести вас в кинотеатр моего детства. Когда мама меня спрашивала: «Сердечко мое, что ты хочешь?», — я всегда отвечал, что хочу в кино.

Мы прибыли в Кадакес очень поздно, я познакомилась с новой бонной по имени Маргарита. Это была молодая улыбающаяся брюнетка, приятнее Розы, уехавшей работать в Париж к Капитану.

— Она невыносима, — поведал мне Дали. — Она прячет мои порнографические журналы. Потом я не могу их найти.

Маргарита отвела меня в мои апартаменты, домик, купленный Капитаном, расположенный напротив дома Дали. На первом этаже — кухня и гостиная, на втором — хорошенькая спальня, окна которой выходили прямо на дом Дали. Полное блаженство!

Утром следующего дня бонна принесла мне завтрак и гравюру с изображением королевы Виктории, вырванную из «Illustracion». Дали написал на ней по-английски «Queen» и подписался. Что обозначала эта

криптограмма? Выйдя из дома, я встретила старую даму в брюках, которая вежливо со мной поздоровалась. Дали объяснил мне, что эта rateta (серая мышка) — поэтесса и живет тут все лето. Она решила «похоронить» себя «в этой дыре», чтобы сочинить что-нибудь. Я вошла на кухню и поздоровалась с Пакитой, готовившей paella.

Дали ждал меня во дворике. На нем была длинная белая прозрачная туника, натянутая поверх одежды. Причесан он был как каталонская beretina, с красным фригийским колпачком крестьянина в придачу. Он поздоровался и спросил, доставила ли бонна мою корзинку, и всем ли я довольна. Я оставила прошлогоднюю корзинку в Лондоне с несколькими вещами, бесполезными в то время как, например, крем от солнца, эспадрильи, летние брюки, маленький транзистор.

— Вы расшифровали мое послание?

Я тщетно пыталась его разгадать. Детали мэтр пообещал рассказать за обедом, но дал понять, впрочем, что речь шла о встрече с королевой Елизаветой во время его пребывания во Франции. Королева проезжала по Провансу в то же самое время, когда Дали возвращался на машине из Парижа в Кадакес. Он останавливался, как всегда, в «Осто де Боманьер» в долине Боде-Прованса. Королева приняла его в гостиной, без свидетелей и фотографов. Ее сопровождали принц Филипп и наследник трона, Карл. Дали изрядно полебезил перед королевой и напомнил ей о картине, которую его друг лорд Маунтбеттен преподнес ей на коронацию. Дали нарисовал герб королевской семьи — льва, единорога и чертополох в сюрреалистской манере. Это полотно висело в апартаментах королевы, но она никогда не позволяла его фотографировать. Затем он несколько минут побеседовал с принцем Филиппом и стал прощаться.

Убежденный в том, что к Ее Величеству нельзя поворачиваться спиной, он, пятясь, стал выходить из незнакомого зала, который не успел даже толком рассмотреть, и стукнулся о мебель к немалой радости принца Карла и королевы, тщетно пытавшейся сдержать смех.

— Представьте себе, каково мне было! Я, титулованные особы, дворяне. Колоссально! Впрочем, меня интересовали женщины не ниже герцогинь.

Дали рассказал мне о своем пребывании у лорда Маунтбеттена. Его больше всего впечатлило тогда огромное количество прекрасно наточенных карандашей, которыми никто не пользовался. Но в Лондоне, к сожалению, не было террас, на которых можно было бы пить кофе. Ему, так любившему часами смотреть на снующих людей, наблюдать за их странностями, представлять себе их жизнь, пришлось устроить это за свой счет. Я тоже

часто сожалела об отсутствии «Флоры» или Кафе «Де ля Пэ» на Кингс Роуд.

После обеда во дворике Дали поставил мне пластинку Сариты Монтьель. Эта популярная певица ему очень нравилась, особенно, когда она по-своему исполняла традиционные вещи, такие как «Violetera» и «El Relicario». В некоторых местах он даже закрывал глаза от удовольствия и отбивал такт ногой.

— Вы должны непременно это послушать в исполнении Ракель Меллер.

Этим летом Гала путешествовала по югу Испании. Многие годы Дали приглашали присутствовать на Мистерии в Эльше, традиционном августовском празднестве. Пока Дали веселился, Гала должна была посетить Гранаду, Севилью и Андалусию.

Однажды к Дали пришел каталонский писатель Жозеф Пля, которого мэтр хорошо знал и которым не переставал восхищаться. Пля был старше Дали и обладал каталонским здравым смыслом и реалистическим восприятием жизни. Писатель принес Дали свою книгу, и они долго беседовали. Пля был совсем маленького роста, немного сгорбленный, но его белые руки с очень длинными ногтями контрастировали с мужицкими и смуглыми руками Дали, от возраста покрывшимися коричневыми пятнами, с короткими, часто обгрызанными ногтями.

Когда мои острые ногти задевали что-то, Дали всегда говорил:

— Это враги, отрежьте их немедленно.

Пля, важный, как китайский мандарин, рассказывал о том, что происходит в регионе, по направлению к Ля Бисбалю. Дали упомянул, что Гала уже давно ищет дом в сельскохозяйственных районах, потому что ненавидит море и хочет иметь настоящий сад, с цветами и деревьями, похожий на тот, который был у нее в детстве в России. Пля как раз знал одно строение, почти что замок, продававшееся в селе Пуболь. Пля ушел, и Дали удалился в мастерскую. Наша картина «Анжелика и дракон» оставалась неоконченной, мэтр прервал сеансы. Пока он рисовал, я рылась в ящиках загроможденной части ателье. Дали услышал хруст бумаги.

— Не устраивайте мне беспорядок, Аманда!

Но любопытство заставило его прервать работу и посмотреть, чем я там занимаюсь. Я сидела на корточках, все содержимое ящиков было разбросано по полу возле меня. Я перебирала старые фотографии, оставляла около себя те из них, которые меня особенно интересовали, отбрасывала в сторону ненужные бумаги.

— Если бы Гала это увидела! — ласково зарычал Дали. — Она-то

думает, что вы вполне дисциплинированны. Все эти фото мне нужны, поэтому ничего не выбрасывайте.

Здесь были не только фотографии, где Дали был снят вместе с друзьями в «Максиме» или на вечерах, но и фотографии, которые помогли Дали при создании таких значительных полотен, как «Христос». Я с удивлением обнаружила, что Дали сам позировал для своего Христа. Он скопировал фотографию и увеличил ее с помощью метода «квадратиков», которому учат в Академии Искусств. В этот ворохе были фото моделей, мои собственные фотографии, сделанные в Париже, которых я никогда не видела, на премьере фильма Миа Фарроу, на ужинах, на балу у Реде. Я конфисковала многие из них.

— Не забирайте у меня все! — взмолился он. — Вы знаете, что я ими очень дорожу!

Однажды утром он решил повезти меня на машине по направлению к Ампуриасу и Ля Бисбаль. «Сова!» — вскричала я. Артуро нас отвез до Фигераса, где мы должны были обедать в «Дюране». На въезде в Фигерас, я попросила Дали остановиться и купить несколько churros, сладких и толстых блинчиков. На площади Дали зашел в Кафе «Сентраль», напротив школы, где он когда-то учился.

— Взгляните, — сказал он, — это моя старая школа. Сейчас это банк. Все естественно!

Я оставила его в одиночестве, чтобы проколоть себе уши у одной старушки, жившей перед отелем «Дюран». Дали не захотел наблюдать за этим мучительным ритуалом, который все испанские девочки переживают в самом нежном возрасте. Старушка была достаточно грязной и, похоже, делала аборты. Она проколола мне мочки ушей и продела в них веревочки, потому что я не купила серьги. Я вернулась к Дали, чтобы пообедать вместе, и с гордостью показала ему мои новые «украшения».

Он, казалось, брезговал моими окровавленными веревочками в ушах.

Конечно, я не хотела есть. Наоборот, меня тошнило.

После обеда мы поехали по направлению к Ля Бисбаль. Деревушка Пуболь была настолько мала, что ее было почти невозможно найти. Пуболь означало «тополь», и мы стали искать хотя бы тополя. Вместо тополей нашелся навоз и поросята, разгуливавшие на свободе. Вскоре мы обнаружили деревушку, сплошь состоявшую из маленьких беленьких домиков. «Замок» оказался большим и старым каменным домом с заброшенным садом. Вход был красивым, ступеньки вели на крыльцо, над которым возвышался портал, украшенный готической резьбой и гербом, представлявшим собой что-то вроде птицы. Одна часть здания почти была

разрушена, оставалась только стена, на которой были видны следы обоев и ковров. Когда мы подошли поближе, какая-то большая белая птица, по размерам похожая на сову, пролетела над нашими головами. Дали задумался:

— Это должно что-то обозначать, вы уже два раза сказали «сова» за сегодняшний день.

Когда мы уезжали, Дали сказал: — Я спрашиваю себя, понравится ли это Гале? Нужно, чтобы она сама посмотрела. Вы видели герб над входом? Как вы думаете, что это за птица?

Я не имела об этом ни малейшего представления.

В Ля Бисбаль мы остановились у одного антиквара, знакомого Дали. Мы поужинали на берегу моря чудесными gambas, утренней добычей рыбаков. На бумажной салфетке я изобразила лабиринт без выхода. Дали покачал головой:

— Нужно будет излечить вас от вашей меланхолии. Вы всегда маниакально депрессивны. Дайте взглянуть на ваш лабиринт.

Он оторвал лабиринт от салфетки и засунул его себе в карман.

— Я должен это изучить. Я уверен, что наступит день, когда вы станете счастливой.

На следующий день он попросил почитать ему Жозефа Пла по-каталонски, но я не знала этого языка. Он показался мне смесью французского и испанского, и обучение стало продвигаться необыкновенно быстро. Дали был на седьмом небе от счастья:

— Я знал, что вы каталонка. Я уже начинаю сомневаться, на самом ли деле вы англичанка. Вы — моя соотечественница!

На самом деле у меня были способности к языкам, и в течение нескольких лет я ездила в Перпиньян к моим друзьям. Но у него исчезли всякие сомнения: я была каталонкой.

Вскоре появился молодой фотограф из С'Агаро с нашими фотографиями. Я нашла его достаточно симпатичным и попросила Дали, чтобы он поснимал нас здесь. На следующий день фотограф поехал с нами на лодке искать морских ежей к La Farnera. Он снял нас на фоне скал, потом меня в позе Анжелики, над которой Дали хотел работать в мое отсутствие.

Мои волосы отрасли достаточно быстро, но Дали больше нравилось, когда они были светлее. Я всегда была тощей, но начала смуглеть. Дали забавляли мои внезапно появившиеся веснушки. Обычно он их ненавидел и испытывал ужас перед короткими американскими носами. Мэтр предпочитал овальные лица с классическими чертами. Я не понимала,

почему он находил меня такой красивой, ведь я совсем не соответствовала его представлениям о красоте.

После купания мы пообедали с отличным аппетитом. Пакита приготовила вкусный компот из свежих фруктов и дыни. На второе были поданы голуби с картофелем. Я посочувствовала участи бедных птиц, но съела их не без удовольствия. Дали рассказал мне о маленьком белом кролике, жившем у Галы. Она его так любила, что всюду возила с собой. Он спал с ней в одной постели и ел вместе со всеми за столом. Его воспринимали как маленького ребенка, прислуга его обожала, Гала — лелеяла. Когда в октябре она решила уехать в Париж, слуги спросили, что она собирается делать с кроликом: забрать его с собой на зиму или оставить в Кадакесе, где за ним присмотрят. Гала не стала долго раздумывать по этому поводу и решила, что из кролика нужно приготовить рагу. Кухонная прислуга была в ужасе. Бонны плакали, никто не хотел убивать кролика. Но Гала держалась молодцом и решила принести в жертву бедное животное. Я спрашивала себя, случилось ли все это на самом деле или было выдумано, чтобы создать миф о жестокости и эгоизме семейства Дали.

После обеда Артуро, не спросив моего согласия, поставил пластинку с сарсуэлой, традиционной музыкальной комедией, называвшейся «Molinos de Vientos» («Ветряные мельницы»), о любви моряка и голландской крестьянки. Дали упивался:

— Когда мы будем в Барселоне, я поведу вас в театр на сарсуэлу. Это будет чудесно! Я вспоминаю одну замечательную вещь, которую не ставили уже многие годы «La corte del Pharaon» («Двор фараона»), потому что она слишком пикантная. С самого начала становится известно, что у героя больше нет «лимузина», в это «стратегическое» место попала стрела. И все это на фоне пирамид. Вавилонские женщины поют: «Aie que, aie que mareo, que mareo». «Mareo», как вы знаете — это «тошнота».

Придумал ли он все это? Меня тошнило при одной мысли о кролике Галы.

После сиесты и работы в мастерской Дали принимал посетителей. Пришел возможный покупатель, потом журналисты, фотографы, молодые люди, шатавшиеся по деревне. Часто я должна была их занимать, пока мэтр заканчивал небо на своей картине или переодевался. Однажды, в первый раз за долгое время, к нам пришел Марсель Дюшамп. Понимая, что разговор зашел в тупик, я предложила ему партию в шахматы. Дюшамп выиграл за несколько минут, и тут как раз подоспел Дали. Он сел на мое место и стал играть с Дюшампом. Вместо того, чтобы защищать короля и

королеву, он пустил их в ход сразу же.

Эта тактика, противоположная всякой логике и здравому смыслу, раздражала противника, не понимавшего причины подобного самоубийства. Несколько раз Дали выигрывал у меня таким образом. Он причинил немало хлопот Дюшампу, который все же овладел ситуацией и выиграл. Мало-помалу дворик опустел. Близнецы были теперь диоскурами только по имени. Этим летом они жили в пещере, страшно грязные и молчаливые. Колумбиец Карлос, актер из «Волос», был в Кадакесе проездом. Он спешил в Индию на поиски какого-нибудь гуру.

Однажды вечером Дали испустил крик испуга, вскочил, перевернул стул и побежал прятаться, как будто его преследовал дьявол.

— Кузнечик! Там, там огромный кузнечик, смотрите! Быстро убейте его! Убейте!

Он был на самом деле испуган. Насекомое было убито, к Дали вернулось присутствие духа, и он снова сел около меня.

— Это ужасно. Я ничего не могу поделать, но я страшно боюсь кузнечиков. Они приносят несчастье, вцепляются вас и больше уже не оставляют вас в покое.

Я заговорила о других наводящих ужас насекомых, о богомолах, пауках.

— Нет, нет! — прервал он. — Кузнечик хуже всего. Это мой кошмар. Я изобразил это однажды на картине, чтобы избавиться от наваждения, но увы… Кузнечики продолжают наводить на меня страх.

Дали пригласил во внутренний дворик труппу танцовщиков и танцовщиц, исполнителей фламенко. Парни с прилизанными волосами и нахмуренными бровями, щелкали каблуками и пели, девушки, взмахивая черными волосами и подолами платьев в горошек, кружились с сосредоточенным и презрительным видом. Один танцор показал мне несколько «па» фламенко и каталонской румбы, потом гитана взялась погадать мне по руке: — Через несколько лет — вам исполнится 30, вы начнете жить совсем по-другому. Это будет ваша вторая жизнь.

Наш разговор состоялся в то самое время, когда Дали попросили нарисовать карты «таро». Создатель фильмов о Джеймсе Бонде, Гарри Брокколи, прибыл в Кадакес, чтобы предложить мэтру подписать контракт. Брокколи хотел иметь полный комплект карт «таро», нарисованный Дали, для следующего фильма о Джеймсе Бонде «Live and let die», мистического фильма, с аллюзиями к культу воды у антильских негров и черной магии. Карты таро должны были быть «коммерциализированы» посредством этого фильма. Это было именно то предложение, которое всегда нагоняло на

Дали невыносимую тоску. Он попросил меня заняться картами, что меня позабавило. В течение нескольких дней я запиралась в спальне Караколь, усаживалась за стол с лампой в форме улитки и вырезала репродукции его картин из книг. Я делала коллажи, пытаясь выбрать самые лучшие картинки. Это заняло несколько дней, но я добилась своего.

Я использовала эту ситуацию, чтобы выучиться гадать на картах «таро». При наличии некоторых знаний по психологии это не составляло труда. Я тренировалась на всех друзьях Дали. Никто не отказывался узнать свое будущее. Я гадала на «таро» певцу Антуану. Он познакомился с Дали несколькими годами раньше на концерте в Сере. Антуан вызывал бурю страстей своими текстами, длинными волосами и рубашками в цветочек. Он шел на скандал и принимал вместо лавров гнилые помидоры. Теперь он остриг волосы и носил желтый канареечный костюм. Я предсказала ему бурную жизнь и далекие путешествия. Будущее подтвердило мои предположения: Антуан путешествовал на корабле по южным морям и закончил свою актерскую карьеру в турне.

Дали воспроизвел некоторые из этих карт для заказчика, за что запросил астрономическую сумму. Последний сделал вид, что ничего не понял. Когда я вернулась в Лондон, Дали попросил меня пойти к нему в бюро и устроить разнос. Этот маневр не принес успеха. Дали все-таки удалось продать мои «таро» в Нью-Йорке, что еще раз доказывает, что в делах либо смыслят, либо нет.

Гала вернулась из своего путешествия по Андалузии в прекрасном состоянии духа. В сентябре Дали попросил меня провести с ним несколько дней в Барселоне. Его только что принял генералиссимус в замке Перелада. Он рассказал мне, что Франко ходит мелкими шажками, голос у него тоненький, говорит он мало и вообще не производит никакого впечатления. Казалось, что он прилагал максимум усилий, чтобы скрыть свою энергию. Эту маску безразличия Дали называл «sociego» и восхищался «мудростью человека, которому удалось сделать Испанию экономически развитой, испанцев — счастливыми, несмотря на ненависть, которую он вызывал к себе, и на трудности, возникшие после войны». Франко выслушал Дали, рассказавшего о проекте своего музея в Фигерасе, абсолютно невозмутимо, а потом пролепетал своим тоненьким голоском: — Нужно, чтобы этот музей стал Меккой западного искусства.

Дали был поражен. Его воображение уже рисовало толпы туристов, стоящих в очереди перед этим храмом, посвященным живописи. Я все-таки напомнила мэтру, что музей еще не построен.

— Конечно, это все не сразу. Я виделся с мэром Фигераса, с

губернатором провинции. Мы начинаем! Нужно отпраздновать это. Мы идем в оперу.

В опере давали «Адрианну Лекуврер» с Монтсеррат Кабалье. Барселонская опера, расположенная в ramblas, была староватым зданием с великолепным залом. На этой премьере, как на всех премьерах такого рода, публика стремилась показать себя и поглазеть на других: несколько провинциальная толпа состояла из банкиров, крупных промышленников, титулованных семейств, буржуа и именитых граждан. Дали прибыл в коляске. Толпа бездельников, столпившихся у входа, зааплодировала мэтру, но публика в зале его демонстративно игнорировала. Дали прокомментировал:

— Когда испанцы хотят выглядеть снобами, нет больших снобов, чем они.

Я была убеждена, что опера не вызвала у Дали интереса, несмотря на талант Кабалье, но в финале был один комический момент. Героиня должна была умереть, вдохнув аромат букетика фиалок, и рухнуть на землю. Монтсеррат Кабалье, отнюдь не худая, как всем известно, довольствовалась тем, что легонько присела и оставалась в таком положении даже тогда, когда вокруг нее запели. Дали закудахтал от радости, но все-таки захлопал:

— Какая замечательная туша! Если бы вы ее видели в Нью-Йорке, в «Норме», это было великолепно! Мне надо такую, как она, в мой музей.

Чтобы показать мне, каким не будет его музей, мэтр повел меня на следующий день в музей Пикассо. Сам дом, расположенный в старой части города, был красив. Музей, конечно, был похож на все остальные музеи: чистенький, ухоженный, каждая картина выигрышно помещена, с указанием названия. Дали хотел, чтобы его музей был полной противоположностью: фантазия, беспорядок, помпезность и претенциозность. Картины, которые мне понравились, были не во вкусе Дали.

— Нет, взгляните на эту обнаженную женщину, это же мешок с картошкой. И этот профиль, тут ничего нельзя разобрать. Вы знаете, что он сам никогда не знал, что будет рисовать. Однажды я спросил у него, какую картину он начал, и он мне ответил: «Я хочу нарисовать голову Мадонны, но может быть выйдет коза. Увидим, когда я окончу». Вы можете представить себе художника, который не знает, что собирается писать?»

Сам Дали тщательно устанавливал холст, занимался фоном, измерял пропорции, обзаводился фотографическим материалом перед тем, как начать работать. Он добавил по поводу Пикассо:

— На Монмартре мы ходили смотреть, как работает Хуан Грис,

которому Пикассо очень завидовал. Мы смотрели, как он пишет, болтали с ним и уходили. Пикассо жил тогда на улице де ля Боэти. На полдороге он мне сказал: «Пойдем, вернемся к нему, я хочу посмотреть, как он добивается этого серого цвета, в правой части картины. Это меня беспокоит».

Я остановилась перед одним достаточно детским рисунком Пикассо и невольно улыбнулась. Дали захотел узнать, что собственно вызвало у меня улыбку. Я не знала, как ему объяснить. Персонаж рисунка был карикатурным, как на комиксе. Дали хотел также выяснить для себя, почему я так любила Снупи, собачку Чарли Брауна. Объяснение было простым. Это был умилительный пес, крошечный, забавный, но Дали не был чувствителен к этой разновидности юмора.

— Я в молодости часто представлял себе моего преподавателя географии с дерьмом, лежащим неподвижно на его голове. Это было смешно! Потом я представлял нашего соседа в таком ж положении. Не смешно… В конце концов я попытался представить кюре нашей церкви, очень достойного господина, это было ужасно смешно! Я хохотал и не мог остановиться. На меня смотрели, как на сумасшедшего: никто не мог понять, почему мне так смешно. Вы видите, никто не смеется просто так. Смех — это очень серьезная вещь.

Я поняла смысл его последней фразы в тот же вечер. Мы пошли в цирк, который расположился на въезде в Барселону в парке отдыха Монтжи. Клоуны бегали, пятились, поливали друг друга водой. Толпа ликовала. Дали оставался невозмутимым. Он повернулся ко мне:

— Это ужасно, вы не находите? Клоун — это смерть. Люди смеются, потому что они бояться смерти. Клоун, обсыпанный мукой, символизирует смерть, смерть, наводящую на нас ужас, — и мы смеемся, чтобы избавиться от страха. На самом деле, клоуны внушают страх.

Я вынуждена была признать его правоту — клоуны меня никогда не веселили из-за своей неуклюжести и гротескности. Дали сказал, что единственное достойное уважения зрелище, это коррида. Там действительно играют со смертью, и сам ритуал очень красив. Коррида, на которой мы должны были присутствовать на следующий день, обещала быть захватывающей. В ней должны были участвовать братья Домек, знаменитые rejoneadores, и один молодой тореро, впрочем, уже достаточно известный. Дали велел зарезервировать места в первом ряду. В самом начале корриды перед Дали пронесли роскошный вышитый плащ тореро. Это была высшая честь. Братья Домек меня поразили. Их чистокровные лошади не были защищены, как и лошади пикадоров, в обязанности

которых входило ослабить быка ударами копий. Дали указал мне на светлые гривы лошадей братьев Домек. Пришел черед матадора, чье имя было указано на афишах рядом с именами братьев. Он появился, красивый, как принц, в костюме, расшитом блестками. Костюм выгодно подчеркивал стройность его ног, и, что греха таить, я нашла его очень соблазнительным. Дали прошептал:

— Если вы хотите, я сыграю роль Селестины. Вы знаете, у меня талант к сводничеству.

— Да, но как?

— Предоставьте мне действовать, у меня есть опыт. Напишите на клочке бумаги «21.00. Аперитив. Отель «Риц». И дайте мне вашу булавку.

Я сделала все, что он просил, и продолжала любоваться движениями матадора (в этом отношении мы с публикой были солидарны). В кульминационный момент корриды матадор приблизился к нашей трибуне и, обращаясь к Дали, прокричал, бросив ему свой muleto: «Самому великому художнику Испании, Сальвадору Дали! Я посвящаю тебе этого быка!» Дали на лету поймал черную шляпу матадора. Это был своего рода ритуал, к которому прибегали, чтобы придать еще большую остроту происходящему. Оставалось только подкрепить красивый жест удачным ударом. Матадор обернулся к быку… Дали сказал:

— Готово! Сегодня вечером, моя маленькая Аманда, вы попробуете вашего первого тореро.

Когда матадор вернулся за шляпой, она полетела на арену с приколотой запиской. Я была смущена собственной наглостью. Дали попытался меня успокоить: — Послушайте, это вас ни к чему не обязывает. Он придет пропустить стаканчик в отель, и вы увидите, будет ли он вам нравиться и дальше. То, что не сказано, не сказано, — добавил он, подняв указательный палец.

Когда мы возвращались в отель, Дали сказал:

— Федерика любила только рабочих на дорогах, ее возбуждали капельки пота на атлетических торсах. Тут мне приходилось гораздо труднее. Только не подумаете обо мне плохо. Я очень ревнив, но эта ревность позитивная и созидающая. Она меня стимулирует. Моя ревность не имеет ничего общего с разрушительной ревностью обычных пар.

Ровно в девять часов в нашем номере появился молодой тореро. У нас уже было полно гостей. Слава, плод сегодняшнего триумфа, окружала его невидимым ореолом. Его поздравляли, фотографировали, подносили шампанское. Я молча наблюдала за ним. Он оказался гораздо ниже ростом, чем мне казалось с трибуны, с чисто испанской красотой, у него были

длинные ресницы и завитые на затылке волосы. Но где был мой юный бог, в костюме, расшитом блестками? Он был одет, как все, надушен дешевым одеколоном. Но, очевидно, в этом салоне он чувствовал себя неловко. Он никого здесь не знал и улыбался растерянно и глуповато. Я подошла к нему, и он сказал:

— Я чувствую себя в большей безопасности на арене, чем здесь.

— Дали внушает вам ужас? Он очень любезен, вы знаете.

Дали подошел и спросил меня на своем условном языке:

— Итак, малышка, «швейная машинка» работает хорошо?

Я отвела его в сторону и поделилась своим разочарованием, вызванным штатской одеждой моего героя.

— Ах, — сказал он, — вас привлекал костюм. Вы, как Гарсиа Лорка. Вы правы, с этими матадорами нужно иметь дело, когда они только что покинули арену. Представляете, как это возбуждает: они покрыты кровью и потом, их одежда сияет. Впрочем, такой же эффект оказывают рок-певцы и танцовщики балета. Если их один раз выстирать, они не съедобны!

Я грустно покачала головой.

— Ну, не огорчайтесь, если вам так уж нужен «жених», я вам его найду завтра же.

Я уже говорила о римской бане в моем номере в отеле «Риц». Дали пригласил туда двадцать молодых людей под предлогом того, что хочет выбрать среди них одного Святого Себастьяна, и велел им раздеться. Некоторые пришли из агентства моделей, других Дали вербовал прямо в лифте, в ресторанах или в «Ramblas». Когда Дали спрашивал: «Ты хочешь позировать мне?» — никто не мог отказаться от такой чести. В тот день он провел меня в гостиную, говоря:

— Посмотрите, у вас есть выбор. Я заставлю их принять выигрышные позы. Вы сможете рассмотреть их телосложение в деталях. Потом вы выберете одного, и я отпущу остальных. В этот раз вы не сможете сказать, что одежда вас обманула.

Перед тем, как отправиться на этот экзамен, я должна была дождаться Дали, проходившего осмотр у доктора, у того самого, у которого он впоследствие делал операцию предстательной железы. Дали очень беспокоила предстательная железа, и он тщательно следил за тем, сколько раз ему удавалось помочиться ночью. Мэтр вышел из спальни с довольным видом:

— Все хорошо, я в порядке, насколько это возможно в моем положении. Доктор меня внимательно осмотрел и не нашел ничего плохого. Ну а вы, малышка, вы выбрали себе «жениха»?

Я не осмелилась войти в римскую баню одна. Почтенный мэтр не мог отказать себе в удовольствии шокировать врача и повел его с нами. Обнаженные молодые люди радостно плескались в выложенном мозаикой бассейне. Одни любовались своими мускулами перед зеркалом, другие болтали между собой. Одежда была разбросана по полу, и в воздухе стоял тяжелый запах носков. Можно было подумать, что мы в казарме или в раздевалке футболистов. Доктор Пюгверт ошарашенно вращал выпученными от удивления глазами. Но едва он успел снова обрести дар речи, как Дали вывел его из комнаты и перевел разговор на другое. Он хотел на несколько секунд показать ему неизвестный мир, скоротечное видение, которое, однако, навсегда останется в его памяти. Доктор ушел потерянным и сбитым с толку. Дали рассмеялся, как сорванец, которому удалась его проделка: — Вы видели его лицо? Ах, он никогда такого не видел. Я вытолкнул его и закрыл дверь, бедняжка, он не знал, грезит ли он наяву или на самом деле видел всех этих обнаженных гладиаторов, плескавшихся в римской бане почтенного отеля «Риц»! Нужно признать, что нашим гостям пришлось несладко. Приободритесь! Нужно окончить нашу грязную работу и выбрать Святого Себастьяна.

Молодые люди приняли выигрышные позы и, казалось, совсем не смущались тем, что Дали бесцеремонно их разглядывал. Я смущала их немного больше, но не настолько, чтобы делать из этого проблему. Мне казалось, что я похожа на Мэй Уэст среди этих атлетов. Слишком волосатые были удалены тут же, так же, как и слишком тощие. Дали внимательно рассматривал экстерьер и мужские достоинства каждого, которые он комментировал без малейшего стеснения:

— Этот, обрезанный, посмотрите, хиловат… Какой ужас! Никогда не нужно удалять эту кожицу, покрывающую головку члена. Посмотрите на греческие статуи. У них в этом отношении все в порядке!

Я заметила ему, что в большинстве своем греческие статуи вообще не имеют члена.

— Член и нос — это две первые вещи, которые время безжалостно стирает на статуях. Но мускулатура и ягодицы остаются, и это — самое главное. Взгляните, как вон тот покачивает бедрами, великолепно!

Концом своей трости он провел по линии бедер одного из парней и заставил его повертеться. Парень все это тщательно проделал под завистливыми взглядами остальных.

В итоге Дали выбрал одного красивого испанца с черными глазами, несколько бледной кожей, пропорционально сложенного и не слишком мускулистого. Он представлял собой классический тип жителя южной

части Испании. Он назвал себя андалузийцем. Другие стали одеваться, явно разочарованные. Чтобы их утешить, Дали пообещал принять их в Кадакесе и предложил им бокал шампанского, что касается «Святого Себастьяна», которого звали Хуан, то он был приглашен на ужин и Дали повел его с нами смотреть представление московского цирка. Номера клоунов не вызвали у нас даже улыбки, но в московской труппе были замечательные дрессировщики медведей и красивые жонглеры. Дали особенно понравились акробатки, невероятно гибкие русские девушки. Им удавалось сворачиваться кольцом, делать непостижимые телодвижения. Все это создавало впечатление, что их тела сделаны из какого-то особого гибкого материала. Дали их попросил прийти ему позировать завтра в отель. К моему удивлению, мэтр был очень известен и любим в Советском Союзе. Все артисты ему зааплодировали, когда он поднял свою трость в знак приветствия и пробормотал несколько слов по-русски, но с таким ужасным каталонским акцентом, что никто ничего не понял. Его русский вызвал всеобщее оживление, и ему зааплодировали еще громче. Акробатки пришли на следующий день в отель, как это было условлено, но в сопровождении переводчика и охранника. Я переспала со «Святым Себастьяном» из Андалузии, и он уже начал действовать мне на нервы своими постоянными расспросами о Дали. А Дали смотрел на меня с видом любопытной сводницы, которой не терпится узнать о сексуальных подвигах Хуана. Я решила ничего не говорить. Русские акробатки явились в трико в гостиную Дали, и мэтр сделал несколько набросков. Он приходил в восторг, когда кости скелета выступали, как иглы, особенно, когда они как будто протыкали покрывающую их плоть. Такой эффект он называл «сумасшедший изгиб». Тело, изогнутое назад, было для него вершиной возможного совершенства. Русские акробатки и «Святой Себастьян», возвращавшийся на родину, уехали одновременно.

По случаю праздника Меркед мы были приглашены к одной старой эксцентричной даме, одно имя которой восхищало Дали. Ее звали маркиза де Сен-Инносен, что означало маркиза святых юродивых. Ее огромный дом, поражавший своей роскошью, был набит экзотическими предметами, лакированной мебелью, золоченными статуэтками Будды. Сверх того, она была каким-то образом связана с далай-ламой, который, как ходили слухи, прятался у нее. Дали завербовал себе нового придворного — гасконца Жана-Клода Верите, который считал себя по меньшей мере потомком графини дю Барри. Он работал в агентстве моделей в Барселоне и очень забавлял Дали своим простодушием, южным акцентом и эротической культурой, проявлявшейся в обилии фривольных анекдотов, цитат из

классиков и двусмысленных словечек, которыми он пересыпал свою речь. В тот вечер Дали прибыл к маркизе в сопровождении мужских моделей, более или менее тощих, блондинки-голландки, мисс Франции и своих итальянских друзей. Маркиза де Сен-Инносен носила парик и фальшивые ресницы, огромные перстни на каждом пальце и опиралась на трость. Ее муж, вынужденный все время тушеваться, казался незначительным. Маркиза приняла Дали и его двор весьма церемонно, воздала мэтру соответствующие почести и потащила его к телевизионщикам, которые приехали снимать это событие. Несчастный телеведущий, знаменитый Иниго, подозревал ли он, что его ожидало? Дали не ответил ни на один из заданных вопросов, но произнес длинную речь, в которой фигурировали дезоксирибонуклиновая кислота, философия Франческо Пужоля, свадьба «Девы Марии» Рафаэля и, само собой разумеется, открытие музея Дали. Все это было пересыпано каталонскими и английскими фразами.

Потом он поприветствовал собравшихся и решил отправиться спать, оставив в недоумении маркизу, ее приглашенных и слуг-китайцев. Он был горд собой и в машине рассказал мне, что только что чуть не умер от избытка счастья. Гала купила замок в Пуболе, из Америки прибыли внушительные чеки, доктор нашел его совершенно здоровым, и малышка Аманда довольна, он в этом не сомневается, после прошлой ночи. Он мне протянул руку помощи, но я оставалась безразличной. Кроме того, он скоро собирается уехать в Мадрид, чтобы «попросить ключ, ключ от музея». Он стал напевать каталонскую песенку «Tirame la clau, tira mi, Tirame la clau», что означало «брось мне ключ, брось мне ключ…» — Я хочу ключ Веласкеса. Он был официальным придворным художником, и его мастерская располагалась прямо в королевском дворце. И как только Франко восстановит в Испании монархию, я буду его придворным художником, и моей мастерской станет музей в Фигерасе… В будущем месяце мы едем в Мадрид!

Несмотря на то, что Дали без конца беспокоили журналисты и поклонники, ему удалось показать мне город, лавочки, старые улочки, где прошла его молодость и молодость Пикассо. Он часто водил меня в Carre de la Paja, квартал, где царствовали антикварные лавочки, и покупал мне старые открытки, переводные картинки времен его детства… Мне больше всего понравился великолепный медальон из голубой королевской эмали с надписью внутри. Я не знала, где все это хранить. Он подарил мне несколько своих волосков и даже выдернул волосок из знаменитого уса, который я привязала к листочку клевера с четырьмя лепестками. «Таким образом вы принесете мне счастье», — сказала я в шутку.

— Нет. Совсем не так, — возразил он, — это вы мне приносите невероятную удачу. С тех пор, как я с вами познакомился, все идет чудесно, вы мой добрый гений!

— Но почему же мне так не везет?

— Потому что вы маниакально депрессивны, я вам уже говорил. Вам нужно перестать страдать и находить удовольствие в своих несчастьях. Ваш дух пропитался лондонскими туманами, как картины Тернера, самого отвратительного художника всех времен и народов.

— Как, вам не нравится Тернер? Но это самый великий английский художник?!

— Английских художников не существует. Как, впрочем, русских и венгерских. У каждой страны есть своя специализация: все художники-испанцы, итальянцы и редко французы; музыканты — итальянцы и немцы. Но успокойтесь, у вас есть неплохие писатели. Шекспир, лорд Байрон… Конечно, вашей литературе не хватает Кальдерона де ля Барка. Ах, «Жизнь есть сон»! Как бы я хотел, чтобы вы увидели эту пьесу. Но за неимением лучшего пойдемте полюбуемся на достопримечательности площади Реаль.

Эта площадь была местом тусовки наркоманов, альфонсов и зевак, но могла похвастаться магазином, где было все, от чего Дали сходил с ума: скелеты, чучела животных, огромные макеты молекул или растений. Мэтр впал в экстаз при виде акульих челюстей и велел доставить их в «Риц».

На обратном пути мы проходили мимо кабаре, где танцевали фламенко и где подвизалась Картагенере.

— Ах, я совсем забыл, нужно непременно познакомить вас с Картагенен. Она одна поет «Мой мужчина» по-испански, она великолепна!

Ужинать мы собирались у Рено, куда Дали пригласил маркизу де Сен-Инносен. Она прибыла в сногсшибательном «Роллс-Ройсе», лакированном и позолоченном, украшенным элементами китайской живописи, как ширма Коромандель. На маркизе в тот день был парик «фуксия», несметное количество драгоценностей и пенсне, тоже украшенное драгоценными камнями. Огромная толпа собралась поглазеть, как она выходит из «Роллса» в сопровождении безмолвного седого мужа. Даже на Дали это произвело впечатление. Она ела только орешки и решила отвезти нас в отель. Внутри «Роллс» был не менее экстравагантен, чем снаружи: подушечки, бар, панно, деревянная обшивка, украшенная миниатюрами. Эта машина была такой драгоценной, что на ней очень редко ездили. Вся жизнь странной маркизы была не более, чем спектаклем, который она разыгрывала с помощью мужа, исполнявшего все ее капризы. Происхождение ее состояния было загадочным. Никто не знал, были ли ее

драгоценности настоящими или фальшивыми. Но это мало смущало Дали, находившего ее необыкновенной.

Перед самым возвращением в Кадакес, где нас ждала Гала, Дали устроил для меня ужин. Жан-Клод Верите, которого Дали называл не иначе как дю Барри, прибыл в сопровождении моделей. Много говорили о выходе кишечных газов. Дю Барри вставлял в разговор каламбур за каламбуром. Дали рассказал, что было время, когда венецианские куртизанки употребляли специальные порошки, чтобы заглушить неприятный запах ароматом фиалки или жасмина. Когда один иностранный путешественник взялся критиковать этот обычай, куртизанка испортила воздух в помещении и сказала: «Ну, дорогой, это напомнит вам вашу страну». Дали истерически захохотал. Люди за соседними столиками обернулись к нам, но это не могло помешать нашей компании веселиться. Всем было весело, кроме меня, так как я должна была вскоре покинуть Кадакес. Конечно, только на несколько недель, но у меня совсем не было желания возвращаться в дом на Элвестон Плейс.

Я попросила пианиста сыграть «Амаполу», арию Мака, которую Дали заставил меня полюбить. На следующее утро Дали оставил около моей двери послание и убежал. Это была маленькая, только что нарисованная акварель: цветок мака был, пожалуй, единственной яркой деталью рисунка. Черная тушь подчеркивала сердцевину цветка, из которого только что выпорхнула черная ласточка. Да, я, подобно ей, собиралась покинуть дом мэтра. Дали подписал акварель и оставил мне маленькое послание: «Для Аманды, Амаполы». Когда я его поблагодарила, он сказал: — Я никогда никому не дарю своих картин. Гала этого не хочет. Я сделал одноединственное исключение для вас. Я знаю, что вы не богаты, но не продавайте ее, пожалуйста! Я не могу давать вам деньги. Это было бы некрасиво по отношению к Гале, даже если бы она об этом не знала. Я не могу причинять ей боль. Конечно, все было бы по-другому, если бы мы поженились, но я не бигамен. Гала — моя законная жена, и она для меня превыше всего.

Он проводил меня до двери отеля, где мы встретили Ксавье Сюгуа, вице-короля «ча-ча-ча», соотечественника Дали, который ехал на «Роллс-Ройсе», зарегистрированном как «ягуар». Они обнялись, и эта неожиданная встреча сократила минуты нашего расставания. Увы, меня ждал самолет.

Глава 15

«Vogue» должен стать ярмаркой тщеславия и на этом основании кристаллизировать все тенденции современной жизни и передавать их, а, главное, — делать бессмертными тех людей, которые существенно повлияли на нашу эпоху».

Дали — Эбу Дорсею. Опубликовано в «Herald Tribune» 10 декабря 1971 года.

Мой лондонский дом очень изменился. Там обосновалась одна американка со своим дружком, барабанщиком из рок-группы. Кроме того, мы обзавелись новым жильцом в лице музыканта Грехема Белла, а Эндрю взял себе кошку. Дом был переполнен, ванная постоянно занята. Все вокруг покрылось слоем грязи. Я наконец-то узнала все недостатки жизни в компании. Разница между этой жизнью и той, которую я вела с Дали, лелеявшим меня как собственного ребенка (что было особенно удивительно с его стороны, ведь у него никогда не было детей), была вопиющей. Дали более или менее догадывался о моем лондонском образе жизни, но Гала была уверена, что я живу, как в сюрреалистские времена, что у меня есть собственный салон, где я принимаю молодых художников и поэтов. Дали уверил ее, что я — нечто вроде современной Мари-Лор де Ноай. В моем доме жили действительно два музыканта, один писатель — Эндрю, актриса — Пат и молодой режиссер Дик. Я давала приют многим заезжим артистам, но я была далека от того, чтобы строить из себя Вирджинию Вулф или виконтессу де Ноай 70-х годов.

Однажды утром Дали позвонил и сообщил, что в Лондоне будет проездом молодой испанский гранд из Севильи. Гала попросила его зайти ко мне и посмотреть, как я живу. Игнасио де Медина Коэли, герцог Сеговии, наследник дворца Пилатос в Севилье, однажды вечером постучал в мою дверь и вежливо спросил, здесь ли живет мадемуазель Аманда Лир. Его испанский акцент наводил ужас на окружающих. Дверь открыла Пат. Она была в очень возбужденном состоянии, потому что как раз репетировала пьесу для театра Челси. Она провела герцога в гостиную и крикнула мне: «Аманда, тебя спрашивает какой-то испанец!» Я как раз кончала одеваться. Пока он сидел внизу, у Пат возникла издевательская идея взять с него контрибуцию. Она принесла Игнасио наш сломанный

пылесос и без всякого стеснения попросила несчастного герцога заняться им, если он, конечно, смыслит хоть что-нибудь в технике. Когда я спустилась, то увидела моего испанского гранда с отверткой в руках. Бедняжка! Он пытался починить наш пылесос. Игнасио был молод и хорошо воспитан: просьба починить пылесос в незнакомом доме, казалось, не очень его смутила, но я была ужасно расстроена. Я повела его ужинать, а потом мы отправились танцевать в модный кабачок «Трампс». Он был скромным и сдержанным, но мне показалось, что лондонская фауна его развлекла. Он рассказал мне о Feria, ежегодном событии, собиравшем на Пасху сливки общества Испании и Европы. Если бы мы приехали на будущую Feria в Севилью (под «мы» подразумевалась я и Дали), он был бы очень польщен принять нас в своем доме Casa Pilatos — великолепном мавританском дворце в духе «Тысячи и одной ночи», где сняли несколько сцен для фильма «Лоуренс Аравийский».

Я рассказала об этом Дали, и он тут же увлекся идеей показать мне Севилью, Гранаду, Андалузию Гарсиа Лорки и Пикассо.

— Вы знаете, что у меня есть арабские корни? Мои предки происходят от мавров, завоевавших Испанию. «Дали» по-арабски означает «желание». Отсюда моя любовь ко всему позолоченному и громоздкому, моя жажда роскоши и интерес к восточной одежде. Кстати, этот герцог Сеговии, он ухаживал за вами? Было бы замечательно, если бы вам удалось женить его на себе! Только не строчите с ним на «швейной машинке», заставьте его желать вас!

Я ответила ему, что этот молодой человек за мной не ухаживал и еще меньше намерен на мне жениться. Весьма вероятно, что у него уже имелась невеста из хорошей семьи, ожидавшая его за сумрачными решетками дворца в Андалузии. К тому же у меня не было ни малейшего желания выходить замуж за герцога, даже андалузского. Я хочу быть художницей!

— Глупости, — отрезал Дали, — вы должны быть принцессой, иметь много денег. Я вам уже говорил. Гала со мной полностью согласна: этот парень — то, что вам нужно. Мы поедем в Севилью на будущий год.

Но пока мы еще не уехали в Севилью, я приняла приглашение посетить Венецию. Анни, моя лучшая подруга, представила мне одного молодого банкира, фанатично влюбленного в балет, особенно его впечатлял Нуриев, и он пригласил нас посмотреть на эту звезду в новой балетной постановке, которая состоится в Милане. Мы собирались использовать это предложение, чтобы заехать в Венецию. Мой дом все больше и больше наводил на меня ужас, и я с радостью согласилась на это путешествие в обществе Анни, ее мужа и пресловутого любителя балета. Дали

посоветовал мне посетить в Венеции Театро де ла Фенис, церковь де ля Салют и обязательно обратить внимание на ее прекрасный купол. Когда он узнал, что я буду и в Милане, он испустил крик радости:

— Тогда вы увидите музей Брера! Яйцо, подвешенное на нити на картине Пьерро делла Франческо и статуи Кановы! Обязательно позвоните мне из Италии! Я хочу, чтобы вы увидели все моими глазами.

Он перезвонил через несколько минут:

— Гала обязала меня дать вам адрес принца Карачиоло, это очень хорошая партия для вас. Позвоните ему, когда захотите. Вы видите, как Гала о вас заботится!

Я подумала было, что Гала хочет всучить меня какому-то итальянцу, чтобы тот запер меня в своем романском дворце и чтобы я была подальше от ее мужа. Но, наверное, я была несправедлива. Несмотря на свою агрессивность и наносную ревность, она была искренне рада моему присутствию в Кадакесе. Она мне часто говорила, что ее заботит только счастье Дали.

Венеция меня разочаровала. Шел дождь, и город был погружен в необъяснимую печаль. Все, казалось, было покрыто плесенью, вода в каналах гнила, прекрасные дворцы были изъедены сыростью. Я позвонила Дали и сказала ему, что это город для старых лауреатов Нобелевской премии и погребальных гондол. Он нашел мою характеристику меткой и верной. Чтобы сделать ему приятное, я пообедала в Театро де ла Фенис и попыталась представить себе роскошные праздники прошлых дней, карнавалы, прибытие в гондолах приглашенных на бал Бестеги, фарандолы и регаты. Но без Дали все это не имело никакого смысла, и я чувствовала себя обыкновенной туристкой из Англии, путешествующей с друзьями и приходящей в восторг при виде позолоченных мозаик в базиликах.

Мы отправились в Милан через Падую, Верону и прочие известные города. Но больше меня впечатлили итальянские села. Я обожала фермерские окраины Сиены, кипарисы, сельские колокольни. Милан поразил меня своим безобразием. Мы один раз посетили собор Дуомо, и нам больше нечего было делать. Я воспользовалась этим и пошла в музей Брера, чтобы увидеть шедевры итальянской школы живописи. В тот же вечер в Ла Скала мы аплодировали Нуриеву и Марго Фонтейн в потрясающем балете. После этого наш любитель балета устроил для всей компании поздний ужин в одном из тех итальянских ресторанчиков, где можно провести часы, дегустируя лучшую домашнюю pasta. Рудольф Нуриев прибыл в сопровождении своего менеджера Джоан Тринг и итальянской балерины Карлы Фраччи. Приглашенных было человек 20,

Нуриев сидел напротив меня, справа — какой-то молодой человек и муж Анни слева. Вдруг Нуриев, внимательно на меня посмотрев, проронил:

— Как бы я хотел управлять сейчас сценическими машинами в Ла Скала!

Когда его спросили почему, он сказал:

— Потому что будет достаточно открыть люк на сцене в Ла Скала, чтобы «эта дамочка» исчезла!

«Этой дамочкой» была я… Вечер окончился в апартаментах одной из балерин, и мы вернулись к себе очень поздно. На следующий день мы обедали на берегу озера Ком, напротив виллы д'Есте в компании Марго Фонтейн, оказавшейся очаровательной особой. Когда я ей сказала, как бы я хотела научиться танцевать, она ответила смеясь: «Вы уже слишком взрослая. Я начала, когда мне было 6 лет».

Дали всегда мне говорил, что талант проявляется еще в детстве, будь то талант к живописи, танцам или музыке. Он приводил в пример Моцарта и себя самого, нарисовавшего в самом нежном возрасте портреты отца и сестры. Это историческое событие произошло в Фигерасе, на улице Монтуриоль, на той самой улице его детства, где он так завидовал балконам с балюстрадами в соседних домах. Для него балюстрады были символом богатства буржуазии, а у них этого украшения не было.

Я только что вернулась в Лондон, когда позвонил Дали и попросил поехать с ним в Мадрид, чтобы получить пресловутый ключ от музея. В Барселоне мы заказали купе в поезде и утром оказались в Мадриде. Дали уже много лет не был в этом городе: толпа журналистов и фотографов ждала его на перроне. Мы остановились в отеле «Палас», поскольку даже великий Дали не удостоился чести быть принятым в «Рице», самом снобистском дворце мира. Ни одна знаменитость мира искусства — ни Элизабет Тэйлор со своими норковыми шубами, ни Элвис Пресли не были приняты в «Рице». Эта клиентура была признана слишком шумной для такого достойного заведения. Людовик XIV (она родилась в Мадриде) пришла нас встретить, и мы отправились к ней обедать. Обед проходил в ее саду, под каштанами. Был чудесный октябрьский день. Дали был счастлив вновь оказаться в этом городе, где он учился в Академии Искусств Сан-Фернандо и жил в студенческом общежитии с Гарсиа Лоркой. Он показал мне банкноту в 100 песет с изображением его профессора живописи Хулио Ромеро де Торреса. Образец картинки на обратной стороне банкноты употребляется до сих пор и ценится повсюду.

Потом Дали открыл для меня Эскуриал, великолепный дворец в форме жаровни Святого Лорана. Мэтру показалось забавным посетить

апартаменты короля Филиппа IV, обстановка которых была очень сумрачной. Благодаря окнам своей опочивальни, выходящим на часовню, король мог присутствовать на мессе, не выходя из комнаты. Дали снова заговорил о Веласкесе, своем кумире, образце для подражания (вплоть до усов) и учителе. Потом мы отправились в музей Прадо. Как и в Лувре, он тащил меня из зала в зал, явно пренебрегая Гойей и римским искусством. Его интересовал только зал Веласкеса и особенно «святая святых», вершина мирового искусства — «Менины». Он долго говорил о гениальности художника, создавшего это загадочное полотно, объект стольких научных теорий и диссертаций. Почему король и королева видны только в их отражениях в зеркале? Кого так внимательно рассматривает маленькая инфанта? Кто тот загадочный персонаж, который входит в дверь на заднем плане картины? Вскоре вокруг нас собралась толпа, желавшая послушать комментарии Дали. Мы восхитились «Христом», «Карликами» и «Веласкеса» и вернулись в отель.

После сиесты мы отправились посмотреть парк Ретиро с его замечательным розарием и озерцем, над которым возвышался памятник 1900 года, украшенный статуями. Там мы выпили horchata и полюбовались мадридским небом, с сиянием которого ничто не могло сравниться. В этом парке, как и в саду Тюильри, все скамейки были заняты влюбленными.

Вечером маркиз де Лас Марисмас дель Гвадалквивир пригласил нас в театр. Этот старый театральный декоратор был завсегдатаем всех мадридских праздников и коктейлей. Мы посмотрели «Дона Хуана Тенорио» Хозе Зорилья, была премьера. Несмотря на некоторую скудость декораций, спектакль стал подлинным блаженством для Дали, знавшего весь текст наизусть. Но я не понимала причин такого восторга: это был традиционный «Дон Жуан» со статуей Командора и страстью к донне Инес. После спектакля мы отправились в «Валентин», место гуляний всего Мадрида. Стены были оклеены фотографиями звезд.

Наш стол был украшен тыквами, с которых перед ужином срезали верхушку, чтобы голуби, кишевшие повсюду, не садились на стол. Дамы были великолепны: Людовик XIV, дочь генерала Франко, маркиза де Виллаверде. Музыканты в костюмах из черного бархата, украшенных лентами, вероятно, студенты, играли на гитарах, и молодой артист, с которым Дали познакомился в Париже, Измаэль, исполнял песни Средних Веков и Возрождения.

Следующий день был необычайно важен для Дали: он встречался с генералом Франко.

Все утро он прохаживался по салону, взволнованный, но элегантный.

Он надел серый фрак, высокую шляпу и, конечно, Большой Крест Изабеллы Католической. Он позаботился о своих усах с помощью воска Пино и воспользовался услугами парикмахера. Перед завтраком он оставил у моих дверей открытку с цитатой из «Дона Жуана Тенорио»: «Что может быть более призрачным и хрупким, чем химеры мечты?». Конечно, он имел в виду свои мечты о музее. Я с гордостью смотрела, как он уходил, булавка Альфонса XIII сияла на его галстуке.

Я воспользовалась его отсутствием и отсутствием Людовика XIV, чтобы вернуться в Прадо. В одиночестве я могла спокойно полюбоваться картинами, интересовавшими меня больше всего. Боттичелли, Пьерро делла Франческо, «Благая весть, принесенная Марии», которую Дали копировал, когда учился в Академии Искусств… Обходя зал голландцев, я увидела нечто, что преследовало меня всю дальнейшую жизнь: три небольших фламандских полотна, затерянные среди шедевров Босха, они поразили меня в самое сердце. Это были пейзажи Жоакима Патинира, голландского художника XVI века. Несравненная синева, великолепные детали пейзажа, скалы. Я была потрясена. Вернувшись в отель, я сообщила Дали о моем открытии. Он улыбнулся:

— Ах, да «Переход через Стикс», «Бегство в Египет»! И это вам нравится, малышка Аманда? Ну, поздравьте меня для начала, я получил разрешение Франко. Он был великолепен. Он дал свое окончательное согласие на открытие музея. Мы идем пить шампанское. Нужно сейчас же позвонить Гале!

Но Гала была несколько раздосадована. Все журнальные киоски были переполнены одним испанским изданием, где на первом плане фигурировали мои фотографии с Дали. На этих фотографиях мы нежно смотрели друг на друга, и бесцеремонные журналистские комментарии гласили: «Любовная история в Кадакесе».

В репортаже рассказывалось, что мы ничуть не скрывали наших отношений, что старый гений сумел наконец оценить молодежь в лице юной англичанки, которая все лето жила с ним, в то время как Гала вынуждена была удалиться в замок Пуболь и заняться его обустройством. Дали был явно огорчен, но не мог ничего с этим поделать. Испанская пресса была одной из самых профессиональных по части скандалов и сплетен. Процессы и опровержения не могли ничего изменить. «Злословьте, злословьте, от этого что-нибудь да случится!»

Я вернулась в Прадо во время сиесты Дали, любовалась Патиниром и инкрустированными мрамором столиками, потом присутствовала на рандеву с журналистом Антонио Олано, который пришел вместе с внуком

генерала Франко, Франческо Мартинесом Бордиу, красивым и скромным парнем. Мы пили чай в огромной круглой гостиной отеля, посещаемой накрашенными маркизами и шумными туристами. В тот же вечер мы должны были обедать у г-на Сикре, человека с несметным состоянием, обладателя прекрасной яхты, проводившего большую часть своего времени в Монте-Карло и принимавшего у себя звезд и коронованных особ. У него была вилла в окрестностях Мадрида, и Дали не особенно хотелось туда ехать. Но Людовик XIV, как никогда похожая на Короля-Солнце, разубранная драгоценностями, так этого хотела, что мэтр уступил.

Я носила тогда фиолетовое платье и сапоги с домовушками. К платью я приколола значок с надписью «Я люблю Пикассо», забавлявший Дали. У Сикре собрались сливки мадридского общества, сам он был необыкновенно щедр и экспансивен. Кроме семейства Виллаверде (дочери Франко и ее мужа), там были маркиз де Лас Марисмас, герцогиня Альба, принцессы, актрисы и тореро Луи Мигуель Домингуин. Говорили о псовой охоте, о праздниках, о чуждом для меня светском обществе. Весь собравшийся бомонд посматривал на меня с любопытством. Дали строил из себя звезду, я ужасно скучала и думала, что гений его масштаба не должен опускаться до того, чтобы выслушивать подобные банальности.

Когда мы возвращались в отель, я ему заметила:

— Я любила вас сегодня утром, элегантного и величественного, собиравшегося на встречу с главой государства, но сегодня вечером я вас не люблю.

На следующий день, когда мы покидали Мадрид, он преподнес мне маленькую книжечку. Это был «Дон Хуан Тенорио» с посвящением мне. Надпись на книге гласила: «Аманде ее омерзительный слуга. Дали». Был ли он на самом деле таким уж мазохистом? Он утверждал, что любит страдать, ревновать, исполнять мои капризы и мириться с моими вспышками плохого настроения. Однако я пыталась быть нежной и любезной с ним. Это был, конечно, плохой метод, потому что он сходил с ума от Галы, которая его без конца одергивала.

Перед отъездом в Барселону мы посетили королевский дворец и Дали купил мне традиционную черную юбку и сомбреро, гармонирующее с юбкой, но я не устояла перед маленькой трикотажной шапочкой, которую натянула на глаза. Она была бежевой и похожей на колпачок: я ее купила.

— Pio Nono! — вскричал Дали. — Вы не могли мне доставить большего удовольствия! Такой колпачок я носил ребенком в Фигерасе. Дайте мне вас обнять! Вы угадываете все мои желания, наверное, вы моя сестра, потому что мы думаем об одном и том же.

Pio Nono было на самом деле круглым печеньем, которого уже не делали. Я подумала, что оно должно было походить на пончик. В результате меня обязали носить Pio Nono все зимы напролет.

Я снова обрела Лондон и свои занятия живописью. Я копировала Бужуре и рассказала об этом Дали по телефону.

— Ах, Бужуре! — сказал он. — Я доволен, что вы обратились к традиционному искусству, но это очень трудно, вы знаете. Вам нужно работать и работать, если вы хотите научиться рисовать. Вы должны писать так «гиперреалистично», как это возможно. Копируйте фотографии! Я покажу вам последние произведения Ричарда Эстеса, американского художника, самого реалистичного из всех. Он тщательно копировал открытки и обложки журналов.

Я процитировала Дали Оскара Уайльда: «Великий художник не должен видеть вещи такими, какие они есть на самом деле. Если он начнет это делать, он перестанет быть художником».

— Одно другому не мешает, — возразил Дали, — даже когда рисуешь гиперреалистично, не видишь действительность такой, какая она есть. Благодаря художнику действительность преображается, его глаза вбирают в себя действительность и трансформируют ее, подобно тому, как искусство алхимии превращает грубые металлы в чистое золото.

Его телефонные счета, наверное, были астрономическими, потому что наши беседы длились бесконечно долго. Он звонил мне либо утром, лежа в кровати и переваривая завтрак (он называл это «переваривать breakfast», потому что в Нью-Йорке горничные из «Сан-Режиса» спрашивали его: «did you enjoy your breakfast, sir?»), либо после обеда из своей мастерской, чтобы рассказать мне о том, что он только что нарисовал или открыл. Поскольку он никогда не мог запомнить чей-либо номер телефона, мой номер набирала его горничная Маргарита. Она выучила это сочетание цифр наизусть.

Жизнь в Лондоне всегда была достаточно сумасшедшей. Я снялась для нескольких модных журналов, участвовала в нескольких показах моделей Оззи Кларка. По вечерам мы обедали с друзьями в клубе Аретуза, на Кингс Роуд. Потом мы шли танцевать на дискотеку «Трампс» на Жермин стрит. На меня смотрели как на плей-герл, которая думает только о развлечениях и меняет мужчин, как перчатки. Однажды вечером я до самого утра пила с Оззи Кларком и самым знаменитым футболистом того времени Джорджем Бестом. Джордж проводил меня домой. Я не поняла ни слова из того, что он мне говорил, и он в свою очередь был убежден в том, что я шведка. На следующий день весь дом строил тысячи предположений о том, что же

именно произошло между мной и футболистом. Никто не хотел верить, что между нами ничего не было.

При всей моей ненависти к фанаткам, вызванной их мазохизмом и низкопоклонством по отношению к музыкантам, за которыми они следовали, как тени, — меня часто воспринимали как суперфанатку Дали, суперзвезды. Иногда, правда, меня называли музой. Я была обижена, но, в глубине души, я понимала, что меня можно было назвать суперфанаткой, потому я всюду сопровождала мэтра и терпела его причуды. Однако слово «терпела» мало соответствовало нашей ситуации, так как я была восхищена и очарована этой дружбой, благодаря которой мне так завидовали. Дружба с Дали, подобно страсти, изменила всю мою жизнь.

Глава 16

Я прилетела в Париж в конце ноября. Моя жизнь состояла теперь из постоянных переездов. В эту зиму Дали попросил меня поселиться около «Мериса», в отеле «Интерконтиненталь», на улице Кастильон. Мне нужно было только перейти через улицу, чтобы оказаться у мэтра. Естественно, он меня постоянно приглашал. Для меня окончилась эпоха Сен-Жермен-де-Пре, улицы Сены, квартала Флоры. Это был шаг вперед в наших отношениях с Дали. Гала была согласна с подобным выбором жилища. «Мерис» был слишком официален. Из окна Дали открывался точно такой же вид, как и мне на улице Риволи. Каждый второй день Гала предпочитала оставаться одна, и мы с Дали отправлялись обедать в «Максим», где для нас был зарезервирован столик.

Мало помалу я познакомилась со знаменитостями, о которых раньше только слышала. Например, с герцогиней Виндзорской, которая, казалось, была искренне рада встретить Дали через столько лет после ее визита в Порт Льигат. Как-то мы обедали с Онассисом, и он рассказал нам забавную историю. Однажды молодой человек подошел к нему в ресторане и попросил его об одной маленькой услуге, много для него значившей. У него был назначен деловой обед и для того, чтобы впечатлить партнеров, ему было просто необходимо перемолвиться парой слов с миллиардером. Все это должно было иметь такой вид, как будто они с Онассисом давно знакомы. Онассиса это предложение позабавило, и он согласился.

Пообедав, он прошел мимо столика молодого человека и остановился, чтобы его поприветствовать: «Ах, здравствуйте, как вы поживаете? До скорой встречи!» Тот сделал вид, что его не знает, и поздоровался с презрительным видом. Онассис сначала был ошарашен, а потом эта выходка показалась ему настолько оригинальной, что он предложил наглецу должность в своей компании. К моему удивлению, Онассис даже говорил по-каталонски с Дали. Дали обожал забавные истории, особенно самые сальные из них. Он часто водил меня в Пигаль посмотреть спектакль шансонье из «Театра двух ослов», особенно он ценил Пьера-Жана Вилхарда и тех шансонье, которые издевались над правительством или имитировали знаменитостей. Однажды дебютант по имени Тьерри ле Лурон спародировал Дали и его забавный акцент. На следующий день Дали пригласил его на чай в «Мерис», но был разочарован скромностью пародиста. После этого случая он стал обращать внимание на молодых

актеров, еще посещавших курсы драматического искусства. Катрин Лашен, например, почти каждый день приходила читать ему классиков или отрывки из пресловутой эротической трагедии мэтра. В «Максиме» мы часто встречали Фей Данауэй, снимавшуюся в Париже в фильме Рене Клемана «Дом под деревьями».

Дали был очарован кино и сожалел о том, что у него не было достаточно средств, чтобы снять подлинный сюрреалистский фильм. Но все киношники, которые наносили ему визит,

Аллегрете, Кармело Бене, Жак Тати и Райшенбах, покидали «Мерис», возмущенные условиями мэтра. В первую очередь Дали было нужно много денег, потом — неограниченный художественный материал в виде слонов, вертолетов, чудовищ. Он хотел переплюнуть Феллини. Однако он любил в шутку напомнить, что он написал весь сценарий «Андалузского пса» на коробке от ботинок. Но было справедливым также и то, что у него осталась застарелая ревность к Бунюэлю, вместе с которым он снял «Золотой век». Он видел все фильмы Бунюэля, начиная от «Виридиана на Млечном Пути». Но он никогда не упускал случая напомнить, что Бунюэль был влюблен в Галу, когда они жили под одной крышей, и что он был глухим.

— Строят из себя глухих, когда не хотят слушать других. Именно поэтому Бунюэль, упрямый, как осел, стал глухим!

Он очень любил «Тристану» и находил, что Катрин Денев прекрасно справилась с ролью, что не помешало ему после появления «Ослиной шкуры» осчастливить ее следующим комплиментом: «Моя дорогая, вы самый прекрасный осел, которого только можно себе представить!» Дали обожал ломать копья и таким образом приобрел много врагов. Прежде всего в шоу-бизнесе. Он ненавидел Иве Монтана и не мог понять причин успеха Джонни Холлидея. Он называл журналиста Бувара промокашкой. И, конечно, в живописи никто не заслуживал пощады: Бернар Бюффе был для него — «холодной закуской». Детская «мазня» его соотечественника Миро вызывала у мэтра только ярость. Он отказывал в таланте Джексону Поллоку и Мондриану. Не говоря уже о «черном чудовище» Сезанне, картину которого «Купальщицы» он сравнивал с мешком картошки. Когда Сезанна превозносили до небес, мэтру это было невыносимо. Для него Сезанном от литературы был Бодлер. Он говорил, что ненавидит романтизм Верлена и Рембо. Но я никогда не знала, где тут кончается провокация и начинается искренность.

Будучи приглашенным на телевизионную передачу к Бувару, Дали пришел как раз после Мелины Меркури, исполнявшей душераздирающую песню о заключенных в тюрьму греческих братьях и проливавшей потоки

слез. Когда Бувар обернулся к нему, Дали заявил с серьезным видом:

— Самая прекрасная вещь на свете — это отсутствие свободы. Свобода — это иллюзия. Я никогда не был так счастлив, как в тюрьме!

Он действительно когда-то сидел в тюрьме в Фигерасе во время службы в армии и часто рассказывал мне, с каким наслаждением он часами созерцал луч света, падавший на горбушку черствого хлеба…

Однако, с другой стороны, он мирился с ролью раба своей жены и выполнял каждое ее желание. Он слушался Галу, как ребенок мать. В этом году Гала подарила мне на рождество чудесную миниатюрную золотую косметичку 30-х годов, которой она больше не пользовалась. Я не знала как ее благодарить. Все друзья и куртизаны буквально осыпали семейство Дали подарками. Гостиная утопала в цветах. Дали и Гала никогда не испытывали недостатка в шоколаде или редких книгах. В этот раз у них оказалась даже хлебопекарная форма, присланная почитателями из Турина. Гала проверяла каждый подарок по собственной системе, которую она называла «методом Мейера», тогда как Дали бегал от одного подарка к другому, не зная, каким заняться. Он был импульсивен, она — отличалась необыкновенным чувством порядка.

В эту зиму Дали возжаждал иметь бассейн. Он захотел пробить стену в своей гостиной в «Сан-Режисе», в Нью-Йорке, чтобы переделать комнату со стеной в мастерскую. Дирекция отеля предоставила ему более просторный номер, но из суеверия он ни за что не хотел расстаться со своим прежним номером на шестнадцатом этаже. Когда в «Сан-Режисе» пробили стену, Дали решил, что из внутреннего дворика в Кадакесе можно было сделать ход в запущенную часть сада и что это было бы чудесным местом для бассейна.

— Это будет наш дворец, малышка Аманда, — объявил он. — Я построю для вас уменьшенную копию Альгамбры в Гренаде, с фонтанами и водопадом. Я уже звонил Пиньолю, нашему мэру-предпринимателю, чтобы он начал работы.

Этот бассейн стал для него новой игрушкой. Он делал эскизы и придумывал украшения. Этот бассейн должен был быть единственным в своем роде — длинным и фаллической формы, речь не шла об обычном калифорнийском бассейне. У него будет только один метр в глубину — это достаточно, чтобы плавать — и два бассейна круглой формы с двух сторон, как яйца. Другая его оконечность должна была быть круглой; на дне — морские ежи и острые камни, все это должно было быть покрыто слоем прозрачного пластика, чтобы никто не поранился. Мы собирались провести райское лето, как в арабском дворце…

Я уехала на несколько дней в Амстердам с моим лондонским приятелем Дикки. Мы собирались посмотреть на игру Оливье Тобиаса в «Волосах». В Амстердаме я должна была также посетить Рийскмузеум. Дали рекомендовал мне обратить внимание на «Круг ночи» Рембрандта и обязательно заехать в Дельфт, город Вермеера. Мы ехали на машине и останавливались почти повсюду. Потом мы вернулись в Париж, так как Дали собирался там провести весну, и остановились на улице Риволи, в «Сент Джеймс и Албани», любимой гостинице нашего дорогого Людовика XIV. Мой друг Дикки носил зеленые контактные линзы, и глаза его казались изумрудными. Дали тотчас соблазнился этим: — Галюшка, посмотри на него! Ты никогда не видела таких зеленых глаз!

— Я все вижу, — вздыхала Гала, — они действительно зеленые… Оставь меня в покое со своими мальчишками!

Дали повел нас в «Мулен Руж» и на шоу Зизи Женмер. Перья и поддельные бриллианты этих шоу меня утомили, но Дикки был восхищен. Он вернулся в Лондон, а я поселилась в отеле «Интернасьональ». Для нас с Дали опять наступила пора обедов и ужинов тет-а-тет. После каждого посещения Лассера нам преподносили маленькую фарфоровую кастрюльку. Граф Лассер учредил приз для обладателя самой значительной коллекции. К сожалению, я не получила приз, потому что растеряла все свои кастрюльки.

Моя лучшая лондонская подруга Анни приехала ко мне в Париж… Бедняжка, она надолго запомнила эту поездку! Сначала Анни остановилась в подозрительном отеле, который в ужасе покинула на следующий день. Потом я пригласила пообедать ее со мной и Дали в «Максиме». Первым, что она увидела, войдя в салон «Мериса», было огромное изображение верблюда — последняя фантазия Дали — реклама сигарет «Camel». Этот верблюд был одногорбым, два метра в высоту и выглядел в этом салоне очень странно. Анни охнула от удивления. К концу обеда Дали внезапно сказал ей:

— Вы знаете, моя дорогая, вы несколько похожи на Аманду, но только она гораздо красивее!

Случилось худшее, но как я могла утешить Анни? Я напала на Дали:

— Как вы могли так обойтись с моей лучшей подругой?

Лучше бы я промолчала.

Он бросил холодно:

— В чем вы меня обвиняете? Я сказал правду.

— А ваш принц де Комнен: он красив?

Этот молодой человек, сын законного наследника трона Бурбонов, с

галошей вместо подбородка и с кругами под глазами часто приходил в «Мерис». Он часто переодевался в женскую одежду и работал в Альказаре под именем Мерседес.

— Только не говорите мне, что он красив, — настаивала я.

— Ему это и не нужно, он — принц.

Это преклонение перед титулованными особами становилось смешным. Он принимал всех, кто слыл маркизами, князьями или наследниками павших монархий. Молодые девушки, носившие аристократические имена, часто появлялись в «Мерисе», но их поведение давало понять, что они, скорее, происходили от мадам Клод, чем были отпрысками аристократических фамилий. Дали не уставал повторять:

— Я знаю, что мне лгут, и я люблю, когда мне лгут. Чем больше меня водят за нос, тем больше я радуюсь!

Этой весной я сделала одно открытие, которое должно было заинтересовать Дали. Мы ходили в «Пти-Пале» на выставку Жерара Доу, голландского художника 17-го века, современника Вермеера, которому особенно удавался интерьер помещений и натюрморты, филигранно выписанные, — предмет моего восхищения. Больше всего меня впечатлило одно гиперреалистическое полотно, на котором был изображен золотой кувшин, блестевший, как солнце. Я указала на это Дали, добавив: «Создается впечатление, что он объемный». Мэтр признал все достоинства техники художника.

Когда мы вышли из «Пти-Пале», лил проливной дождь. Мы стали ловить такси, но вдруг небольшой незнакомый автомобиль притормозил около нас. Это были Жак Гранж и Франсуа Мари Банье. Они предложили отвезти нас домой.

— Ну и как вам понравился Жерар Доу? — спросил Банье разочарованным тоном. — Не так уж плохо, правда?

— Напротив, — ответил Дали. — Там есть один кувшин необыкновенной красоты. Вы обязательно должны его посмотреть. Это вас избавит от карденовского протестантизма.

Я никогда не слыхала о том, что Карден — протестант. Но для Дали его строгие геометрические платья были воплощением самого сурового кальвинизма.

Когда мы прибыли на улицу Кастильон, Дали сказал:

— Нам нужно будет еще раз посмотреть на этот кувшин. Хотелось бы проверить, есть ли его репродукция в книге о Жераре Доу.

На углу улицы Мон-Табор находилась книжная лавочка, в которой Дали покупал старые книги. Мы отправились туда на поиски солидного

труда о Жераре Доу, который я пролистала во время традиционного послеобеденного сна Дали. Натюрморта с кувшином там не было, но я увидела, что большое количество своих картин этот художник рисовал дважды. Например, в музее в Ленинграде была выставлена картина, которая, как две капли воды, походила на картину, выставленную в Голландии. Дали подтвердил, что в ту эпоху художники часто воспроизводили одну и ту же картину, копируя самих себя.

— Почему бы тогда не сделать это точно? Взгляните, это расстояние между женщиной и окном, — в другой версии оно немного больше!

Дали проверил мое предположение и задумался:

— Нарочно ли это? Представьте себе, малышка Аманда, что он дважды написал одну и ту же картину для того, чтобы, поставленные рядом, они создавали иллюзию объема, если смотреть на них с некоторого расстояния.

Он был явно взбудоражен.

— Вы знаете, что в Кадакесе у меня есть очки, позволяющие смотреть на фотографии 1900-х годов так, чтобы они казались объемными. Каждый глаз видит фотографию по-разному, и только наложение двух картинок в мозгу создает впечатление объемности. Вы поняли принцип? Правый глаз смотрит в одну точку, левый — в другую, и вы видите виртуальное изображение, как будто имеющее три измерения. Быть может, Жерар Доу понял это и решил добиться такого эффекта с помощью двух картин? Однако, никто этого не заметит, потому что ни разу картины не выставлялись рядом!

На следующий день он внимательно изучил репродукции Жерара Доу и начал экстраполировать.

— Интересно, был ли Вермеер в курсе того, что делал Жерар Доу? Они оба умерли в 1675 году. Они могли бы работать вместе. Вы отдаете себе отчет, что можно увидеть цвета, которых не существует в природе, порождение человеческого мозга?! Например, вы пишете небо в серых тонах, синеватое справа, потом вы делаете то же самое слева, но с бледно-розовым оттенком и абрикосовыми вкраплениями: эти два неба накладываются одно на другое в вашем мозгу, и вы видите виртуальное небо необыкновенного аметистового и прозрачно-зеленого оттенка, не существующее в природе!

— Но как сделать так, чтобы смотреть на каждую картину одним глазом? — спросила я.

— Я должен изобрести систему, — решил мэтр.

Величайший испанский танцовщик Антонио Гадес приехал в Париж.

Вскоре мы уже ужинали с ним и его труппой, и Дали попросил его прийти назавтра в «Мерис», чтобы танцевать фламенко для мэтра и его гостей. Нас сфотографировали: Дали был в великолепном парике а ля Веласкес, Гадес и я — по бокам от мэтра. Несмотря на то, что я была выше его на несколько сантиметров, Гадес казался выше и величественнее меня, как и все танцоры фламенко. Я видела его несколько раз, всегда в Испании, однажды в Кадакесе с его подружкой, известной певицей Марисоль.

Гадес был андалузцем, и мы собирались отправиться вместе с ним на знаменитую севильскую Feria. Гала уехала в Кадакес. Первая наша остановка на пути в Севилью была в Лионе, где Дали повел меня обедать к «Мэр Пие». Ничто не соблазнило меня настолько, чтобы набрать вес, а Дали пытался съесть все, но оставлял половину на тарелке. В тот день я увидела как он поглощает раков. У него была слабость к ракообразным, и он не упускал случая подчеркнуть, что эти животные столь же великолепны, сколь и приятны на вкус, потому, что они носят свой скелет снаружи, чтобы «защищаться им, как воин — доспехами». Кулинария так соблазняла мэтра, потому, что он, казалось, сожалел, что сам не кулинар. Дали иллюстрировал довольно странную книгу рецептов, где ракам было отдано предпочтение.

Потом мы остановились в Авиньоне, где провели ночь в отеле «Европа», вкусив великолепный ужин. Путешествовать на машине с Дали было настоящим удовольствием.

Он все рассматривал, все комментировал, потчевал анекдотами. Иногда он говорил: «Засните, малышка, вы, должно быть, устали. Положите голову мне на плечо».

Я дремала и постепенно погружалась в глубокий сон, в то время как он гладил меня по волосам. Когда я просыпалась, он все еще смотрел на меня. Он говорил, что для него было радостью видеть мой нос вздрагивающим, мои губы — обмякшими, он пытался отгадать, что мне снится, он хотел все знать обо мне. Сам он никогда не спал. Он любовался пейзажами, рассказывал мне историю Боде-Прованса, тамплиеров, катаров (мне, думавшей, что катар — это насморк) и альбигойцев.

В Перпиньяне мы остановились перед вокзалом, который Дали называл не иначе как «центром мира». На самом деле важным местом здесь был писсуар, где Дали сделал открытие, наблюдая ромбовидное покрытие потолка. Эти громогласные заявления по поводу перпиньянского вокзала начинали меня утомлять. Перед тем как пересечь границу около Булу, он показал мне место, где несколько лет назад он оставил Галу менять колесо в их автомобиле под проливным дождем и к тому же среди ночи. Я знала,

что Гала умеет водить машину. Гала была для него всем: секретарем, поверенным в делах, кухаркой, медсестрой, даже шофером! Какая преданность!

— В глубине души я, вероятно, подлец.

— Конечно, я бы никогда не оставила вас менять колесо под проливным дождем.

— Неужели? Но вы же не Гала, — ответил он, смеясь. — Вы малышка Аманда, ангелоподобное существо, которой нужно служить, как принцессе. Вам, наверное, не терпится увидеться с вашим севильским герцогом?

— Не раздражайте меня!

Мы остановились в отеле «Дюран» в Фигерасе и уехали на следующий день, не заезжая в Кадакес. Перед тем как приехать в Севилью, мы остановились в Толедо и посетили собор и дом Эль Греко.

В Севилье наш отель был переполнен иностранцами, приехавшими на Feria. Мы встретили там нашего Короля-Солнце и нескольких друзей, а потом отправились на праздник. Там много пили, танцевали, женщины — в платьях в горошек, мужчины — в андалузских костюмах. Красивые кабальеро выглядели очень гордыми; у одной молодой девушки сзади на платье красовалась роза и peineta. Все дамы обмахивались веерами, что было крайне полезно при такой ужасной жаре. Мы смотрели, как танцует знаменитая Лола Флорес, потом чокались со всей распрекрасной компанией, кричавшей: «Пусть праздник никогда не кончается!»

Дали чествовали, фотографировали и интервьюировали. Он потом, правда, очень смеялся, прочитав в одном местном журнале, что его сопровождала некая «сногсшибательная» особа, что, конечно, не очень соответствовало моей скромной персоне. За гуляньями следовали бесконечные обеды, посещения fincas, где выращивали быков, приватные корриды. Я чувствовала себя не совсем свободно — празднества казались мне чересчур фривольными.

Мы ужинали в Каса Пилатос, роскошном обиталище нашего друга Игнасио Медина. Гораздо более непринужденный, чем в Лондоне, он показал нам свои сады, и Дали, как знаток, любовался арабским орнаментом на стенах и потолках герцогского дворца. Потом мы были приглашены к герцогине Альба, имевшей в числе своих предков знаменитую «Обнаженную маху» изображенную Гойей.

Однако сам Дали не был особенно счастлив среди этого столпотворения. Мы сумели насладиться покоем и остаться одни только во время посещения церкви со знаменитыми фресками Вальдеса Леаля, картинами смерти и разложения, и городского музея, где были выставлены

полотна Мурильо. Дали впал в экстаз перед полотном огромных размеров, шедевром так называемого «банального» искусства, изображавшего толпу, коленопреклоненную перед епископом на возвышении. Облатка, единственная яркая деталь этого сумрачного полотна, настолько впечатлила Дали, что он говорил об этом на протяжении нескольких дней.

Риккардо Сикре пригласил нас спуститься по Гвадалкуивиру на его яхте. Его высокопоставленные гости хотели также сделать остановку, чтобы поохотиться на кабана. К моему крайнему удивлению, Дали смирился с неудобствами небольшой каюты и с остановкой в Ланд-Ровер (он называл это место Ginger rovers). Мы пересекли Гибралтар и оказались в Марбеле, где Дали встретился с Доном Хайме де Мора, братом королевы Фабиолы, которого он, впрочем, нашел отвратительным. Большинство пассажиров высадилось в Марбеле, а мы продолжали путешествие в компании Сикре и его подружки. Я не могла удержаться на ногах во время качки и страдала от морской болезни. К тому же мне было стыдно, что Дали увидит меня в таком положении. Однако он утверждал, что я была еще красивее, чем обычно, белая как полотно и изможденная.

— Заметили ли вы, что позывы к рвоте похожи на то, что испытывают влюбленные? Это почти одно и то же…

Мы высадились в Таррагоне и вскоре уже могли кричать «кукареку» при виде знакомого островка посредине бухты Кадакес. Мы снова обрели наш дом, сад… и бассейн, строительство которого должно было подходить к концу.

Гала была во внутреннем дворике; за старой деревянной дверью открывался вид на пресловутый бассейн, однако работы по его строительству были далеки от завершения. Он представлял собой длинную зацементированную траншею, неопределенной фаллической формы, наполовину выложенную плиткой. В одном из его краев возвышался не то памятник, не то мавзолей, словом, весьма странное сооружение. Дали с гордостью показал мне модель, оказавшуюся не чем иным, как радиостанцией. Но где были фонтаны и водопады, о которых он мне столько рассказывал?

— Вы слишком нетерпеливы, моя дорогая, — заявил мэтр. — Это меня, а не вас называют «божественно нетерпеливым». Лето еще не началось. Вы скажете свое мнение, когда работы будут окончены. У нас будет миниатюрный светящийся фонтан, пластиковый макет софы в форме губ Мэй Уэст. И еще система автоматических покрытий, которые защитят памятник во время летней жары. Мне подарили старый кристальный прожектор с мыса Креус. Я собираюсь его установить в самом центре

бассейна. Он будет подсвечивать бассейн, особенно ночью.

Однако Дали вынужден был отказаться от морских ежей.

Мэр-предприниматель из Кадакеса трудился, не покладая рук. Когда я вернулась месяц спустя, бассейн был неузнаваем. Гала уехала в Пуболь, чтобы проследить за работами по обустройству замка. Она тоже строила бассейн, но его должны были обрамлять муляжи в форме лица Вагнера. Дали приготовил для ее сада огромных слонов из цемента. Я только что прибыла, когда Дали мне сказал: «Закройте глаза!» и куда-то повел меня за руку, как ребенка, которому был приготовлен сюрприз. Когда я открыла глаза, я увидела бассейн, странный памятник отражался в воде, и все это было похоже на Тадж Махал. Под круглым куполом был установлен длинный стол, покрытый скатертью с золоченными кистями. Большое чучело льва возвышалось на бутафорской скале в углублении. Налево, в противоположной нише, я заметила статую какой-то святой. С обеих сторон были огромные подушки из красного и черного бархата, как у Мижану Бардо. Прожектор бросал на стены разноцветные лучи.

— Ну, что вы теперь скажете? Вы ведь этого не ждали, не правда ли?

Мы вернулись во внутренний дворик. С цветком жасмина за ухом Дали рассеянно слушал разговоры окружающих, лукаво глядел на меня. Около него сидел парень, весь в белом и с длинными сальными волосами. Это был Карлос, хиппи, которого Дали «открыл» в «Волосах», он только что вернулся из своего паломничества в Индию. Воспользовавшись обретенной святостью, он велел называть себя цветком лотоса. Дали рассказал мне, смеясь, что крестьяне из Кадакеса называли его «Мадонной». Среди приглашенных в тот вечер был какой-то флейтист и несколько случайных жинест. Я заметила еще близнецов, грязных как никогда. Несколькими днями раньше приехал Джордж Харрисон из «Битлз». Дали, спутав его с обычным хиппи, не обращал на звезду никакого внимания.

На следующий день я увидела бассейн при свете солнца. То, что ночью при свете прожектора казалось мне загадочным и необыкновенным, оказалось на деле кучей хлама. Чучело льва было потрачено молью. Подушки в форме змей волочились по земле, Малютка Мишлен из мастерской соседствовал с бутылками в форме испанских танцовщиц (это был какой-то кич!) и с китайскими масками. Дромедар «Camel» был установлен в саду посреди оливковых деревьев. Я заметила еще огромную полую ногу слона, но нигде не было видно водопада.

— Ничего, все еще будет, — успокаивал меня Дали, — есть только одна проблема. Морская вода никак не хочет поступать по трубам. Но не

бойтесь, мы это исправим. И еще, я собираюсь соорудить маленькое озеро у крепостной стены. Вы знаете, что ребенком я очень любил озеро Виллабертран.

Мы восседали на подушках Мижану, и оттуда бассейн казался еще более узким. На другом его конце рос желтый дрок, он и был тем самым цветком-жинестой, обожаемым Дали. Я приготовилась в первый раз искупаться в бассейне, который наполнили морской водой. Вода доходила мне только до груди, и я барахталась больше, чем плавала. Дали присоединился ко мне в своих ортопедических «астронавтах» и улегся на спину, найдя воду замечательной.

— Ах, у нас, наконец, есть бассейн! Вы увидите, мы соорудим здесь маленькую Альгамбру.

Каждый день он приходил купаться в бассейне, мы либо плескались вместе, либо он загорал на розовых конфетных губах софы Мэй Уэст и наблюдал за мной. Капитан Мур, всегда торопящийся и застегнутый на все пуговицы, приходил к нему с контрактами. Дали время от времени принимал у бассейна журналистов и советовал мне купаться обнаженной и не обращать внимания на посетителей, бросавших в мою сторону похотливые взгляды. Он очень смущал меня тем, что постоянно обращал внимание гостей на достоинства моей фигуры: — Посмотрите на тело Аманды, какая грация, вы не находите?

Те, к кому обращались с подобным вопросом, будь то мэр Фигераса или мальчик на побегушках, хвалили мою фигуру, и Дали упивался этим, как паша, только что продемонстрировавший красавицу из своего гарема.

Каждый день он добавлял к бассейну какую-то деталь. Сначала он посадил миндальные деревья около софы Мэй Уэст, и обязал меня прицепить к ним искусственные цветы миндаля, «для того, чтобы мы цвели весь год». Потом он притащил огромную бадью, нечто вроде металлического контейнера, который используют на стройках для того, чтобы собирать строительный мусор, и это чудовище было установлено рядом с зарослями дрока. Когда я заметила ему, что это не более чем мусорный ящик, он мне ответил, что собирается переделать бадью в порфировую цистерну, достойную древнего Рима. На деле он расписал ее так, что она стала похожа на вазу из искусственного красного мрамора. Ручки «цистерны» были выполнены мэтром в форме львиных голов. В довершение всего он соорудил фонтан, вода которого должна была попадать в цистерну, но хитроумная система сработала только три раза.

По краям софы он водрузил огромные рекламные щиты шин «Пирелли» и вцементировал в стену ярмарочную шарманку в форме

сердца. Дернув за веревочку шарманки… можно было услышать «Аве Мария». Сколько посетителей он сразил этой кисловатой музыкой, исходящей из стены с рекламой шин «Пирелли». Это был просто поп-бассейн!

Но Дали никак не мог остановиться. Благодаря его многолетним усилиям это место не переставало деградировать. И поскольку он предпочитал предметы, отмеченные временем, выцветшие от дождя и солнца, на его бассейн просто было жалко смотреть. Конечно, в некотором смысле он был идеален для фотографий и для того, чтобы «делать новости». Нам скоро представился случай этим заняться, когда французская редакция «Vogue» предложила Дали сделать специальный рождественский номер журнала. Он поставил условием абсолютную свободу в выборе сюжетов, оформлении и размещении рекламы. Дирекция журнала в лице месье Кайле со всем согласилась. Это был триумф. Дали сказал:

— Ну уж мы позабавимся, Аманда! Я сделаю им такой номер «Vogue», от которого они вздрогнут!

Конечно, он хотел, чтобы в номере говорилось об открытии его музея и о геодезическом куполе, изобретенном гениальным архитектором Эмилио Пинеро. Пинеро как-то пришел к нам на ужин. Застенчивый и сдержанный во всем, он не стеснялся говорить только о своем куполе, он будет гораздо более смелой конструкции, чем все купола Бюксминстера Фуллера. Дали разделял его энтузиазм, он уже видел этот купол — коленчатый и граненный — возвышающийся над Фигерасом.

Мы все дни напролет обсуждали содержание специального номера «Vogue». Дали собирался воздать должное традиционному искусству, чествовать Пруста и Веласкеса, и, конечно, там должно было быть множество моих фотографий. Он хотел для начала сделать из меня средиземноморскую Офелию и попросил фотографа Робера дешарна сфотографировать меня в позе умирающей на пляже мыса Креус. Потом я должна была превратиться в святую Люсию, ослепленную мученицу, несущую свои глаза на блюде. Но вместо глаз появились яйца на тарелке. Я оделась в монашескую рясу и загримировалась так, что создавалось впечатление, что мои глаза выколоты и кровь течет по щекам.

В тот самый день, когда мы занимались этой памятной фотографией, яхта нашего друга Сикре бросила якорь в Порт Льигате. На борту яхты был великий тореро Луи Мигель Домингуин и юный Мигель, плод его союза с Люсией Бозе. Дали, чтобы произвести на них впечатление, попросил меня не смывать грим. Я предстала перед гостями в футболке и с

окровавленными глазами. Домингуин зааплодировал и обнял Дали. Но малыш Мигель, милый мальчик пятнадцати лет, был одновременно смущен и очарован. Когда я показывала достопримечательности нашего бассейна Домингуину, он вдруг сказал:

— Я боюсь, как бы мальчик не стал педерастом. Ему нужна такая красотка, как ты, чтобы его пообтесать.

Хотя я была изрядно потрясена этим предложением, я все-таки дала ему свой лондонский адрес, на случай, если он захочет прислать мне своего сына. Сын, смущенный поведением отца, не знал, куда деться, тем более, что Дали, Сикре и сам Домингуин рассказывали сальные истории и смеялись…

Для следующего фото Дали решил сделать из меня «фальшивую принцессу» английского писателя Рональда Фирбанка, и Дэвид Бэйли фотографировал меня в студии в платье, соответствовавшем выбранной эпохе, распятую на серебряном кресте.

Я никогда не видела Дали таким счастливым. Все его мечты сбылись: музей строился, над ним будет купол Пинеро, Гала украшала свой замок в Пуболе и Франко объявил о реставрации монархии в Испании. Монархия! Он только об этом и говорил, с тех пор, как я с ним познакомилась. На вершине блаженства, он сказал мне, когда мы сидели во дворике и слушали «Тристана и Изольду»: — Я так счастлив, что вы рядом со мной!

Это прозвучало так искренно, что я чуть не заплакала.

Однажды в воскресенье мы отправились в Фигерас на корриду. Арены были гораздо меньше, и сидеть было неудобно. Молодой француз Жак Брюне, которого называли El Bruneto, выступал в тот вечер в первый раз. Это был красивый светлоглазый парень. Он посвятил нам своих быков. На ужине у Дали он проявил недюжинную любезность. Дали предложил ему позировать и сняться на большой фотографии для «Vogue»; журнал спешно послал из Парижа одного из своих знаменитых фотографов, Алекса Шателена, редактора Франсин Крессен и Верушку, с которой Дали познакомился в Нью-Йорке в 60-е годы и которую очень любил. Она с радостью встретилась с Дали. Он тут же решил нарядить ее в Мао-Цзе Дуна. Она долго гримировалась и даже натянула на лицо фальшивую кожу, чтобы казаться лысой, и даже искусственно увеличила свой рост и пропорции, чтобы заполнить пустоты в серо-зеленом костюме, который для нее подобрали. Когда она наконец окончила, сходство было столь разительным, что Дали зааплодировал. Бассейн и его окрестности были полны спешно завербованной деревенской молодежью. Парни потрясали гигантскими фотографиями Пруста, Мао-Цзе Дуна и Раймонда Русселя,

тореро облачился в свой блестящий костюм, а Верушка изображала из себя Великого Рулевого, и все это в страшной суматохе. Дали ликовал: его номер «Vogue» будет сенсационным. Само собой разумеется, что все будут сбиты с толку и тем самым кретинизированы.

— Уф! — выдохнул Дали, когда все разъехались. — Наконец-то мы одни! Эти люди меня исчерпали. Давайте отдохнем у нашего бассейна и пойдем пить чай к Гале.

Тем летом Беа был на поправке в Барселоне, ему только что сделали операцию на легком, и я его заменила в мастерской. Дали заставлял меня рисовать с натуры, причем натурщики и натурщицы были выбраны среди завсегдатаев кафе «Клуб Средиземное море». Он задумал большой плафон для своего музея и трудился не покладая рук. На полотне должны были быть изображены танцовщики сарданы, императоры, слоны, балерины — и все это под дождем из золотых монеток. Оставалось только найти цвет неба. Однажды, поедая абрикос, он вскричал: — Вот! Я нашел! Небо будет абрикосового цвета, только он один здесь подойдет.

Чуть позже, купаясь в бухточке мыса Креуз, он попросил меня дать ему брызжущий соком белый персик. Мэтр плавал и грыз плод, сок стекал по его подбородку и он вопил на верху блаженства:

— Ах, какое наслаждение! Этот фрукт в чистой воде! К тому же он еще холодный (персик долго охлаждали). Это божественно!

Этот плод стал для него символом самой жаркой поры лета и беззаботного отдыха, апофеозом всех его желаний и символом их полного удовлетворения. Он сказал мне об этом много лет спустя. Однажды мы сидели с ним в каком-то вульгарном ресторане, и он вздохнул: «Все это не стоит моего прекрасного персика…»

Что еще можно добавить?

Гала прислала нам нечто вроде приглашения в свой замок Пуболь. По телефону она попросила Дали ничего не критиковать, даже если ему что-то не понравится.

— Вы знаете, — доверился мне он, когда мы ехали к ней, — она там никогда не будет жить. Этот замок — предлог, чтобы удалиться и оставить нас одних. И кроме того — я ее хорошо знаю, мою Галу — у нее появилась идея: превратить этот дом в гнездышко для влюбленных и предложить его вам, если в один прекрасный день вы выйдете замуж за кого-нибудь, кто будет этого достоин. Это для вашего свадебного путешествия она занялась всем этим. Вы увидите, она там не будет жить.

Гала ждала нас на крыльце и решила прежде всего показать сад. Бассейн был почти закончен.

— Я хочу, чтобы ты мне нарисовал здесь скамейку в форме цветка, — попросила она Дали.

— Нет, слонов. Я здесь их очень хорошо себе представляю, — ответил он, ткнув палкой в розовый куст.

Герб с вороном возвышался над входом. В приемной, выкрашенной в белый цвет, стоял огромный стол, служивший столом для презентов, я заметила еще большие канделябры и кресла с высокими спинками, обтянутые белой тканью. Гала перерыла лавочки антикваров в Ля Бисбале. Ее спальня была красивой, но гостиная несколько голой, как мне показалось. Гобелен, несколько торшеров и филигранно отделанная дверь… — вот и все, чем мог похвастаться салон Галы. Ситуация была несколько натянутой. Мы уселись на красный диван, в точности похожий на диван из круглой спальни в Кадакесе. Маленький стеклянный столик был украшен страусовыми лапами. Говорили мы о каких-то пустяках. Я была очень удивлена, а Дали, видимо, смущенный, ерзал на своем сидении. Оставалось только осмотреть столовую с длинным черным столом; работа над камином еще не была завершена. О том, чтобы мы посмотрели другие комнаты, не было и речи.

— Наверное, я должна была повременить и не приглашать вас пока.

В конце концов она объяснила мне причину скромного убранства комнат:

— Я хочу, чтобы все было по-монашески. Я часто подумывала о том, чтобы уйти в монастырь, остаться одной. Я люблю одиночество и простоту. У Дали все слишком разубрано.

— Ах, это! Ты еще не знаешь, что мы затеяли! Готовься к худшему, ты увидишь наш бассейн!

— Знаю, знаю, — ответила Гала. — Ты можешь об этом не сообщать. Представляю себе свинство, которое ты там развел. У тебя вкус ничтожного провинциала из Фигераса!

Мы собрались уезжать. Дали бросил ей на прощание:

— Возвращайся поскорее, Галюшка. Я тебя жду, ты знаешь. Возвращайся ко мне! Baby, come back!

— Никогда, — ответила она. — Мне слишком хорошо здесь без тебя, оставайся с Амандой.

На обратном пути Дали заговорил со мной о Гале, о ее застенчивости, о ее нежности по отношению ко мне и одновременно о ее неуверенности, вызванной моей молодостью и красотой. Он говорил о ней с такой любовью, что я невольно спросила себя, не следует ли что-нибудь предпринять, чтобы она вернулась в Кадакес. Однако на следующий день,

когда мы обедали в столовой с головой носорога, он сказал:

— Я долго думал о нашем положении. Мы должны пожениться. Но нужно, чтобы это был секретный брак. Так еще делают, один старый монах из Барселоны мне об этом говорил. Секретный брак без свидетелей, освященный церковью и полностью законный. Единственная проблема состоит в том, говорить об этом Гале или нет.

Я не знала, что и думать, не знала, говорит ли он это всерьез или разыгрывает меня. Я уже успела привыкнуть к его причудам… Во всяком случае, что ни говори, брак казался мне невозможным.

— Я вас уверяю, это абсолютно возможно, — настаивал он. — Мы будем мужем и женой по духу; не перед законом, а перед Богом, только это имеет для меня значение. С точки зрения морали я буду себя лучше чувствовать перед Галой и смогу вам помочь финансово, без того, чтобы создавалось впечатление, что я изменяю жене с любовницей. Вы будете моей законной женой, согласны?

Он был крайне удивлен, что я решила подумать.

На следующий день я согласилась на брак, но продолжала сомневаться в том, что он состоится.

— Благодарю, благодарю, — сказал он страстно. — Вы знаете, я всегда получаю то, чего хочу. Я вам обещаю, что осуществлю эту мечту. Уже завтра мы взберемся на Рокакорву, чтобы справиться о монастыре.

Рокакорва представляла собой обрывистый горный склон, затерянный в горах Ампурдана, на котором возвышалась крохотная часовенка. Артуро нас повез туда на машине, остановившейся у ее подножия: дальше мы должны были ехать на ослике по опасной с виду тропинке. Маленький ослик спотыкался о камни, постоянно скользил. Нам пришлось в конце концов идти пешком, и мы достигли цели совершенно обессилевшими. Несколько куриц прогуливались у подножия распятия, перед домиком, прилепившимся к скале. Пустынная местность идеально подходила для какого-нибудь отшельника. Дали побеседовал с хозяином-бородачом, и мы стали спускаться. Спуск на спине осла показался мне еще более опасным, чем подъем. Я успокоилась только тогда, когда мы добрались до машины. Дали был доволен нашей поездкой.

— Это возможно, — прошептал он, — но нам нужно совершить еще один подъем. В СанПедро-де-Рода. Там расположено чудесное аббатство, и священник как раз такой, как нам нужно.

Я была так измучена предыдущим подъемом, что не отвечала.

Для Дали, конечно, было что-то символическое в этом подъеме к горным вершинам — он хотел подняться со мной к небесам.

Проанализировав себя, как он это делал всегда, Дали сказал мне, что эта жажда высоты вызвана желанием эрекции, что было очень важно для него, любившего выставлять себя импотентом. Я ненавидела горы, и для меня все это было слишком сложным.

На следующий день я стала рисовать Рокакорву по памяти. Дали был удивлен тем, как я точно все запомнила. Изобразив вершину, я заполнила пустое пространство огромным кубом. Дали посмотрел на мою картину и заключил:

— Вы нарисовали своего отца. Бессознательно вы нарисовали своего покойного отца перед Рокакорвой.

Я не могла понять, где он увидел моего отца, но, бесспорно, моя картина его заинтриговала.

Лето подходило к концу.

— Пшеница сжата, — сообщила я ему однажды утром. — Все кончается.

Он огорчился: — Нет, не говорите мне об этом. Ничего еще не кончилось. Но вы не собираетесь уезжать, я надеюсь?

— Нет, Дали, мне нужно вернуться в Лондон. Я должна сделать фотографию с Бэйли для вашего номера «Vogue». И еще я должна найти новую квартиру. У меня масса нерешенных проблем, да и лето не может длиться вечно.

— Но вы вернетесь? Мы поедем на несколько дней в Барселону. Сделайте мне приятное! И потом, мы же еще не поженились!

Я пообещала вернуться как можно скорее. Дали отвез меня в аэропорт и ждал, пока я займу место в самолете. Он поднял палку, как будто отдавал честь. Вид у него был растроганный.

Я никогда не забуду это лето.

Глава 17

Как и было обещано, я провела с ним несколько дней в Барселоне. Это было l'estiu de la San Marti, лето Святого Мартина. Дни были еще жаркими, а вечера уже холодными. Я нашла Дали в холле барселонского «Рица», он сказал: «Гала вас целует» и поцеловал меня в лоб. В тот же вечер он повел меня на спектакль Маруха Гарридо, так называемой Картагенеры, певицы и танцовщицы фламенко, необыкновенно темпераментной особы. Она посвятила ему песню «Мой мужчина», спетую по-испански («Es my hombre»), а после окончания представления подошла к нам. Дали находил Картагенеру феллинианкой и устроил для нее гала-концерт в Олимпии вместе с Бруно Кокатриксом.

Он использовал мое пребывание в Барселоне, чтобы посетить со мной монастырь Монтсеррат. Снова последовал подъем в горы, где мистицизм был смешан с любовью. Мы преклонили колени перед этим историческим монастырем, и Дали опять заговорил о браке.

В воскресенье мы отправились на последнюю корриду в сезоне. Там блистал знаменитый Эль Кордобес. Он вел себя как звезда, но испортил кульминационный момент корриды. Публика свистела и бесновалась в то время, как он яростно приканчивал своего быка. Дали считал Эль Кордобеса великим.

— Он ведет себя, как Веласкес: сначала неслыханно грациозные пируэты, цель которых непонятна, а потом блестящий удар шпагой, как решающий мазок кисти, завершающий полотно. На некоторых картинах Веласкеса есть такие места, где мазки его кисти особенно яростны, как будто он торопится окончить картину. Так и Эль Кордобес, он прикончил своего быка совершенно безумным ударом, что не принято, и поэтому вызвал свистки публики.

Дали захотел лично поздравить тореро. Несмотря на явный магнетизм, тот был очень плохо воспитан. Высокомерие сочеталось в нем с харизмой рок-певца. Он принял нас с обнаженным торсом и сделал несколько неприятных замечаний в адрес барселонской публики. Его уверенность и спесь так позабавили Дали, что он пригласил тореро поужинать с нами. Но Эль Кордобес собирался уезжать. Мы ужинали в компании нескольких друзей, пришедших в «Дю Барри» на Виа Венето.

Эти несколько дней в Барселоне вернули мне всю сладость лета. Утром в день моего отъезда мне было очень тоскливо. Дали зашел ко мне в

спальню, чтобы меня поцеловать, и протянул мне пачку кредиток, настаивая на том, чтобы я их взяла:

— Берите, берите! Они вам пригодятся в Лондоне. Возьмите эти грошики! Мы ведь почти женаты, и я могу вам сделать небольшой подарок.

Действительно, эти деньги пригодились мне в Лондоне. Я переехала на Элвастон Плэйс и устроилась в дешевом отеле «Константин» в южном Кенсингтоне. Служащий отеля Пилар, занимавшийся приемом гостей, оказался испанцем, мы быстро подружились, и он был польщен возможностью перемолвиться по телефону со знаменитым сеньором Дали и принимать его сообщения, когда меня не было дома. У меня больше не было машины, малютка «Мини» приказала долго жить, и мой друг Дикки часто забирал меня в конце недели в прекрасный дом в Суссексе, принадлежавший одному из наших друзей.

Однажды вечером Дикки представил мне молодого человека с сильным немецким акцентом, Рикки фон Опеля, который довез меня на своем «Роллсе» прямо до отеля.

Его родители скончались, и он был наследником огромной автомобильной империи и значительного состояния. У него было два «Роллса», он был профессиональным автогонщиком на «Формуле 3», только что приехал в Лондон и искал квартиру в Вест-Инде. Потом он звонил мне несколько раз и просил поводить его по Лондону. Я показала ему Портобелло Роуд, несколько модных ресторанов вроде «Аретузы» и «Сан-Лоренцо», антикварные магазины, стихийные вещевые рынки. Мой немец от всего приходил в восторг, ему хотелось всего и тотчас же, и он меня забавлял.

Он ухаживал за мной несколько недель, и в итоге предложил мне поехать с ним на Сейшельские острова. Зная его устоявшуюся репутацию наркомана, я отказалась, и он поехал один.

Дали попросил меня пойти с ним на сюрреалистский бал к Ротшильдам в их замке Ферьере, и я присоединилась к нему в Париже. Я нашла мэтра очень возбужденным приездом Пинеро, которому удалось создать металлического коленчатого Христа, который закрывался и раскрывался как зонтик. Дали и Пинеро устроили его показ под Эйфелевой башней, и Дали облаченный в бобровое манто, которое его толстило, вещал об открытии своего музея, взобравшись на грузовик. Он представил мне нового Людовика XIV, красивую блондинку с роскошной шевелюрой. Можно было не сомневаться: первому Королю-Солнце была не по душе подобная конкуренция, и Дали делал все, чтобы подогреть их соперничество. Людовик XIV № 1 в итоге осталась его близкой подругой, а

Людовик XIV № 2 исчезла через некоторое время после своего появления.

Для сюрреалистского бала Дали смастерил мне роскошный головной убор: акульи челюсти, украшенные искусственными розами. Сам он хотел появиться на балу в паралитическом кресле, над которым должен был возвышаться зонтик. Другие приглашенные были ничуть не хуже. Маска Алексиса де Реде была одной из самых удачных: она представляла собой Джоконду с цилиндром на голове. Это очень понравилось Дали.

Здесь собрался весь цвет Парижа: Леонор Фини, Жан-Клод Бриали, Ив Сен-Лоран, Мари-Элен де Ротшильд и так далее, и тому подобное…

Мы сидели за одним столом с Одри Хепберн, голова нашей соседки была заточена в птичью клетку. Наш столик назывался «столиком метафизических перспектив». Каждое блюдо имело сюрреалистское название. Но когда Одри попробовала одно из этих блюд, она тотчас же поперхнулась и выбежала из-за стола, задыхаясь от кашля. Я же испытывала ужасные страдания из-за акульих челюстей, сдавливавших мне голову.

Знаменитый номер «Vogue» только что вышел и стал пищей для пересудов. Его раскупили за несколько недель, но никто ничего не понял. В самом деле, кто знает Франческо Пужоля или Джанбаттиста делла Порта, неаполитанского писателя XVI столетия, из-за которого Дали возымел идею сделать мою фотографию с несколькими зрачками.

Говорили только о Верушке в костюме Мао Цзэдуна и поздравляли Дали с обустройством замка Пуболь, цветные фотографии которого, сделанные Марком Лакруа, занимали три страницы журнала.

Однажды Дали пригласил меня в Оперу вместе с Галой и ее юным подопечным, Пастушком, чтобы послушать Ростроповича и его жену, Галину Вишневскую, которая пела в «Евгении Онегине».

Гала поздоровалась с Ростроповичем и Вишневской и пригласила их на следующий день к Лассеру. Знаменитый диссидент был восхищен роскошью ресторана: серебряной посудой, кружевными скатертями, садовой овсянкой. Его французский был слабоват, но Гала получила огромное удовольствие, поговорив с ним по-русски. Ей так редко приходилось разговаривать на родном языке! Когда Ростропович спросил, кто я такая, Дали попытался ему объяснить, что я ангелоподобное существо или, говоря проще, одна хиппи. Увидев замешательство Ростроповича, Гала взяла на себя труд самой объяснить это музыканту, но мы так и не поняли, что именно она сказала.

Мы видели Ростроповича и Вишневскую несколько раз. Однажды, в отсутствие Галы, Дали попросил великого виолончелиста прийти в

«Мерис». Шторы были опущены, и в полумраке Ростропович играл для нас добрых 45 минут. Дали был очень растроган, услышав любимую мелодию своего отца из «Ловцов жемчуга», исполненную божественно и к тому же в узком кругу слушателей. Дали обнял меня незаметно для музыканта и прошептал: «Я вас обожаю».

Возвратившись вечером в отель, я нашла послание, достаточно ясно сформулированное: «Месье фон Опель звонил вам из Лондона». Потом он перезвонил и сообщил, что приезжает в Париж на следующий день вечером. Я сообщила эту новость Дали, когда мы обедали у Лейдена. Я объяснила ему, кто такой Рикки, и мэтр возымел желание с ним познакомиться. Он рассказал о Рикки Гале, тоже захотевшей его увидеть. Когда мой немецкий друг появился в отеле, чудесно загоревший после пребывания на Сейшелах, я сообщила ему, что Дали и Гала ждут нас в «Максиме». Он поспешил в Фобур-Сент-Оноре, накупил атласных рубашек и, между делом, одно совершенно фантастическое украшение — брошь в форме креста в ореоле солнечных лучей. Правда, бриллианты были фальшивые. Когда я представляла Рикки, Дали не мог оторваться от брошки. «Какой красивый плевок!» — воскликнул он.

Гала нашла Рикки очень хорошо воспитанным. Со своими огромными очками и длинными, слегка завитыми волосами, он был больше похож на студента, чем на миллиардера. Он рассказал, что он гонщик на «Формуле-3», явно не хотел упоминать о своей семье и случайно произнес имя кузена, Гюнтера Сачса. В итоге Гала решила, что это вполне достойный молодой человек, и что я должна как можно скорее женить его на себе. К сожалению, он не принадлежал к аристократии, но зато был богат, она нас благословила и предложила в качестве свадебного подарка путешествие в Пуболь. Правда, Рикки склонил ее на свою сторону, преподнеся ей в конце ужина свою брошь из фальшивых бриллиантов. Дали был более сдержан. Он не забыл о катастрофе с Дирингом.

Рикки захотел, чтобы я провела Рождество в Колумбии, где жила его семья. Я же собиралась провести Рождество с Дали и не собиралась менять свои планы. Однако Рикки продолжал настаивать и даже попросил у Дали разрешения на мое путешествие в Южную Америку. Эта настойчивость избалованного ребенка меня раздражала, тем более, что Дали меня предостерег:

— Будьте внимательны, малышка! Этот фон Опель бегает за вами, потому что вы ему отказываете. Если вы сдадитесь слишком быстро, он на вас не женится.

В конце концов Дали разрешил мне уехать, но скрепя сердце. Для

Дали вся Латинская Америка была «колоссальной скукой».

Мы улетели в Южную Америку перед Рождеством и приземлились в Боготе. Там мы сели в двухместный самолет и полетели над огромным лесом. Вдруг я поняла, какую глупость совершила, позволив увлечь себя в джунгли этому сумасшедшему, увлекшемуся мной только потому, что я не отвечала ему взаимностью. Было над чем призадуматься. Самолет приземлился в Картахене и дальше мы поехали на джипе, пока не остановились в маленьком городке на берегу моря. Кузены и кузины Рикки жили в огромной вилле, но мы устроились в маленьком домике, чтобы чувствовать себя независимыми. Однако в нашем жилище не оказалось кондиционеров, стояла ужасная жара, и москиты вволю насладились незащищенностью помещения. Несмотря на то, что все были со мной очень любезны, я продолжала дуться. Габриель, молодой кузен Рикки, возил нас на маленький островок. Мы спали на дне жесткой лодки, и на Рождество я в совершенно несчастном состоянии рыдала, уткнувшись лицом в кушетку. Рикки и его признания в любви раздражали меня все больше и больше. Не устояв перед моей печалью, он решил, что нам надо вернуться в Лондон. Самолет сделал временную посадку в Нью-Йорке, я позвонила Дали и рассказала ему о моей жуткой поездке:

— Я вас предупреждал, — сказал он, — это ужасное место! Надеюсь, что вы по-прежнему ему отказываете. Он повез вас туда только для того, чтобы вырвать вас из моей опеки и тем самым побороть вашу стойкость.

Меня ждал самолет, и я повесила трубку. Во время полета я почти не разговаривала с бедным Рикки. Когда мы оказались перед моим отелем, он стал доказывать мне с несокрушимой немецкой логикой, что у меня нет средств жить в этом отеле, тогда как он богат и одинок и занимает к тому же роскошные апартаменты на Белгейв Сквер, слишком просторные для него одного. Почему бы мне там не устроиться, пока я не подыщу себе квартиру? У меня будет собственная спальня, собственный ключ, полная независимость. Я слабо возразила, что Белгейв Сквер находится далеко от Кингс Роуд, где я часто бываю.

— Я одолжу тебе мой «Роллс», — настаивал он. — У меня их два. Я им никогда не пользуюсь. Ты сможешь его водить! Я тебя прошу, соглашайся… Только на время… Ведь это логично…

Итак, в начале нового года я оказалась в квартире в самом центре Лондона, обставленной крикливо и безвкусно, в соседней комнате жил амбициозный молодой человек, убежденный в том, что он все равно меня завоюет. Мои друзья не ожидали меня увидать за рулем голубого «Роллса». Моя жизнь улучшалась день ото дня, Рикки исполнял все мои просьбы. Он

устроил для меня личную телефонную линию, покупал шали, чтобы я украсила свою спальню. Квартира была обставлена заново. Рикки нанял повара-мажордома, который баловал нас своими шедеврами. Мой друг обожал Энди Уорхола, был счастливым обладателем нескольких его полотен и его кубов Brillo pads, которые мне казались ужасными. Я пригласила к нам своих подруг. Они нашли Рикки мало симпатичным.

Он представил мне своих друзей, все они принадлежали к финансовым кругам. Они говорили только об Уолл-стрит, бирже, «Доу-Джонсе». Я не понимала, как может молодой человек вести такую скучную жизнь. Он все время работал, возвращался выпить чашечку чая и в конце дня давал деловые обеды. Он одел меня с головы до ног, чтобы я соответствовала его гостям, купил мне меховое манто и множество сумочек. Целое состояние было истрачено у Сен-Лорана и Шанель. Я была одета, как буржуазка, и с пресыщенным видом сидела за рулем голубого «Роллса». Я перестала себя узнавать. Я сказала Рикки, что за рулем «Роллса» похожа на путану высокого полета. Он тут же предложил мне небольшую машину с черными стеклами.

Дали позвонил из Нью-Йорка и сказал, что я влюблена.

— Да, да, именно так. Мало-помалу он вас соблазнит. Это завоеватель, а вы не умеете ему сопротивляться.

Он был недалек от истины. С другой стороны, я находилась в финансовом кризисе, что он отказывался понимать, и к тому же Рикки меня умилял. Он рассказал мне о смерти своей матери и о том, каково ему было, когда он по целым дням не видел никого, кроме старой гувернантки и сестры Путци, которая жила между Сент-Морицем и Сен-Тропезом. По моему мнению, он больше нуждался в мамаше, чем в подружке.

Именно поэтому он одевал меня, как даму, и не любил мои футболки и голубые джинсы. По воскресеньям я сопровождала его на автогонки, наблюдала закулисную жизнь Сильверстоуна, Брендс Хатч, Монако, и вращалась среди автогонщиков. Я трепетала от страха, когда Рикки садился в свою машину, одетый в огнестойкий комбинезон и с шлемом на голове, который я сама выкрасила в черный цвет. Пока он ехал с максимальной скоростью, я томилась в компании его техников. Я не могла понять этого патологического желания разбиться. Сам Рикки не снисходил до того, чтобы точно описать мне свои гоночные ощущения.

Вскоре наша жизнь устроилась. Друзья Рикки время от времени приходили его навестить. Его сестра Путци, захотевшая изменить форму носа с помощью пластической операции, приехала посоветоваться с братом. Они были очень дружны. Когда он уехал по делам, я осталась одна.

Я была повергнута в ужас метрдотелем, которого подозревала в занятиях черной магией, и перебралась в Челси. Мои друзья смеялись над Рикки, над его немецким акцентом и невероятной дисциплинированностью, над отсутствием у него фантазии. В самом деле, я понимала, что мы слишком разные для того, чтобы надолго остаться вместе.

Однажды вечером в Трампсе мы встретили наших друзей, ужинавших с Марисой Беренсон. Она видела меня в роскошных туалетах и спросила, кто мой дружок. Она хотела знать, соответствовала ли действительности легенда о его богатстве, и видела ли я его виллу в Сен-Тропезе. Она только что разошлась с одним из сыновей Ротшильда и пока не имела покровителя. После того, как мы с Рикки расстались, она сумела ему понравиться и несколько месяцев пожинала плоды его щедрости.

В апреле Дали уехал из Нью-Йорка в Париж. Я встретилась с ним там. Он похвалил мою элегантность, но заметил, что я несчастлива. Чтобы отвлечь его внимание, я попросила рассказать мне о Нью-Йорке:

— Это полный упадок, — поделился он. — Представляете, они в целях экономии перестали подавать на завтрак вишни в грейпфрутовом соку!

Король-солнце, как всегда, в хорошем настроении, расспросила меня о Рикки. Она никак не могла понять, почему я не влюблена в него, ведь он так щедр со мной. Симон Вейнтроп, деловой человек, с которым Дали подписал несколько контрактов, представил нам певца Майка Брэнта. Он был тогда всеобщим кумиром, и его появление в «Максиме» вызвало ажиотаж. Однако он вел себя очень просто и много рассказывал мне об Израиле.

Несколько дней спустя Вейнтроп подарил Дали беговую лошадь. В воскресенье, когда мы планировали выставить ее на бега, Дали решил, что для этого нужно отправиться в Лонгшамп. Ни он, ни я никогда там не были, но Людовик XIV оказалась знатоком в этой области. Мы должны были выглядеть очень элегантно. Дали заказал себе серожемчужный фрак с цилиндром и отправил меня к мадам Полетт, на авеню Франклин-Рузвельт. Она сшила для меня белый капор с вуалью, украшенный искусственными цветами. Моя шляпка была смешной, но запоминающейся. Я щеголяла шелковой блузой от Сен-Лорана и высокими каблуками. Но увы, несмотря на все это великолепие, я чувствовала себя неловко и не на своем месте. Дали в качестве напутствия похлопал лошадь по холке, поздоровался с Марией Феликс, неотразимой в своей чернобурке, и мы заняли места на трибуне ипподрома, рядом с Жаном Габеном. Он выглядел очень солидно в своей твидовой шляпе. Габен дружески болтал с нами обо всем, кроме лошадей.

Наша лошадь не выиграла. Вообще ее содержание стоило ужасно дорого, и Дали быстро от нее избавился. Нам остались забавные фотографии и капор от мадам Полетт, тоже очень дорогой. Дали решил употребить шляпку в полезных целях и хоть как-то оправдать затраченные на нее деньги. Он водрузил ее на манекен 30-х годов, стоявший в его ателье. Потом он сам стал ее носить и загорал в ней у нашего бассейна. Очень скоро она порвалась в нескольких местах и приобрела плачевный вид.

Рикки с нетерпением ждал меня в Лондоне. Он собирался в первый раз участвовать в автогонках «гран-при» Монте-Карло. Его сестра Путци и их старая гувернантка решили присутствовать на этом событии. Мы остановились в «Эрмитаже». В последний раз я была в Монте-Карло с Дали, он еще потом уплыл на «Микеланджело». Мы выпили по чашечке чая в отеле «де Пари», и Рикки поделился со мной новостями. Улицы Монако были перегорожены, путь автомобилистов отмечен снопами соломы и барьерами. Мы встретили Джекки Стюарта, Эмерсона Фиттипалди. Рикки нервничал, не находил себе места. В полдень он ушел на испытания, и я осталась ждать его в нашей спальне. Когда в дверь постучали, я крикнула: «Входи, дорогой!». Но вместо «дорогого» вошел молодой человек весьма соблазнительной наружности. Это был Франсуа Север, тоже гонщик и друг Рикки. Он оказался нашим соседом. Мы стали ждать Рикки вместе, и я предложила ему чай. Он напомнил мне, что мы несколько раз встречались в Париже в компании Дали, на нескольких вечерах. Он тогда был с Кристин де Карамон. Дали его видимо, изрядно позабавил, и он задал мне несколько вопросов о мэтре. У Франсуа была самая обезоруживающая на свете улыбка. Я нашла его таким соблазнительным, что от его чар меня могло спасти только внезапное появление Рикки. Он не участвовал в завтрашних соревнованиях, вел себя раскованно и флиртовал, улыбаясь. Пришел Рикки, возбужденный приближением гонок, и даже не заметил моего смущения. Он обсуждал с Севером машины, а потом мы отправились выпить кофе в кафе «де Пари», где Путци и ее бой-френд Мим Скала присоединились к нам.

Как всегда накануне гонок, Рикки спал мало. Утром он нервничал и был совсем не в форме. В компании нескольких друзей я наблюдала за гонками с балкона первого этажа нашего отеля. Рикки вышел из гонок через несколько кругов.

Вернувшись в «Эрмитаж», он сказал мне, что так произошло по вине мотора. Мы сели на первый самолет, летевший в Ниццу, не дожидаясь конца гонок. В Лондоне он вернулся к своей работе, врывался в нашу

квартиру, как ветер, и, как только мог, возвращался к своим машинам. Я была брошена и до смерти скучала, мне даже не удалось окончить картину, начатую в Париже, где Дали вливал в меня силы. Он мне часто звонил из Кадакеса: жинесты были в цвету, ожидается замечательное лето. Я говорила ему, что ужасно скучаю, что моя тоска никогда не кончится. Я не была создана для того, чтобы сидеть одной в красивой квартире и ничего не делать с утра до вечера. Рикки воспринимал меня как предмет роскоши, и это положение дел меня не удовлетворяло.

В середине июля, когда он вернулся с гонок в Сильверстоун, я сказала ему, что мы должны расстаться. Он ждал этого. «Куда ты пойдешь?» — спросил он. Увы, логика не покинула его даже в этот момент. Я сказала ему, что вернусь в Южный Кенсингтон, в отель «Константин». «Я оплачу твой отель, если ты хочешь, по крайней мере, на первых порах», — уточнил он.

В первое время мне было очень трудно. Я отвыкла жить одна, и, очутившись в гостиничном номере, поняла, как мне не хватает Рикки.

Мой неудачный роман стал началом депрессии. Я не прекращала плакать и жаловаться. Ничего не удавалось. Вся моя жизнь была цепью неудач. Дали очень беспокоило мое состояние духа. «Вы так любили этого фон Опеля?» — спросил он меня по телефону. На самом деле, я не любила Рикки, но мне было невыносимо ощущать на своих губах горький привкус, оставшийся после этой авантюры. Рикки зашел ко мне два раза. В течение нескольких месяцев он продолжал платить за отель, на короткое время сошелся с Марисой Беренсон, а потом я больше ничего о нем не слыхала. Он исчез из Лондона.

Быть может, он отправился в какой-то индийский монастырь, как намеревался уже несколько раз…

Я тоже почувствовала большую потребность в перемене атмосферы. Поэтому для меня неожиданной удачей оказалось предложение Кевина Мак-Клори — создателя первого Джеймса Бонда. У него был дом в Ирландии около Дублина, в Каунти Килдар. Я собиралась провести там несколько дней и посмотреть на боксерский бой с участием Кассиуса Клея. Это событие собрало много народу, и ужины сменяли вечеринки. Кевин был в ладах со всеми вокруг, и его дом не пустел. Он устроил обед для режиссера-постановщика Джона Хьюстона, дочь которого, Анжелику, я хорошо знала. Вокруг меня много говорили о лошадях, гонках и спорте. Я все время молчала и не могла справиться со своей печалью. Я вернулась в Лондон, где мои друзья попытались меня развлечь. Пенелопа Три целыми днями выслушивала мои рассказы и водила меня обедать. Но ей не удалось меня развеселить. Дали сказал, что меня исцелит приезд в Кадакес, и я

вылетела туда в июле, чтобы обрести то, что мне все больше и больше казалось домом и семьей.

Гала проявила большой такт и не говорила со мной о моем друге. Дали выбивался из сил, чтобы меня развлечь. Потом к нам приехала Людовик XIV, и мы возобновили купанья в бухточке мыса Креус. Позже мне сказали, что я буквально испортила всем лето. Я пребывала в меланхолии, но Дали говорил, что ему нравится, когда я печальна, потому что я становлюсь еще красивее. Он представлял мне новых «женихов», водил меня ловить форель, показывал мне водопад, но все напрасно. Чтобы меня развлечь, он даже разрешил мне порыться в бумагах, хранившихся в мастерской. Я обнаружила дорожную корзину, до краев набитую письмами, которые не были даже распечатаны. Это была корреспонденция, достойная поп-звезды, послания с четырех концов света, многие из США и даже из СССР. Некоторые из них были написаны ясновидцами или чудаками-изобретателями.

Когда Дали узнал, что фон Опель сошелся с Марисой Беренсон, он процитировал мне Саша Гитри: «Теперь она увидит, чем вы довольствовались…»

Гала уехала в Пуболь с Джефом Фейнхолтом, молодым американским певцом, с которым она познакомилась в Нью-Йорке, где он участвовал в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда». За длинные пепельные волосы и бородку он тут же получил прозвище «Иисус Христос». Гала считала его красивым и восхищалась его талантом. Он рассказывал ей о своих проблемах: у него не было студии грамзаписи, и он собирался уйти от жены. Поскольку ему нужно было играть на гитаре и петь, и все это посреди ночи, Гале пришлось терпеть этот Содом, от которого нигде нельзя было укрыться. Они приехали вместе в Порт-Льигат. Дали обнял Джефа и посоветовал ему не обрезать волосы. Тот был слегка болтлив и высокомерен, разговаривал только с Галой и бросал на меня страшные взгляды.

Я должна была вернуться в Лондон, чтобы еще раз сменить квартиру. Актриса Сусанна Йорк одолжила мне свою студию на Глеб Плейс, на углу Кингс Роуд. Это была замечательная комната, с огромным окном, украшенная макетами мюзик-хольных костюмов Эрте, которые Сусанна коллекционировала.

В первый раз за истекший год я вернулась к работе манекенщицы. Я представляла коллекции Оззи Кларка. Показ мод происходил в помещении театра «Кингс Роуд», где шла музыкальная комедия «The Rocky Horror Chow», пародировавшая декаданс 70-х годов. Это событие приобрело еще

больший резонанс благодаря тому, что певица Марианна Фэйтфулл приняла в нем участие. Я представляла платья из набивного шифона. В партере сидели сливки лондонского общества. Я заметила певца из новой группы «Рокси Мюзик», который казался очарованным. Его звали Брайан Ферри, и после окончания шоу он подошел ко мне, чтобы попросить позировать для футляра своего нового альбома. У него было очень точное представление о том, как должен был выглядеть этот футляр, и на фотографии я выглядела, как пневматическая pin-up в стиле 50-х годов — платье из черной кожи, высокие острые каблуки, вуалетка и атласные перчатки. Ко всему прочему я держала на поводке черную пантеру. Группа была симпатичной, и я с радостью познакомилась с новыми людьми. Брайан стал моим другом, помог мне обустроиться, даже перетащил мою кровать. Среди собственной мебели мне стало спокойнее.

Я вернулась в Кадакес, чтобы провести остаток лета с Дали. На въезде в Фигерас я впервые заметила огромное оливковое дерево, посаженное перед лавочкой сувениров и называвшееся, само собой разумеется, l'Olivero. Я рассказала о дереве Дали, и он пришел в восторг:

— Если оно действительно исключительное, оно будет в моем музее! Я так хочу. Завтра же мы отправляемся его искать.

Он поторопил Сабатера, молодого фотографа, все больше и больше вертевшегося вокруг мэтра, чтобы тот потолковал с хозяевами дерева.

Сабатер подтвердил, что это оливковое дерево было совершенно необычным, и сообщил нам, что его владельцы не запросят много за его пересадку:

— Я собираюсь сделать из него памятник и, поскольку это подарок Аманды, я посажу дерево на площади перед музеем.

Оливковое дерево лишь символически можно было назвать моим подарком, потому что цена на него мгновенно подскочила, когда хозяева узнали, что странный покупатель никто иной, как Дали. Они стали говорить, что это дерево уникально и что ему уже несколько сот лет, и без конца поднимали цену. После многочисленных споров Дали согласился обменять одну из своих акварелей на дерево.

Я понемногу стала выходить из состояния депрессии, и поэтому сентябрь был для меня гораздо приятнее, чем начало лета. Однажды утром к Дали приехал Шарль Трене с целой командой телевизионщиков. Трене и Дали давно знали друг друга, и наш гость ужинал с нами. Перед этим они с Дали пели хором около бассейна и ребята с телевидения снимали эту сцену. Для съемок Трене использовал специальный порошок, отбеливавший зубы, как это делают многие артисты. Дали оставался уверен в том, что это не

порошок, а разновидность майонеза, и мои объяснения его не убедили.

Мэтр познакомил меня с художником из Кадакеса, Антонио Питхотом, который тщательно копировал все камни, встречавшиеся ему на пути. В результате его картины были настолько реалистическими, что можно было принять их за действительность. Дали считал его талантливым и предложил выставить его полотна на первом этаже музея, где мэтр хотел устроить специальный зал для картин молодых художников.

Мы часто ходили смотреть на то, как идут работы, в сопровождении Рамона Гвардиолы, мэра города. Открытие музея было назначено на следующий год. Дали часто возил меня на озеро Вилабертран, которое он хотел купить в память о своем детстве. На самом деле это был довольно обширный водоем, населенный лягушками, с маленьким островком посредине. Солнце садилось. Сумерки навевали какую-то печаль, и Дали сравнил пейзаж с картиной Модеста Ургеля, художника XIX ст., который изображал лишь меланхолические кладбища.

Однажды мы решили нанести визит Жозефу Пла, старому каталонскому писателю, жившему недалеко от Ля Бизбал, в большом сельском доме. Я никогда не видела настоящего сельского жилища, и этот визит навсегда запечатлелся в моей памяти. Первой вещью, поразившей меня, была огромная черная печь на кухне, где Пла нас принимал. Он угостил нас горячим шоколадом и бисквитами. Дали спросил, где туалет, и, вернувшись, посоветовал мне обязательно туда зайти. Это место не было особо чистым, но я не заметила ничего особенного. Вернувшись, я спросила у Дали, что же, собственно, я должна была заметить.

— Там, внизу, вы ничего не заметили? И это вы, с вашими стрекозиными глазами, от которых ничего не ускользает? Вы не заметили экскременты, принадлежащие Пла? Это колоссально! Это дерьмо может о многом рассказать. Оно меня восхитило. Как только я его заметил, я со своим методом критической паранойи определил, что это что-то необыкновенное. Грандиозное! Остается только узнать, что…

Он просто упивался этими разговорами и не унимался весь вечер:

— Дерьмо обыкновенного человека не имеет ничего общего с дерьмом человека искусства. Оно благородно, оно необыкновенно! Один художник даже выставлял свое дерьмо в баночках с этикетками и датами. Это было чудесно!

Я вспомнила, что однажды, когда мы прогуливались в окрестностях Фигераса, он указал мне тростью на выделения, облепленные зелеными мухами. Я отвернулась, но он не унимался:

— Посмотрите, какая красота! Какое сочетание цветов! Если бы у

меня сейчас были под рукой кисти…

История с экскрементами была забыта. И весь следующий день я оформляла огромные букеты patarras, которые приносил Артуро. Это были сиреневатые цветы, нечто вроде иммортелей. Я сначала расставила их на окнах в столовой, а потом не удержалась и украсила ими весь дом. В то время Дали решил положить под сукно проект нашего тайного брака:

— Я передумала, — сообщила я ему. — Нам лучше оставаться друзьями. И потом жениться из-за денег, — это просто безобразно!

— Вовсе нет! — запротестовал он. — Это для того, чтобы освятить нашу страсть, а вовсе не по экономическим причинам.

— Я бы хотела быть вашей сестрой, а не женой.

Он нежно коснулся губами моего лба:

— Вы ею уже стали.

Глава 18

В то время Дали писал две картины одновременно: стереоскопический портрет Галы, предназначенный для музея в Фигерасе. Одно из этих полотен было написано в холодных, серо-голубоватых тонах, другое, абсолютно идентичное, в теплых тонах. Если посмотреть на эти картины через двойное граненное зеркало, то наложение двух изображений создавало впечатление объема. Он работал очень медленно, использовал фотографии Галы, прислонившейся спиной к окну их спальни. Это было очень красиво. Он заметил, что большая часть его работ укладывалась в X, даже если он делал это не нарочно. Когда его просили засвидетельствовать полотно, он часто показывал мне его, ухмыляясь:

— Посмотрите-ка на это! И меня еще спрашивают, моя ли это картина! У фальсификаторов нет никакого воображения. Они полагают, что достаточно нарисовать глаз посреди неба и несколько теней, устремленных к ускользающему горизонту, чтобы эту мазню можно было выдать за картину Дали!

Он нервно отвергал картины, которые ему приносили. Иногда он узнавал полотна, написанные в юности, и восклицал:

— Как это красиво! Посмотрите, Аманда, как я писал в 20 лет! Уже здесь видна кисть гения!

Эти юношеские творения часто были написаны на гладком и отшлифованном дереве, как, например, первая «Атомная Леди», которую мэтр считал более удавшейся, чем вторая. Но дерево треснуло.

— Какая трагедия! — вздыхал он. — Я должен был начать все сначала.

Однажды парижские издатели принесли ему на подпись литографии и он устроился в моем домике, чтобы отбыть эту повинность. Он подписывал с невероятной скоростью и стер свой карандаш. Ему протянули другой и он нацарапал совершенно неразборчивую подпись на… чистом листе бумаги. Я считала, что очень опасно подписывать чистые листы, тем более, что они насчитывались сотнями! Я часто видела в английских журналах рекламу литографий Дали, продававшихся за ничтожные цены. Он нервничал: — Это незаконно! Я начну процесс! Нужно сказать Капитану.

Но сколько литографий ускользнуло таким образом из-под его бдительного контроля?

Сабатер мало-помалу стал его поверенным в делах. Он представил Дали богатого клиента, заказавшего мэтру золотые статуэтки. Это было

выгодное дело, за которое Сабатер назначил себе проценты. Он укатил потом в Мазерати и построил себе виллу в Кадакесе. Одно дело сменялось другим, и Сабатер стал конкурировать с Капитаном Муром, который, впрочем, желал уйти на пенсию. Капитан и его жена хотели открыть маленький музей, где должны были быть выставлены полотна Дали из их личной коллекции. Дали очень не нравилось все это, и он запретил мне когда-либо посещать музей Капитана.

В конце сентября мы провели неделю в Барселоне. Дали хотел посмотреть новую постановку в театре «Колсада» под названием «Огненная Венера». Все по полной программе! В этой постановке блистала плотная брюнетка Таня Дорис. Дали пригласил ее обедать, и она пришла с директором театра господином Косальда, толстеньким человечком, бывшим одновременно ее покровителем. На этот обед она оделась «прилично», чтобы не быть похожей на актрису, играющую в «дезабилье». Это была славная девушка, которую Дали нашел симпатичной, хотя без изюминки.

— Какая жалость! — плакался он. — Она так хорошо сложена и так аппетитна, но я бы не смог представить эротическую сцену между нами. Если бы она была хотя бы лесбиянкой!

Однако мы в течение нескольких лет приходили на этот спектакль, аплодировали Тане и смеялись в ответ на грубоватые шутки ее партнера, тощенького комика Луиса Куэнса.

Мы поселились все в том же номере в «Рице». В гостиной главенствовала картина Ургеля, которую один антиквар недавно предложил Дали. Ее водрузили на шкаф вдоль стены, и Дали внимательно ее рассматривал, разговаривая с каталонским издателем, Оскаром Тускетсом. Дали поцеловал меня и сказал:

— Загадка-загадочка! Куда я поведу малышку Аманду сегодня утром? Xiquets, xiquets…

Я только что проснулась и не поняла ничего. Он отпустил своих друзей и объяснил мне, что мы отправляемся в Валс, где он покажет мне пресловутые xiquets. Мы прибыли в Валс перед обедом. На улицах было полно народу, как в праздничный день. Нас встретил мэр и именитые граждане, а потом мы заняли свои места на балконе мэрии.

Под звуки фанфар появились молодые люди в традиционных костюмах. Они стали делать колоссальную живую пирамиду. Ни в одном цирке я не видала такой высокой пирамиды. Нижние ее «этажи» составляли дети, а верхушка пирамиды была у нас прямо перед глазами. У всех акробатов на головах были красные каталонские beretina.

— Это и есть xiquets, — уточнил Дали. — Они очень известны. Я хотел бы, чтобы они выступали у меня в музее. Там нужно будет устроить аттракционы такого рода.

Потом нас повели на обед, и Дали был посвящен в «луковичные рыцари». Эта церемония напомнила мне церемонию посвящения в «рыцари тастевана». Ему повесили на шею внушительное ожерелье из луковиц с посеребренной медалью.

Это было очень смешно, но Дали вел себя торжественно. Он стал благодарить, как будто его наградили Почетным Легионом. На обратном пути он снял ожерелье, потому что провонялся луком, и сказал мне:

— Оно будет очень хорошо смотреться на нашем чучеле медведя в прихожей. Никогда не нужно отказываться от почестей. Эти люди были так счастливы чествовать меня, а мне это ровно ничего не стоило. И потом вы посмотрели на акробатов… Вам понравилось?

— Да, мне понравились акробаты, но мне противны луковицы и эта командорская цепь у вас на шее… Я люблю вас, когда вы элегантны и выглядите щеголем. Тогда вы мне нравитесь!

— Вот посмотрите на меня завтра, — ответил он. — Я собираюсь запустить новый текстиль, для которого сам сделал рисунок. Он будет называться Trigo Limpio. Мне сшили замечательный костюм с тонкими полосками на каштановом фоне. Я буду выглядеть очень элегантно.

На следующий день он был красив, как никогда, в костюме из полосатой шерсти, тщательно причесанный и с навощенными усами. Мэтр спросил:

— Ну и как я вам?

— Вы тщеславны, но очень хорошо одеты на этот раз. Вы великолепны.

— Тогда поцелуйте меня.

Я не смогла его сопровождать на запуск Trigo Limpo, потому что должна была лететь в Лондон, но я увозила с собой образ щегольски одетого Дали, каким я видела его редко.

Через несколько дней после приезда мне позвонил сын Домингуина, юный Мигель Бозе, который только что прибыл в Лондон. Он остановился в отеле «Рембрандт», в Южном Кенсингтоне. Он никого не знал в Лондоне, я повела его обедать в «Кастрюлю», показала ему Челси и познакомила с несколькими своими друзьями. Он рассказал мне, что хотел бы стать танцовщиком и что он уже записался на курсы современного танца на Флорал стрит, в Вест-Инде. Он вскоре обзавелся собственными друзьями и перестал мне звонить. Однажды я увидела Мигеля с подведенными

глазами, серьгой в ухе в компании молодых людей, говоривших только о Дэвиде Боуи. Я сообщила это Дали по телефону, и мэтр был очень заинтригован этим рок-движением, в котором соединились идеи мэтра о двуполости, декадентские тенденции, увлечение научной фантастикой и иронизирование над всем. В конце разговора я поведала Дали, что собираюсь продавать поцелуи во время праздника, организованного, чтобы собрать деньги для операции моей подруги Уллы. «Я покупаю у вас тысячу поцелуев», — сказал Дали.

Праздник состоялся на свежем воздухе, в Челси. У меня был небольшой розовый плакат, на котором было написано «Kisses £1», что обозначало (поцелуй — «1 фунт стерлингов»). В начале я не пользовалась успехом. Парни смеялись: «Меня она все равно поцелует бесплатно». Потом у меня появилось несколько клиентов, среди них один развязный негр, который позвал своего приятеля: «Иди! Я тебе ее дарю!» Он недавно приехал из Африки и никогда еще не целовал блондинок. В результате я заразилась от кого-то гриппом и слегла в постель. Дали постоянно звонил мне, чтобы сообщить новости, приходили Теренс Стамп и Оливье Хоаре, последний притащил телевизор и составил мне компанию перед экраном.

Однажды ночью Марианна Фейтфулл, о которой я уже давно ничего не слышала, позвонила мне и сообщила, что она сейчас с одним пламенным поклонником, умирающим от желания со мной познакомиться.

— Я его тебе посылаю. Будь с ним поласковей… — добавила она.

— Алло! — произнес незнакомый голос. — Я Дэвид Боуи. Я бы очень хотел с вами встретиться. Я видел вашу фотографию на альбоме «Рокси Мюзик», и Марианна рассказывала мне о вас много интересного. Например, о том, что вы знаете Дали. Я пришлю за вами машину, мы пообедаем вместе в «Трампс».

Может быть, Марианна надо мной подшутила? Во всяком случае я приняла приглашение, будь что будет… Шофер отвез меня в северную часть Лондона в Мэдвэйль. Дверь открыла улыбающаяся Марианна:

— Будь умницей, моя дорогая, он сходит от тебя с ума, ты сделаешь из него все, что захочешь.

И она представила мне бледного, как смерть, молодого человека, рыжеволосого, с выщипанными бровями и глазами, подведенными черными карандашом. Одетый во что-то цвета незрелого яблока, он напоминал болезненного Питера Пэна. Я хотела было вернуться домой, но Дэвид проявил неслыханную любезность и завел беседу о Дали и сюрреализме. Марианна тихонько удалилась.

— Может быть, ты хочешь есть? — спросил он. — Тогда я повезу тебя

в «Трампс», потому что в такое время тебя накормят только там. Я тоже немного голоден.

С его телосложением он должен был есть очень мало.

Он добавил еще белил к своему макияжу и надел зеленую кепку. Новый знакомый меня заинтриговал, и я захотела получше узнать этого странного парня, который вел со мной интеллектуальные беседы.

Кафе дискотеки «Трампс» было переполнено, и мы сели за столик Мика и Бьянки Джаггер. Конечно, Мик был кумиром молодежи, но Боуи все больше и больше входил в моду. Несмотря на некоторую ревность, звезды оказались друзьями и весь вечер проговорили о музыке. Бланка молча смотрела на меня, но не проронила ни слова, да и я не стала поддерживать беседу. В конце ужина парни решили, что мы отправляемся в кино. «Среди ночи?» — спросила я. Да, среди ночи, речь идет о боксерском матче Мохаммеда Али, который будут передавать прямо из Нью-Йорка, и Мику удалось оставить для нас четыре места. Мы решили пешком прогуляться до кинотеатра на Лейцестер Сквер. Как только зал погрузился во тьму, Боуи взял меня за руку и прошептал: — Наша первая встреча… В кино, как влюбленные…

Потом он стал говорить, что ненавидит бокс и что нам нужно уйти. Он отвез меня домой на машине и стал просить разрешения остаться. Я так хотела спать, что не стала сопротивляться.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Это был Дали. Я не стала уточнять, что я не одна, но Боуи попросил:

— Я могу с ним поздороваться? Пожалуйста!

Он выхватил трубку у меня из рук:

— Hello Mister Dali, how are you?

— Это кто еще такой? — удивился Дали. — Может быть, вы сейчас «строчите на машинке»? В таком случае извините, что помешал.

Но между нами уже все произошло, и, как всегда, я не успела здраво обо всем подумать. Но о чем теперь говорить? Боуи со своим потекшим макияжем и взлохмаченными грязными волосами лежал рядом со мной. Он изучил мою студию и обнаружил, что улица за окном пересекается с Окли стрит, где он должен был сегодня поселиться.

— Я буду жить прямо за твоим домом, это замечательно!

Это было невероятное совпадение. Его менеджер на самом деле снял двухэтажный дом на этой улице, и из окон спальни Дэвида была видна моя студия.

После переезда Боуи приходил ко мне каждую ночь. Он водил меня ужинать, и мы часами болтали. Он хотел все знать. Я часами рассказывала

ему о Дали, о его магии, о его идеях. Сам Дэвид любил научную фантастику, комиксы и немецкие фильмы. Он никогда не видел «Андалузского пса», но знал Вильяма Буррогса. Однажды, когда мы ужинали у «Одина», он вскользь сказал мне о том, что завтра из Штатов возвращается его жена… Кусок бифштекса стал мне поперек горла. Я не знала о том, что он женат! У него был маленький сын…

— Тебе очень понравится Энжи, — сказал он, — она просто супер!

Его жена приехала на следующий день и разбудила нас своим телефонным звонком:

— Привет, дорогая! — сказала она. — Могу я поговорить со своим мужем? Спасибо!

Они поговорили несколько минут, и Дэвид заметил:

— Вы очень хорошо сойдетесь, она совсем не ревнива, она хочет, чтобы я был счастлив.

Я тут же вспомнила о Дали и Гале. Однако у Боуи был несколько другой случай. Мой марсианин не только физически изменял со мной жене, он содержал дружка-блондина, жившего в подвале его дома и занимавшегося его сценическими нарядами.

Я со вздохом облегчения уехала в Мадрид, чтобы присоединиться там к Дали, надеясь на досуге разобраться в своих чувствах. Как я была счастлива снова увидеть тенистые улицы, фонтан Сибель и дворец. Я рассказала Дали о Боуи. Это его не очень обрадовало:

— Вы опять ввязались в историю, которая плохо кончится. Будьте осторожны, малышка! Или вы собираетесь опять быть несчастной?

— Ну уж нет! — заявила я. — Я полностью изменюсь. Я читала Оскара Уайльда, когда болела. Он сказал: «Амбиции — последнее прибежище от неудач». После стольких неудачных романов я стану амбициозной, вот увидите.

— И что вы собираетесь делать? Сниматься в кино?

— Нет, я буду петь! Я буду первой рок-декаденткой, Боуи в юбке.

Дали, по-видимому, огорчился, но ничего не сказал. Он не высказывал никакого восхищения по отношению к Боуи. Впрочем, он видел его плохие сценические фотографии, на них Боуи был в шортах и в гетрах танцовщицы. Питер Браун повел его на концерт в «Мюзик-холл Радио-сити» и указал Дали на кошачьи выходки Боуи. Дали заметил только его клоунские штаны и ушел, не дождавшись конца концерта. Он предпочитал издалека Элиса Купера, его гротескный грим и питона на шее. Он даже велел сфотографировать этого певца на голограмму для своего музея в Фигерасе. Быть может, ему нравилось женское имя Купера (Alice). Но Дали

нравился еще и постоянный happening, который создавали его огромные шоу с куклами. Дали сам когда-то устроил happening в начале 60-х годов в Нью-Йорке и мечтал повторить то же самое в Фигерасе, посмеиваясь над теми, кто говорил, что это вышло из моды.

В Мадриде мэтр дал большой ужин у Хоршера, а потом мы гуляли в розарии парка. Дали не хотел возвращаться в «Прадо», и я отправилась туда одна. Я обожала Мадрид и не переставала восхищаться удивительным цветом мадридских небес. Дали принял журналиста Олано (который рассказал ему о своем видении Гитлера) и Мигеля Утрилло, потомка монмартского художника. С появлением Мигеля в нашей гостиной стало гораздо веселее. Он постоянно рассказывал неправдоподобные истории, очень нравившиеся Дали.

Нас пригласил на ужин Фьерро, один из самых богатых испанских банкиров. Мы беседовали о политике. Что будет с Испанией? Молодой король ожидал смерти Франко и начала своего царствования. Дали подчеркнул, что именно он предсказывал реставрацию монархии, когда в это никто не верил. Он предсказывал даже реставрацию монархии в Румынии, античной Дакии, территории, завоеванной императором Траяном. Это был его конек, мэтр выглядел блестяще, с чем я его потом поздравила.

На следующий день я вырезала из журнала фото внучки генерала Франко, юной красавицы-блондинки по имени Карменсита. Я положила фото в шкатулочку и преподнесла ее Дали.

— Держите, вот вам еще одна Жинеста. Вы так любите все королевское, а она скоро станет герцогиней, выйдет замуж за Альфонса де Бурбона и упрочит связи с бурбонской ветвью.

Дали обнял меня:

— Вы не могли сделать мне лучшего подарка. Это будет самая прекрасная из жинест.

И он принялся мечтать об этой девушке, изобретал всевозможные ситуации, в которых ему удастся ее кретинизировать. В итоге, он разработал план битвы: — Я нарисую ее портрет! Нужно, чтобы она обязательно пришла позировать! Я сделаю торжественный портрет, на лошади, и сам вручу его ей.

Эта идея приняла угрожающие размеры и несколько месяцев занимала Дали.

Я вернулась в Лондон, чтобы разобраться в наших отношениях с Боуи. Дэвид предложил мне взяться за проект, который его очень впечатлял. Речь шла о шоу на американском телевидении, которое я должна была

представлять и в то же время петь в нем. Он захотел даже, чтобы я написала диалоги! Шоу должно было состояться в «Меркуи», знаменитом рок-клубе 60-х годов. Мы придумали суперстранные костюмы. Я собиралась появиться, как черная королева, а он, во всем белом, должен был стоять на огромной шахматной доске, как шахматная пешка. Потом мы бы рассказали об этом моим друзьям на уикэнде в Сусексе, во время празднования моего дня рождения. Дэвид послал мне огромный букет. Потом мы поехали в Файтлеворт и поселились в комнате наших друзей. Боуи никуда не выходил, без конца смотрел телевизор и довольствовался тем, что любовался деревьями из окна.

Мы обсудили шоу, в которое я собиралась включить цитаты из «Алисы в стране Чудес». Кроме костюма черной королевы, я собиралась предстать перед публикой в костюмах Пьеро и Кармен Миранды. Дэвид позабавил моих друзей своим акцентом кокни. Он был со мной очень нежен.

Съемки состоялись на следующей неделе. Мы были загримированы, как для фотографий журналов мод, Боуи — Пьером Ларошем, я — Барбарой Дейли. Это был большой успех. Американцы сочли наше шоу странным и спрашивали, кто была та загадочная блондинка, которую представил Боуи. Я даже получила письма от фанов! Дэвид предложил мне записать диск и серьезно заняться рок-музыкой. Это было именно то, чего мне давно хотелось. Он заставил меня брать уроки пения у одной властной и требовательной дамы, ставившей мне голос. Кроме того, я посещала курсы танцев в Вест-Инде. Менеджер Дэвида занялся мной и сулил мне золотые горы. Дэвид спал со мной и я привыкала делить его с его женой. Мы ходили с ней за покупками и платьями, «чтобы нравиться Дэвиду». Странная ситуация. Днем он почти никуда не выходил: сидел дома, работал над своими записями и кассетами. Он взял напрокат большое количество старых фильмов, и мы вместе смотрели Мэй Уэст и Джеймса Дина.

В декабре Дали пригласил меня в Париж. Мне было немного страшно покидать Дэвида. Я опасалась, что он меня забудет, несмотря на его патетические признания в любви. Однако перемена обстановки послужила мне на пользу. В Париже Дали показал мне свое новое приобретение, занимавшее центральную часть гостиной. Это была чудесная мраморная лошадка, принадлежавшая английскому королю. Ее возвратили народу после закрытия знаменитого борделя Шабанне. Дали приобрел ее у Клода Булле, антиквара с улицы Жакоб. В той же антикварной лавке он нашел плиты тосканского известняка с фантастическими пейзажами, естественным образом возникшими на камне. Королевская лошадка всю зиму служила пищей для разговоров. Потом Дали обнаружил

гиперреалистические статуи обнаженных женщин, которые вызывали нездоровые ощущения. Должно быть, скульптор работал, сняв предварительно слепок, потому что были видны поры кожи и сквозь синтетический материал статуй проросло несколько волосков. Это было ужасающе.

Среди новых придворных Дали я заметила высокого стройного блондина, всегда улыбавшегося, по имени Одуан де Барбо. Естественно, Дали так и не выучился правильно произносить его имя и называл его «Милена Демонжо» или «Бабочка». Последнее прозвище было вызвано его бархатными набивными куртками в разноцветную полоску. Одуан как верный рыцарь сопровождал меня к Кастелю или в «Режин». Он был очень хорошо воспитан и застегнут на все пуговицы. Настоящий странствующий рыцарь. Позже он некоторое время появлялся в обществе с княгиней Сорайя. Дали всегда приглашал к себе манекенщиков и манекенщиц, которых ему присылали из агентства моделей. Мэтр предпочитал компанию красивых молодых людей компании знаменитостей. Мне вспоминается один ужасный вечер у Лассера в компании Сильви Вартан, которая не вымолвила ни слова в течение всего ужина. Дали никак не мог вспомнить ее имя и называл ее Сесилью Бертран… Он всегда помнил, с какого согласного начиналось имя, но менял его полностью. Незадолго до рождества к нему пришел с визитом Жак Тати. Дали обожал его фильмы и особенно «Месье Юло». Он показал ему большое полотно, которое только что приобрел, — натюрморт, написанный в традиционной манере, на котором он исказил предметы, удлинил их форму и далинизировал всю картину несколькими мазками кисти. Чтобы предотвратить опасность (на картине были изображены павлиньи перья, а Дали считал павлина птицей, приносящей несчастье), он пририсовал несколько длинных булавок на шляпе.

Как обычно, мы провели рождество в «Максиме» с Галой. Так же прошел и новый год. Дали без конца твердил мне о своей новой жинесте — Кармен де Бурбон и уже представлял себе, как она исполняет обязанности его придворной дамы и позирует для его картин. Он уехал в Нью-Йорк гораздо раньше, чем обычно. Его отъезд зависел от корабля, так как мэтр никогда не летал на самолете. Я вернулась в Лондон в первых числах января. Меня ждали подарки от Дэвида и его жены, которая купила мне сорочку для ночей, которые я проводила с ее мужем. Дэвид готовился к турне по Соединенным Штатам. Для оформления футляра своего диска он решил привлечь французского иллюстратора Ги Пеллерта, с которым я познакомилась в то время, когда жила на улице Флор. Он был автором

«Pravda la survireuse», произведения, вдохновленного Франсуазой Арди. В день своего рождения я повела Дэвида в маленький кинотеатр в Хемпстеде на «Метрополис» Фрица Ланга. Для него, привыкшего сидеть дома, выход в кино был целым событием, а фильм — откровением. Он захотел посмотреть другие фильмы немецких экспрессионистов, заговорил о поездке в Берлин и решил положить в основу оформления своего спектакля оформление столицы у Фрица Ланга. Его жена постоянно нервничала. Она пыталась скрыть от меня свою ревность, Она тоже хотела войти в шоу-бизнес, петь или снимать кино. Но менеджер Дэвида занимался только мной. Он решил, что я буду петь в шоу Дэвида и что я запишу диск.

Дом на Окли стрит опустел в марте, мой марсианин улетел в Нью-Йорк, он поселился в отеле «Шерри Недерланд», недалеко от «Сан-Режиса», где уже два месяца жил Дали со своим двором. Я полетела в Нью-Йорк в самолете первого класса за счет компании Боуи и сняла чудесный номер в «Сан-Режисе». Там меня принимали как звезду, что крайне удивило Дали, как и платиновый цвет моих волос. Студия грамзаписи Боуи дала в мою честь большой обед во «Временах года», на который пригласили Дали. Ему было не по себе в этом кругу, если не сказать большего. Он счел всех приглашенных вульгарными и неоригинальными. Дали, явно обеспокоенный моей участью, решил меня предупредить:

— Я боюсь, как бы вы окончательно не потеряли свою оригинальность, когда вы станете рок-звездой. Тогда вы перестанете быть маленькой Амандой, которую я так люблю.

— Успокойтесь, Дали. Что бы ни случилось, я всегда буду вашей cascaballet de plata (вашим серебряным колокольчиком).

Он покачал головой, как будто сомневался в моих словах.

В конторе, обслуживающей Боуи, на Парк Авеню висели мои фотографии. Энди Уорхол поместил статью обо мне в своем журнале «Interview» и каждый вечер я появлялась с новыми друзьями. Джеф Торнберг, молодой киношник, водил меня на дискотеку «Сад», я снова обрела Макс Канзас Сити, фильмы Уорхола и нескольких оформителей вроде Ричарда Бернстайна.

Но меня ожидало разочарование. Предложение записать диск не подкрепилось реальными действиями, Дэвид уехал в турне без меня, и я вернулась в Лондон. Я снова увиделась со своими друзьями, которыми пренебрегла ради Дэвида, выходила с Брайаном Ферри, модным фотографом Эриком Боманом, создателем новых моделей обуви Маноло Блаником. Уикэнды я проводила в Суссексе. Иногда я ездила в Стэнмор, где у киношника Роберта Стигвуда был красивый дом. Ситгвуд давал

замечательные вечеринки, где бывали все артисты, от «Bee Gees» до Тины Тернер.

Сюзанна Йорк вернулась в Лондон, и я должна была вернуть ей студию. Пришлось снова переезжать. Компания Боуи нашла мне новую квартиру на Овингтон Сквер в двух шагах от большого магазина Харродса. Мне посоветовали терпеливо ждать окончания турне Дэвида, который был слишком занят, чтобы помышлять о моем диске, платили за съем квартиры и за мои костюмы. Я даже получала подарки. Это не помешало мне начать нервничать, и мои друзья из Суссекса предложили мне отправиться с ними в плавание на «Франции». Это было мое первое путешествие такого рода, к тому же это был тот самый пакетбот, на котором путешествовал когда-то Дали… Я с радостью согласилась и выбрала для путешествия свои самые дорогие наряды. Я прекратила строить из себя героиню комиксов, несмотря на свои крашеные волосы. Я взяла с собой платья, подаренные Рикки, и твидовый костюм от Томми Наттера с Сэвил роу.

Все пять дней этого плавания мне казалось, что я нахожусь в роскошном госпитале. Нас лелеяли, кухня была изысканной, пассажиров ожидало множество развлечений. Я ужасно скучала.

В Нью-Йорке мы остановились в отеле «Пьер», который был гораздо роскошнее «Сан-Режиса» Дали. Мэтр, кстати, вернулся в Европу. Наши пути чуть было не пересеклись. Я позвонила ему и в ужасе услыхала, что ему недавно прооперировали предстательную железу в Барселоне. Меня успокоили: все прошло отлично, он в хороших руках. Дали оперировал доктор Пигверт, тот самый, которому Дали показывал обнаженных атлетов в римской бане отеля «Риц». Потом мне удалось поговорить с Дали. Он сказал, что чувствует себя отлично, что его лелеют хорошенькие медсестры.

— Я просто веселюсь в этой клинике, — заверял он.

В Нью-Йорке было жарко. Мы смотрели комедии на Бродвее. В одной из них играл знаменитый Эндрю Систерс. А я-то думала, что он надолго пропал из виду… Брайан Ферри был в Нью-Йорке с «Рокси Мюзик». После концерта он пригласил нас на вечеринку на артистическом чердаке. Фауна там была самой обычной: молодые представители богемы, модели, журналисты и… Дэвид Боуи, с которым мы столкнулись лицом к лицу. Он остриг волосы и выкрасил их в светлую краску. Теперь он был похож на мальчика-парикмахера. Я ему это сказала. Он отпарировал тем, что я похожа на хиппи. Это было страшным оскорблением, так как движение хиппи совсем вышло из моды. Несмотря на этот обмен комплиментами, мы всей компанией отправились фотографироваться. Мы с Боуи расстались,

обменявшись несколькими банальными фразами. Наше музыкальное сотрудничество было сильно скомпрометировано. Я не подписала никакого контракта, и теперь в его компании никто не стал бы меня поддерживать. Я была свободна.

Мы возвратились в Лондон на «Конкорде», а потом я уехала в Кадакес, предварительно сделав себе стрижку каре и выкрасив волосы в более светлую краску. Дали нашел, что я выгляжу гораздо лучше. Он уже оправился от операции и вернулся в свою мастерскую. Он заканчивал стереоскопический портрет Галы и начал большое полотно — портрет Авраама Линкольна. Чтобы защитить себя от солнца, он носил мою соломенную шляпку с вуалью, украшенную вишнями, ту самую, которую он когда-то купил для скачек в Лонгшампе. Она выцвела и порвалась в нескольких местах. Предметы вокруг бассейна также, казалось, потускнели. Слева Дали установил макет большой скалы, дырявый, как швейцарский сыр. Бархатные подушки Мижану тоже выцвели, искусственные цветы выглядели просто плачевно, и Дали велел прицепить нечто вроде прозрачных белых занавесок над софой в виде губ Мэй Уэст, разделенные, как занавес в театре. Ветер не щадил их, но Дали казалось, что так еще красивее. Пока мы разговаривали, я внимательно его рассматривала. В будущем году исполнялось десять лет с тех пор, как мы встретились в Париже. Он похудел, его лицо все больше походило на лицо старика и покрылось коричневыми пятнами, причинявшими ему много беспокойства, поскольку он боялся, что это первые симптомы рака кожи. Он собирался проконсультироваться у знаменитых американских дерматологов.

Музей должен был открыться в сентябре, на открытии должны были собраться журналисты всего мира, и Дали собирался выставить там «Анжелику». Он рассказал мне о Кай Тсик, забавном маленьком китайчонке из Сан-Франциско, который пришел к нему в Нью-Йорке вместе с фальшивой Мерилин Монро и одной очень странной особой с огромным носом, снимавшей андеграундные фильмы. Они собирались приехать в Европу на открытие Музея, обустройство которого было в полном разгаре. Покраска стен уже была завершена, электричество проведено. Дали хотел, чтобы внутренний дворик был обсажен миртами, растением любви. Как только он оправился после болезни, он несколько раз в неделю приезжал в Фигерас, чтобы наблюдать за работами. Мое оливковое дерево, ставшее метафизическим монументом, было посажено перед музеем, увенчано головой яйцевидной формы, напоминавшей картину де Кирико. Зал в форме лица Мэй Уэст, выполненный по мотивам

его известной картины, был почти окончен. Парикмахер Лонгуерас изготовил двухметровый белокурый парик, заменявший занавес. В другой комнате находился саркофаг, сделанный из маленьких зеленых пластинок электрических цепей, и нечто вроде современной мумии, покрытой нефритовыми пластинками, найденными в Китае. Дали прокомментировал:

— Это похоже на платье Пако Рабанна. Какая роскошь! Эти маленькие электронные штучки — настоящие драгоценности.

Его проекты не иссякали. Зная о монгольских корнях моей матери, он задумал фильм, который должен был называться «Путешествие в Великую Монголию». Вместе с присутствием Кай Тсик, это составило бы ужасную китайщину. Он мечтал о нашем путешествии в Китай, видел нас перед Китайской стеной и потрясал фотомонтажем Мао-Мерилин. Впрочем, его действительно пригласили в какой-то дворец в Пекине…

Гала была в Пуболе, вдали от всего этого беспорядка. Она читала старые русские книги и отдыхала от неистощимой творческой энергии мужа.

Однажды вечером, выйдя из музея, мы решили прогуляться по улицам Фигераса. Дали показал мне то место, где, еще подростком, он встречался с девушками из деревни. Почувствовав потребность облегчиться, я присела на камнях тропинки, не подозревая, что это вызовет:

— Эстрелла! Моя Эстрелла! — закричал Дали. — Вы только что воскресили для меня одну из моих подружек, которую я совершенно забыл.

Он буквально с ума сходил от радости. Он пережил такую же ситуацию 50 лет тому назад с одной сельской жинестой по имени Эстрелла, что обозначает «звезда».

— Вы — моя звезда, — повторял он, вне себя от счастья. — Вы заставили меня вновь пережить все мои детские влюбленности, даже Эстреллу! Я должен вас поблагодарить.

Он рассказывал мне о своей звезде несколько дней подряд. В это время я работала над внушительными коллажами, предназначенными украшать двери музея. Каждый из них должен был содержать все творения Дали одновременно. Я вырезала репродукции из его книг и делала огромные головоломки. Устроившись на солнечном дворике, я приклеивала фотографии на большие листы картона, и Сабатер снабжал меня тюбиками клея. Он вообще охотно оказывал всевозможные услуги. Он заработал немало денег, обкрадывая Дали, считавшего его в такой же степени преданным, в какой и неинтересным. Я ограничивалась тем, что внимательно за ним наблюдала. Слуги его искренно ненавидели.

Мой друг Дикки на обратном пути из Греции, где он провел свой

отпуск, собирался заехать в Кадакес к Дали, о котором я столько рассказывала моим друзьям. Дали уже видел его в Париже и был очарован его зелеными контактными линзами. Но за это время Дикки перестал их носить и Дали не только его не узнал без линз, но и очень плохо отнесся к нему, несмотря на то, что пригласил Дикки на ужин. Он вел себя ужасно по отношению к моей подруге Анни, игнорировал художника Найджела Веймаута и его жену, моих старых друзей, зашедших к нему выпить чашку чая. Дали предпочитал общество неизвестно кого обществу моих друзей. Без своих изумрудных глаз Дикки не представлял для него никакого интереса. Я сказала ему, что меня это ужасно разочаровало, потому что друзья много значили в моей жизни. То, что он обходился с ними так плохо, меня ожесточало, в то время как он так дорожил паразитами, которые постоянно толпились во внутреннем дворике его дома. Я решила больше не знакомить его со своими друзьями.

Он продолжал говорить о внучке Франко Карменсите, только что вышедшей замуж за Альфонсо де Бурбона, герцога Сеговии. Генералиссимус пожаловал им титул герцогов Кадикса. Дали, все еще мечтавший написать ее портрет, велел Беа приготовить фон картины и силуэт лошади, скачущей по голубому небу. Не хватало только самой герцогини. Она, наконец, прибыла в сопровождении своего мужа дона Альфонсо, старого дона Маттео из замка Перелада и нескольких маркизов. На герцогине Кадикса было длинное платье без талии, потому что она была уже на нескольких месяцах беременности! Трудно было представить большее разочарование для Дали, ненавидевшего саму идею зачатия. Он сумел скрыть свои чувства и попросил ее позировать, хотя на самом деле использовал для портрета ее старые фотографии, и даже пытался завязать разговор. Однако и тут его ждало разочарование: Жинеста часто краснела и мало разговаривала. Он поблагодарил ее за приезд и пообещал самолично доставить портрет в Мадрид. После отъезда аристократических гостей, восхищенных тем, что они провели несколько часов с гением испанской живописи, мы спокойно поужинали в Пуболе с Галой. Только дон Альфонсо произвел впечатление на Дали. Красавец, само внимание и любезность, он понравился и Гале.

Я окончила работу над коллажами и проводила дневные часы в мастерской мэтра, наблюдая за тем, как он работает, или сибаритствовала около бассейна. Однажды утром Дали застал меня, когда я разглядывала крошечное насекомое с золотистым панцирем. Это был скарабей с шестью лапками и сложным рисунком на спине. Дали посмотрел на него с любопытством:

— Вы всегда находите микроскопические вещи, — заметил он. — Эта способность все уменьшать и концентрировать в одной точке, просто необыкновенна! Я же наоборот все преувеличиваю и не в ладах с размерами! Вы делаете противоположное, и это доставляет мне огромное удовольствие.

И он стал изучать вместе со мной маленького скарабея, блестевшего на солнце, как драгоценность, а потом рассказал, что делал украшения из живых скарабеев, оправленных в драгоценные камни и нанизанных на золотую цепь. Мечтатель, он заметил во время обеда, что должно быть какое-то объяснение тому огромному удовлетворению, которое доставил ему вид крошечного насекомого, блестевшего на солнце. Я сказала, что, вероятно, его впечатлила форма насекомого, напоминавшая о чем-то важном. Дали постоянно думал о монархии и о восшествии на престол короля Испании. Дон Хуан занимал его мысли. Я нашла разгадку, но не удержалась от удовольствия сначала подразнить мэтра его же любимой фразой «загадка-загадочка». Потом я одарила Дали разгадкой: насекомое точно воспроизводило форму булавки Альфонса XIII на его галстуке и точно так же блистало и переливалось, соперничая с бриллиантами! Дали внимательно посмотрел на меня и, покачав головой, констатировал: — Вы меня по-настоящему удивляете. Вам удалось ошеломить меня своей правотой. Действительно, дело в моей булавке. Вот почему мне так понравился этот скарабей! Около моего бассейна живет королевская драгоценность! Дайте я вас поцелую, вы мне все больше и больше необходимы.

После стольких открытий последовали долгие мирные сиесты. Открытие музея приближалось, уже прибыли первые паломники. Это были господин Рейнольд Морз и его жена, обладатели самой большой коллекции картин Дали (они устроили собственный музей Дали в Кливленде, штат Огайо). Потом появились китайцы из Сан-Франциско, малыш Кай Тсик, его модель, тоже китаянка, с длинными позолоченными ногтями, псевдо-Мерилин Монро, блондинка, без сомнения, вульгарная, Стивен, киношник, и другие их друзья. Кай Тсик одел их в расшитый золотом атлас ярких цветов, украшенный вышивкой. В этих одеждах они казались сошедшими со страниц волшебных китайских сказок, и Дали счел их столь же чудесными, сколь и безобидными. Они должны были помочь Дали снова эпатировать своих соотечественников. В самом деле главной задачей музея было навязывание родному городу вкусов и причуд Дали. Он пригласил китайцев в «Барокко», очаровательный ресторан в Кадакесе, где ужинали при свете свеч.

Потом прибыл австрийский художник Фуш, который привез огромную статую Венеры для двора музея. Дали заметил, что он провожал девушек похотливыми взглядами, и добавил, что это «patatouski». Это прозвище мэтр давал евреям из своего нью-йоркского окружения.

Музей Дали был открыт под звук фанфар 23 сентября 1974 года. Дали настаивал на том, что ему всего 31 год, и купил мне в Барселоне бежевое муслиновое платье. Гала прибыла из Пуболя в компании своего «Иисуса Христа». Супруги встретились у «Дюрана», перед тем как отправиться вместе в музей. После речей мэра и Дали толпа ринулась в музей. Это была беспрецедентная толкучка. Друг Галы остался где-то позади, и Дали успокаивал Галу, кричавшую: «Джеф, Джеф!». Официальные лица и авторитетные особы задержались в «зале сокровищ», где были выставлены самые ценные полотна Дали, такие как «Корзинка с хлебом», и т. д. Я не без гордости заметила, что мои коллажи не остались незамеченными, а Дали спесиво указал мне на полотно, возвышавшееся над старой театральной сценой, — неоконченную «Анжелику». Центральный зал музея был увенчан куполом Пинеро, которому было не суждено увидеть триумф своего творения, — несчастный архитектор погиб в автомобильной катастрофе. Коленчатый Христос находился под куполом.

В других залах я увидела софу в форме губ Мэй Уэст, саркофаг из электрических проводков, кровать Наполеона III, лошадку из Шабанне, расписанный плафон, засвеченные фотографии Марка Лакруа, полотна Питхота, художника из Кадакеса…

Здесь было все, что собрал для этих целей Дали. Я была счастлива разделить с ним этот час славы, так же, как и участвовать в создании музея.

Гала скоро покинула нас и уехала в Пуболь со своим Джефом.

В машине, истощенный своим триумфом, Дали пошутил:

— Итак, дело сделано! Самое забавное, что ваши коллажи имели больший успех, чем все безделушки музея! Их смысл люди поняли быстрее всего. Для остального нужно время…

Глава 19

Чтобы отдохнуть после инагурации, мы отправились в Барселону. Китайцы из Сан-Франциско производили фурор всюду, где бы не появлялись. Дали «открыл» на последнем этаже современного дома новый ресторан, «Аталайя», украшенный фальшивыми ширмами Коромандель и хрустальными люстрами. Он пригласил туда Пазолини и Ходоровского, «El poro» которых он видел. Ходоровский хотел сделать экранизацию, вернее сериал по научно-фантастическому роману «Дюна» Франка Герберта. Он хотел бы, чтобы Дали был императором, а я его дочерью. Он принес мне сценарий, огромную стопку бумаг, попросив меня при этом убедить Дали участвовать в проекте. Но мэтр запросил такой гонорар, что затея с фильмом провалилась. Пазолини только что окончил свой фильм «Salo» и попросил Дали нарисовать афишу. Его менеджеры готовы были достать чековые книжки, но требования Дали были непомерны, что превысило их бюджет. За ужином я сидела с Пьером Паоло Пазолини, очаровательным мужчиной, смущенным присутствием Дали. Я рассказывала Пазолини, по какой именно причине Дали любил «Теорему», редкий случай, так как он не выносил современных фильмов. Я вспомнила серию «Теоремы», в которой женщина, съев суп из крапивы, начинает летать над крышей фермы. Я заказала этот суп для Пазолини, крайне удивленного тем, что в ресторане готовили это редкое блюдо, которого он никогда не пробовал. Мы провели отличный вечер. Мне не довелось еще раз увидеть Пазолини до его трагической гибели. Я была огорчена, что Ходоровскому не удалось поставить свой фильм. Он был первым, кто задумал научно-фантастический сериал и мог опередить «Звездные войны». Я была бы счастлива играть дочь императора Галактики, воплотившегося в Дали. Но судьба распорядилась так, что я пришла в кино только после моей карьеры певицы.

Вернувшись в Лондон, я снова стала штурмовать студии грамзаписи. Я записала несколько песен самостоятельно и получала отказы от студий. Но я добилась своего и, приехав в ноябре в Барселону, похвасталась Дали, что записала свою первую пластинку в 45 оборотов. Я выбрала одну песню Элвиса Пресли, которого Дали обожал (его рубашки, — говорил Дали, — просто подарок). Дали, казалось, не был впечатлен моей первой пластинкой и еще раз напомнил мне, что среда шоу-бизнеса прозаична до ужаса. Мэтр был очень горд портретом Кармен де Бурбон, находившемся в нашей

гостиной, поскольку он собирался самолично вручить его герцогине. Конечно, это был не шедевр, но определенное сходство можно было заметить. Сюрреалистская манера чувствовалась в изображении парящей лошади, напоминавшей полотна Магритта. Полотно было принято восторженно, и герцогиня Жинеста поблагодарила Дали, после чего мы отправились обедать в «Жокей-Клуб» вместе с Людовиком XIV, присоединившейся к нам в Мадриде. Дали уже был занят портретом будущего короля Хуана Карлоса. Он транспонировал на холст увеличенную официальную фотографию и раздумывал над тем, как далинизировать королевский портрет, не посягая на его внушительность. С возрастом его все больше занимало дворянство и почести, он говорил только о королях, монархии, титулах и замках. Быть может, он мечтал о каком-то знаке отличия, о дворянском титуле? Это казалось мне смешным, но я пыталась понять причины подобной суетности.

Я встретилась с Дали и Галой в Париже под Рождество. Галу сопровождал актер по имени Мишель, очень вежливый и несколько стеснявший всех своей вежливостью, но ей не терпелось встретиться в Нью-Йорке со своим Джефом. Она долго разговаривала с ним по телефону. Я имела глупость рассказать Дали, что после инаугурации музея Джеф решил возвратиться со мной в Лондон, перед тем как улететь в Штаты. Он остановился в отеле «Ройал Гарден» в Кенсингтоне и, никого не зная в Лондоне, попросил меня поужинать с ним и составить ему компанию на вечер. Он говорил очень ласково о Гале, но в то же время был необыкновенно предприимчив по отношению ко мне и даже предложил провести с ним ночь. Дали был искренно огорчен, услыхав все это.

— Я вас прошу, не говорите ничего Гале. Она будет слишком разочарована, бедняжка!

Она строит слишком много иллюзий по его поводу… Ей нравится выходить с ним, и я не хочу, чтобы она знала об этой маленькой измене.

Измена, как громко сказано! Это была просто маленькая шалость. Однако я чувствовала себя виноватой по отношению к Гале и стала с ней еще любезней. Она подарила мне на Рождество две красивые белые шелковые блузы великолепного качества, но слишком классические, на мой вкус.

Мой друг Джеф Торнберг, решивший снимать фильм с Энди Уорхолом, был проездом в Париже, и мы отправились ужинать в «Серебряную башню». Дали счел его достаточно пресным и тут же обозвал «рыбным филе». Гала знала, что он киношник, и предложила «раскрутить» ее Джефа, по ее мнению заслужившего это своим талантом, голосом и прочими

достоинствами. Это пристрастие забавляло Дали, который не столько был ревнив, сколько получал удовольствие от ревности. Ревность такого рода стимулировала его творчество, и именно ее он испытывал по отношению ко мне. Когда по вечерам, после ужина, он провожал меня до двери Нью Джимми или к Кастелю, как отец, провожающий дочку к колледжу, и оставлял в компании Одуана или еще какого-нибудь верного рыцаря, он советовал мне хорошенько повеселиться. Он описывал мне, с каким удовлетворением он ляжет спать, оставив меня в руках какого-нибудь красивого парня, и как потом будет подстегивать свое воображение, представляя себе всевозможные эротические сцены. То рвение, с которым он искал мне «женихов», привело к тому, что все стали думать, что я ненасытна, что я нимфоманка или сексуально озабоченная, и я с трудом убедила своих друзей, что это не так.

Дали пребывал в восторженном состоянии, ему сделали подарок, о котором он давно мечтал: писсуары в «Максиме» были переоборудованы. Дали находил «прустианскими» эти исторические приспособления, которыми пользовались сливки общества: герцоги, князья, политики, звезды и миллиардеры.

— Я велю их позолотить и поставить в своем музее, — разглагольствовал он. — Ленин предсказывал, что после пролетарской революции все писсуары будут золотыми. А у Дали уже есть такие!

В тот год он поставил посреди гостиной мотоцикл, замечательно контрастировавший с коврами и позолотой. На мотоцикле восседал молодой блондин, заслуживший кличку «Мотоцикл».

В январе 1975 года, когда Дали уехал в Нью-Йорк, я решила к нему присоединиться и дождаться выхода моей первой пластинки в Штатах. Только записать песни оказалось недостаточно, нужно было, чтобы пластинка была запущена в продажу, что заняло несколько месяцев. Нью-Йорк, беспокойный город, вливал в меня силы. Питер Лестер, встреченный мной в Нью-Йорке, взял у меня длинное интервью для газеты Энди Уорхола. Для оформления интервью использовали услуги фотографа Хорста, который поразил меня простотой своих осветительных приборов. Он сделал мое прекрасное черно-белое фото. Визажист, представленный мне Боуи, занялся моим макияжем и был очень доволен результатом. Дали предпочитал мой «естественный» вид, лицо, загоревшее на средиземноморском солнце, но в то же время находил меня более таинственной с бледным зимним макияжем.

Я заняла маленький номер на двадцатом этаже «Сан-Режиса», над номером Дали и Галы, с которыми я часто обедала у Лорана. Мы

добирались туда пешком, Дали, закутанный в меховое манто по причине ледяного ветра, бушевавшего среди небоскребов, советовал мне дышать только носом, чтобы не простудиться. Он обожал Нью-Йорк, нью-йоркские небеса напоминали ему голландские. Он находил «гиперреалистичной» голубизну неба, отражавшуюся в стеклах серебристых домов. Он любил дым, выходивший из утробы города, посреди улиц, асфальтовое покрытие которых было изрыто. Однажды днем мы заметили знакомый силуэт, пересекавший Третью авеню. Это была Грета Гарбо.

— Боже, как она была красива! Все были влюблены в нее, включая вашего покорного слугу, — вздохнул Дали.

Когда мы обедали без Галы, он предпочитал «Цирк» или «Лягушку» в Лоране. Мы посещали музеи, Уитни, коллекции Фрика или Гуггенхайна. Меня веселили его нападки на современное искусство, особенно абстрактное. Он повел меня в испано-американский культурный центр и с восхищением показал мне фрески Зоройя. Он, казалось, ревновал к этому художнику с юга, который мог одним движением изобразить руку, смешав три цвета прямо на кисти. Дали не владел кистью так виртуозно, он тратил часы на то, чтобы закончить полотно. Это его еще больше восхищало в больших стенных картинах Зоройя, с простыми сюжетами и живыми цветами.

Английский журнал «Tatler» попросил меня писать ежемесячную светскую хронику. Я выслала им рассказ о вечере святого Валентина, состоявшемся на последнем этаже «Сан-Режиса», в ресторане, специально отделанном в розовых тонах. Все участники должны были быть одеты в розовое. Здесь собрались завсегдатаи нью-йоркских вечеринок:

Палома Пикассо, Эльза Перетти, Лиана де Фюрстенберг, Энди Уорхол. Все эти люди собирались обычно в одних и тех же местах. Дали никогда не бывал в их обществе. За все зимы он только один раз поужинал с Уорхолом, но предпочитал не самого Энди, а его окружение, Сэнди Дарлинг например. Ему нравился певец-альбинос Джонни Винтер и его длинные белые волосы. Он водил меня несколько раз к старой маркизе де Куевас, об эксцентричных выходках которой много рассказывал перед каждым визитом. Я никогда не забуду, как эта дама появилась перед нами, выйдя из лифта, — собачка в руках, тапочки, напудренное лицо и кроваво-красные губы. Ее знакомый, Раймондо де Лоррен, принес Дали свои фотографии карликов, безногих и травести. Не будь с ним Галы, Дали с удовольствием пригласил бы их всех на ужин. Но она ненавидела все безобразное и сбегала с Двора Чудес, который устраивал Дали, в кинотеатры в компании своего Джефа.

По правде говоря, нью-йоркское окружение Дали иногда не выдерживало критики. Мы ужинали в «Трейдерс Вик» с Потасса и Кризис, двумя травести, оспаривавшими его друг у друга и блиставшими туалетами и манерами. После ужина у Лорана, когда Гала была в хорошем настроении, ему удалось убедить ее пойти на стриптиз-шоу Потассы, которая оголялась полностью. У нее почти не было груди, и она была сложена, как парень. Когда она покинула сцену, Гала мне сказала:

— Вы видели? Все черное…

Дали запротестовал, но Гала заупрямилась:

— Я хорошо рассмотрела. Яйца полностью черные.

Я их перебила:

— Надеюсь, вы не будете спорить из-за яиц этого создания? В салоне было темно.

Гала бросила на меня иронический взгляд:

— Вы сглаживаете острые углы? Вас все устраивает? Чтобы доставить ему удовольствие, вы готовы говорить то, чего не думаете!

Она всегда на меня нападала, издевалась над моей покорностью, но при всем этом очень меня любила. Когда я возвращалась в Лондон, проведя два месяца в «Сан-Режисе», она снабдила меня чеком в 5 тысяч долларов тайком от Дали и попросила ничего ему не говорить. Оба пытались мне помочь, каждый по-своему, и вдобавок скрывали это друг от друга.

Я снова обрела свое лондонское пристанище, писала песни и рисовала. Весной я недолгое время пожила в Париже, и Дали попросил меня провести лето в Кадакесе. Он работал над стереоскопическим портретом Галы, сидевшей на стуле в костюме морячка. Сабатер, фотограф, стал просто вездесущим в этом доме. Ему удалось даже вытеснить Капитана, который вышел в отставку вместе со своими Оцелотами и готовил открытие собственного музея. Несмотря на свою жизнерадостность и готовность услужить Дали, Сабатер не был, однако, любим домашними, которые мне сказали, что «этот месье не корректен». Дали относил подобные мнения на счет ревности. Гала находила Сабатера весьма полезным, так как он взял на себя все крупные дела, издание, права на воспроизведение, заказы статуэток, словом, все, что для нее было существенным.

Дали решил, что мы поедем в Эльш, в провинцию Аликанте, посмотреть на традиционную мистерию вознесения Богородицы. Гала собиралась оставаться на август в Пуболе. Бенджамен, маленький раболепный улыбающийся человечек, великолепный кулинар, перед нашим отъездом приготовил нам вкуснейшую paella и «руку Гитаны». Именно эти

блюда были выбраны, потому что мы отправлялись в Андалузию. Когда мы продегустировали эти блюда в компании друзей, за длинным столом, накрытым около бассейна, за шторами «конского круга», как Дали называл свои венецианские занавески, я стала расспрашивать у него о деталях мистерии в Эльш. Это был знаменитый ритуал, который проходил в соборе каждое пятнадцатое августа в течение многих веков. Дева Мария, которую представлял молодой человек, одетый в синее платье, поднималась на хоры, вернее, ее тащили с помощью пеньковых тросов, так что казалось, что она поднимается в небо, тогда как ангелы осыпали сцену oropelos. Так назывались золотистые конфетти. Дали считал этот обряд сюрреалистским и был вне себя от восторга во время прослушивания записи церемонии. Особенно ему нравились песнопения в исполнении мальчиков, голос которых еще не начал ломаться. Мы приплыли в порт де Розас на небольшой яхте, одолженной у друзей. В этот раз у нас были отдельные каюты. Я снова страдала от морской болезни. Дали умел удерживаться на палубе во время качки и выглядел безукоризненно в своем полосатом костюме. Видя его сидящим на палубе каждое утро, я стала подозревать, что он даже спит одетым. Мы бросили якорь в Аликанте и провели ночь в отеле, а потом отправились дальше на взятой напрокат машине. Дали сравнивал пейзаж с картинами Зоройя, которые мы видели в Нью-Йорке: синева моря, блики на песке пляжа, голубоватые тени на побеленных оконных рамах. Маленький городок Эльш был переполнен паломниками, съехавшимися на праздник. В церкви яблоку негде было упасть, и даже дышать было трудно. Нам предоставили два места на забитой трибуне; мне было неудобно сидеть, потому что меня все время толкали две полные дамы, обмахивающиеся веерами. Кортеж прошествовал через центральный вход, сопровождаемый прерывистыми хлопками собравшихся. Дали указал мне на святого Иосифа с фальшивой бородой, пастухов и пророков. Он дергал меня за рукав, когда какое-то песнопение ему особенно нравилось. Когда я увидела парня, переодетого в Деву Марию и поднимавшегося над алтарем, меня взорвало от смеха. Дали угрожающе посмотрел на меня, так как мэр Эльша был рядом с нами. Церемония была долгой, но апофеоз настал вместе с дождем oropelos, падавших сверху и блестевших, как золото.

Вечером мы присутствовали на большом фейерверке. Дали в восторге поздравил мэра. Раздраженная непомерным восхищением Дали этим народным празднеством, я сказала ему с недовольной гримасой, что у нас в Англии есть такие же красивые фейерверки, например, в день Guy Fawkes. Я держала в руке красный шарик, который какой-то ребенок дал Дали. Мэр

спокойно и равнодушно дернул мой шарик за веревочку и отплатил мне за мое замечание:

— Наверное, у вас нет таких красивых шариков в вашей Англии!

И он повернулся ко мне спиной, в то время как я созерцала улетающий шарик. Дали ликовал: — С вами должно было так случиться, моя дорогая, это вас научит не вести себя так небрежно по отношению к мэру города.

Я пришла к выводу, что единственным мэром, которого я любила, был Рамон Гуардиола, мэр Фигераса, и что с меня хватит петард, жары, святых дев и их мистерий. Короче говоря, я закапризничала и настояла на возвращении в Кадакес. Мы уехали на следующий день, и Дали не скрывал своего плохого настроения. На самом деле я была озабочена запоздалым выходом моей пластинки. Она только что поступила в продажу в Германии, и я с нетерпением ожидала ее появления на витринах испанских магазинов.

После небольшого, но приятного плавания, мы встретились с Артуро в Таррагоне. Но я еще не представляла, что меня ожидало. Муниципалитет приготовил народное чествование Дали, которое по части плохого вкуса далеко превзошло празднества в Эльше. Я должна была присутствовать на параде, прошедшем по улицам города. В центре толпы находился Дали, восседавший на картонном слоне, как будто это был ярмарочный аттракцион. Он был явно испуган, но храбро поднял трость, и толпа зааплодировала. В качестве вознаграждения мы получили вечером право выступления и на концерт у освещенных укреплений… Я больше не могла выносить праздников.

Но слава Богу, под убаюкивающее пение сверчков началось лето. Каждый год Дали просил у горничных поймать ему сверчка, которого он потом сажал в крошечную клетку и подвешивал к кухонной двери. В той же самой степени, в которой он боялся кузнечиков, он любил сверчков, певших каждый вечер, даже в неволе. В тот год сверчок смог прожить в клетке всего лишь несколько дней, и огорченный Дали попросил, чтобы ему немедленно нашли другого. Спускаясь во внутренний дворик, он останавливался перед клеткой и царапал спинку сверчка с длинными усиками.

Вечером, перед ужином, мы проводили чудесные часы перед бассейном, освещенным прожектором. Меня буквально пожирали москиты — что не интересовало Дали — он рассказывал мне о гирляндах, символе счастья. Мы должны были составлять в своем воображении гирлянды из «величайших» моментов нашей жизни, пережитых вместе.

Мы уже составили таким образом гирлянду из самых значительных воспоминаний предыдущих летних каникул, как вдруг телефонный звонок

вырвал меня из этих сладких мечтаний. Меня попросили приехать в Мадрид для шоу на испанском телевидении, где я должна была представлять недавно записанную песню. Я попросила, чтобы мне зарезервировали спальню в «Рице». По традиции, о которой я уже рассказывала, этот мадридский отель не принимал артистов. Но я еще не стала звездой и поэтому получила номер, что доставило мне удовольствие подтрунить над Дали. Правда, у меня возникли некоторый трудности в отношении журналистов, приходивших меня интервьюировать. Итак, вечером я уже пела, одетая с головы до ног в черную кожу с кнопками. Дали знал время передачи, но я сомневаюсь в том, что он ее смотрел. Он все-таки взял на себя труд дойти до кухни, где стоял старый черно-белый телевизор. Слуги смотрели телевизор и ели, и Дали пообещал им цветной телевизор, который они так и не получили, согласно изречению «promettre ne fa pauvre» (от обещаний не беднеют). За это он попросил служанку, которая принесла ему завтрак, рассказать ему передачу в деталях, что я делала, как я была одета и т. д.

Пюиньяль, мэр села, пришел к нему с визитом и рассказал, что весь Кадакес видел меня по телевизору. Успокоившись по поводу того, что я не оказалась смешной, как он боялся, Дали стал спрашивать у каждого посетителя:

— Вы видели Аманду по телевизору в субботу вечером? Она была великолепна!

Мое счастье было полным. Я принесла Дали свою пластинку, и он сказал, что было бы забавно слушать ее вместе с «Тристаном и Изольдой» и эльшской мистерией. Гала высказала свое мнение гораздо позже. Оно было нелицеприятным. Она сочла мою пластинку ужасной, мой голос отвратительным и вообще не понимала, зачем мне нужно было этим заниматься, когда ее любимый «Иисус Христос» пел во сто раз лучше и не записывал пластинок. Но она смогла оценить меня в связи с вещью гораздо более прозаичной: я надрезала лезвием бритвы подошвы новых башмаков Дали, чтобы они не скользили. Гала была удивлена моей практичностью, и Дали мне это передал (он всегда передавал мне все, сказанное Галой в мой адрес — и хорошее, и плохое). Моя скрупулезность доставила ей удовольствие, и она позволила мне уехать с Дали в Женеву.

На самом деле этот отъезд больше походил на бегство. Дали, как всегда из бравады, пошутил в адрес Гитлера: газеты напали на него по поводу его политических убеждений, главное обвинение состояло в том, что он убил белую лошадь, чтобы сделать из нее чучело и украсить замок Галы. Все эти статейки, старательно собранные Сабатером, привели

последнего в ужас. Это были происки врагов. Сабатер считал даже, что Дали угрожают. Я никогда не видела ни единого письма с угрозами, но Сабатер рассказал, что он видел в Порт-Льигате, каких-то странных личностей. Дали испугался до такой степени, что решил улететь в Женеву на самолете! Это был его первый полет. Мы вылетели из Барселоны обычным самолетом. Я дала ему валиум, чтобы вывести его из депрессии, и во время полета успокаивала его, как могла. Когда мы приземлились в Женеве, он заявил:

— Жаль, что я раньше не летал на самолетах! Это совсем не страшно. Я снова полечу на самолете, как только мне захочется!

Это человек полностью состоял из парадоксов. Отныне он стал летать в Нью-Йорк самолетами.

Мы остановились в отеле «Президент» на берегу озера Леман, но прекрасный вид, открывавшийся из наших окон, не успокаивал Дали. Не больше на него воздействовали и увещевания Сабатера:

— Со мной вы в безопасности, господин Дали. У меня есть револьвер, чтобы вас защищать.

Вид этого оружия, казалось, приводил Дали в ужас. Я этим воспользовалась, чтобы поделиться с Дали своими сомнениями по поводу этого мастера на все руки.

— Вы ошибаетесь, — ответил он, — Сабатер очень полезен Гале, он занимается всеми нашими делами, и он очень честен. Он так нам предан, и мы даже не платим ему зарплаты.

Однако Сабатер, казалось, купался в золоте. Он был одет с иголочки, сидел за рулем роскошной итальянской машины. Построил себе роскошную виллу и отнюдь не вызывал жалости. Я больше не пыталась раскрыть Дали глаза, но наблюдала за этим секретарем, в такой же степени незаметным, в какой бросался в глаза Капитан и его оцелоты.

Мы провели несколько дней в Женеве. Дали водил меня на экскурсии, чтобы убить время. Он купил мне плащ у Сен-Лорана, сумочку и туфли, потому что я вывезла из Кадакеса только летнюю одежду. Мы нанесли визит принцу Виктору-Эммануэлю Савойскому, который с гордостью показал нам свой дом, построенный по его эскизам, но Дали нашел дом ужасным.

Однажды, когда мы переходили улицу де ля Гар, нас остановила женщина-полицейский, потому что мы переходили улицу в неположенном месте. Переполненная сознанием собственной важности, она обвинила нас в нарушении закона и попросила наши документы. Я вынула свой паспорт, но Дали не носил своего с собой, что было не по закону. Дама в форме

настаивала, угрожала отвести Дали в участок. Он запротестовал:

— Но в конце концов, вы же видите, кто я такой! Я говорю вам, что я Дали, художник…

Вы же должны меня узнать!

Закон есть закон, и дама не хотела ничего слышать. Жестикуляция Дали возбудила в даме еще больше подозрений. Вокруг нас собралась толпа. Мне удалось однако умаслить жандармшу, и она нас отпустила. Дали был уязвлен, а я вне себя. Он принялся изрыгать хулы на Швейцарию, глупость жандармов, идиотизм законов. У него был совсем несчастный вид. Женева не была его средой. Швейцария вообще вызывала у него одни причитания.

— Нет, вы только посмотрите на это! Настоящая катастрофа! Все эти горы похожи друг на друга! Тут не на что смотреть, а это невыносимо для такого созерцателя, как я. Когда я подумаю о мысе Креуз, о геологии Ампурдана…

Однако мы посетили Монтре, несколько замков, музей часового дела, полюбовались старинными часами, этими чудесами точности; мы видели дом Вольтера, выпили по чашечке чая в Бо-Риваж и поужинали отменной форелью. В Лозанне Дали оступился, выходя из магазина, и растянулся на тротуаре. Я стала его поднимать, испугавшись перелома, но, слава Богу, он ничего себе не сломал. В первый раз я видела его таким уязвимым и беспомощным. Кроме того, по радио сообщили, что генерал Франко только что умер после долгой агонии. Дали пребывал в беспокойстве. Примет ли Испания нового короля? Коммунисты уже проявили себя, социализм ждал своего часа, и Дали вдруг стал бояться будущего. Наконец прибыла Гала, и они уехали в Нью-Йорк.

Я же вылетела в Мюнхен, чтобы заняться своим альбомом. В честь Дали я назвала свою первую песню «Blood and Honey» («Кровь и мед»), так как одна из его картин называлась «Мед слаще крови» и я думала о нем, сочиняя эту сумрачную историю женщины-вампира. В общем я написала с десяток песен и записала их в Мюнхене, где мне представился случай оценить пунктуальность и действенность немцев. Ко мне отнеслись очень хорошо: роскошный отель, все расходы оплачены, цветы и журналисты, но я должна была много работать. Запись длилась порой до трех-четырех часов утра, и я возвращалась в отель совершенно истощенной. Тони Монн, занимавшийся выпуском моей пластинки, хотел, чтобы это была коммерческая музыка хорошего качества с хором и скрипками. Альбом, названный мной «Я фотограф» в память о моем прошлом манекенщицы вышел сразу после Рождества. Выпуск его сопровождался рекламной

шумихой, где я выставлялась, как «скандальная особа и сексуальный символ». Газеты порадовались вволю: я была подружкой Боуи, певца-бисексуала, и протеже Дали, гения с двусмысленными вкусами.

До того чтобы превратить меня в загадочного андрогина, был только один шаг, и он был с легкостью сделан. За короткое время я стала транссексуалкой, родившейся в Трансильвании, как и Дракула. Эту идею рекламисты использовали в песне из «Rocky Horror Chow», модной музыкальной комедии. То, что загадочная блондинка с хриплым голосом может на самом деле оказаться парнем, настолько обрадовала средства массовой информации, что мне предлагали передачу за передачей, интервью и фотосеансы. Я согласилась позировать обнаженной для немецкого «Playboy». Меня сфотографировала в Лондоне Криста Петерс. Все немецкие парни — дискофаны вырезали мои фотографии и образовали фан-клуб Аманды Лир.

В течение этого взлета моей карьеры Дали, находившийся в Нью-Йорке, был абсолютно не в курсе того, что со мной происходило. Я на месяц присоединилась к нему в «Сан-Режисе» и привезла с собой альбом, чтобы подарить друзьям-журналистам из «Interview», оформителю Ричарду Бернстейну, Пенелопе Три и Роберту Мэплетхорпу, фотографировавшему меня в черной кожаной куртке. Дали, казалось, был недоволен моим неожиданным успехом и притворялся, что его не интересует моя пластинка. Он показал мне свои полотна, совершенно необычные и созданные здесь, в Нью-Йорке. На них я увидела уродливых и смешных человечков, написанных в коричневых тонах, и землю Сиены. Он сказал, что эти полотна должны вызвать комический эффект.

— Я хочу, чтобы вы сказали мне искренно, вызывают ли эти картины смех или нет. Я видел, как вы смеялись над рисунками Снупи и неловкими полотнами Пикассо. Итак, вы можете засмеяться при виде этих картин или нет?

Говорил ли он серьезно? Во всяком случае в его картинах не было ничего смешного. Формы были, конечно, несколько гротескными, но это не вызывало смех. Дали был очень разочарован. Эта зима вообще не была для него удачной. Гала все чаще и чаще появлялась в обществе своего «Иисуса Христа — суперзвезды». Сабатер шнырял по коридорам в поисках какой-то невидимой опасности. Все послеобеденные часы были отданы адвокатам. Дали вел процесс, у него были проблемы с налогами, он вынужден был просить разрешения на постоянное место жительства в Монако по причине налогов. Он, всегда спокойный, заметно нервничал.

Кэнди Дарлинг, наиболее удачливая травести из окружения Уорхола,

только что умерла от рака кишки. Дали велел отнести цветы на ее могилу. Я иногда обедала в «Фабрике» Уорхола, на Юнион Сквер. Его журнал «Интервью» пользовался все большим и большим успехом; в нем была отдана обложка Дали и Гале. Энди был всегда очень любезен со мной, расспрашивал о Дали и о том, что он сейчас рисует. Однажды вечером он пригласил меня со своими друзьями на концерт «Jaksen Five» «Мюзик-Холл» Радио Сити. Несмотря на талант и прыжки молодого Майкла Джексона, Энди предпочитал смотреть на это по телевизору, и мы ушли посередине концерта, о чем я очень сожалела, поскольку спектакль мне понравился. Он повел меня ужинать в китайский ресторан с Уорреном Битти и своей случайной подружкой Мишель Филипс, экс-певицей группы «Mamas and papas». Мы говорили о ЛСД, и Уоррен спросил меня, какие ощущения вызывает этот наркотик и какой производит эффект. Я его встретила на следующий день в лифте «Сан-Режиса», и он пригласил Дали и меня на предварительный просмотр своего фильма «Шампунь». Мне удалось убедить Дали присутствовать на просмотре вместе с Ширли Мак Лейн и продюсерами Уоррена. На следующий день он мне позвонил и предложил позавтракать с ним, и на мой вопрос, где именно, ответил: «В моей спальне, в кровати с моей подружкой Мишель…»

Одной из навязчивых идей Дали была пишущая ручка, одна из тех пишущих ручек, которые были во всех номерах «Сан-Режиса». Он открыл, что металлическое покрытие ручки медленно окисляется, и в результате этого возникают крошечные пятнышки, в которых он видел весь мир… Он различал в этих пятнышках человечков, пейзажи. Он собрал у себя штук двадцать таких ручек и ускорял процесс окисления, мочась на них. Моча наступала на металл. Дали тщательно сохранял все эти ручки в ящике и с наслаждением их рассматривал. Он хотел снять эти пятна и на их основе создать многосерийный психоделический фильм «Путешествие в Великую Монголию».

Я оставалась в Нью-Йорке дольше, чем предвидела. Я обожала этот город, его магазины, сюрпризы, которые он готовил. Я открыла для себя «Мэйк-ап-центр», где покупала косметику, которую было невозможно найти в Европе. Я ходила танцевать с приятелями на новые модные дискотеки. Меня представляли журналистам, и я позировала для «After Dark», загримированная Пьером Ларошем. Я почти каждый день бывала на вечеринках. Я вновь увидела Эльзу Перетти, Хэлсона, которого Дали называл «Шеперд», Мика Джаггера и Бьянку. Я присутствовала на нескольких концертах, например, на концерте «Led Zepelin» в «Мэдисон Сквер Гарден». Гитарист группы Джимми Рэйж проводил меня до отеля,

что спровоцировало ревность среди его фанаток.

Короче говоря, я развлекалась, но Дали был уже не таким, как в Кадакесе. Когда я его сопровождала в ресторан, закутанного в ужасное манто из черной норки, предложенное Сабатером вместо бобровой шубы, он все больше и больше опирался на мою руку. Однажды, выходя из «Цирка», мы встретились с Джеки Кеннеди, с дочерью которой Каролиной я познакомилась в Лондоне. Дали счел, что вдова Онассиса похожа на головастика со своими слишком расставленными глазами, что не помешало ему ее сердечно обнять и пообещать с ней поужинать. По воскресеньям мы ходили с Галой в русскую чайную есть блины и икру. Обратно мы возвращались пешком, рассматривая по пути витрины. Иногда Дали предлагал мне прогулку в коляске по Центральному парку. Он сильно сжимал мою руку, без конца повторял, что любит меня, и мы строили планы на лето.

Глава 20

Все мои планы были разрушены неожиданным успехом пластинки. Я возвращалась в Лондон на самолете в компании Мика Джаггера, который очень любезно со мной беседовал. Он спросил меня, часто ли я вижусь с Боуи. Дэвид поселился в Берлине, чтобы погрузиться в атмосферу этого необыкновенного города. Моя пластинка очень быстро разошлась в Германии, где я стала воплощением диско. Мои продюсеры записали меня в нескольких телешоу и пустили пластинку в продажу в Италии. Я должна была отправиться в Рим, чтобы петь в передаче из варьете. Я позвонила Дадо Русполи и он пригласил меня поужинать с Хельмутом Бергером и Антониони. Дадо с обычным энтузиазмом показал мне свои восточные статуи и азиатские предметы. Мы, конечно, много говорили о Дали и о моей карьере певицы. Хельмут знал мою пластинку наизусть и забавлялся тем, что передавал ее с помощью мимики. На следующий вечер он пригласил меня к себе вместе с Лулу де ля Фалез, Дэвидом Бэйли и Дадо. Он показал нам чудесные сувениры, которые ему оставил Лучано Висконти, и мы отправились танцевать в «Джеки О'», где Хельмут надрался и перевернул все стаканы на столе. «Dolce Vita» продолжалась на нескольких привилегированных квадратных метрах. Хозяин церемонии, Жиль Канье, организовывал светские вечера и ужины-маскарады, на которых я встретила Эльзу Мартинелли, Урсулу Андрес, Альберто Моравиа.

Как и скандальная немецкая пресса, итальянские газеты изобиловали описаниями моего скандального прошлого: я была любовницей не только Дали, но и Марлона Брандо,

Джона Леннона, Элтона Джона и прочих знаменитостей. Популярные журналы сообщали, что новая диско-звезда была парнем перед тем, как стать «пожирательницей мужчин», не подозревая, что эта рекламная находка была сфабрикована моими продюсерами. В апреле импрессарио предложил мне небольшое пробное турне по городам северной Италии. Я была напугана идеей выйти на сцену и петь перед публикой, но приняла весь риск этого нового для меня занятия. После нескольких репетиций в Милане мы выехали на итальянские дороги, и я быстро подружилась с моими коллегами. Первые концерты были бедственными, но я научилась вести себя на сцене и даже разговаривать с публикой. Мой очень слабый итальянский завоевал мне симпатии молодежи, переполнявшей дискотеки

и клубы, где мы проезжали.

Вернувшись в Лондон, я принялась за написание новых песен, предназначенных именно для этой молодежи. Меня хотели видеть роковой женщиной, с попахивающей серой красотой, в которой было что-то дьявольское. Мне следовало культивировать эту тайну и двусмысленность. Я написала «Follow me», песню о том, как красавица продала душу дьяволу. Я рассказала об этом моему продюсеру Тони Монну, который загорелся идеей записать новый альбом, каждая песня которого будет связана с предыдущей, концептуальную пластинку, тоже самостоятельную историю.

Естественно, мой новый образ не имел ничего общего с нежной Амандой, так любимой Дали. Когда я вернулась в Париж, он не захотел разговаривать ни о моих проектах в отношении пластинки, ни о моей карьере. Он хотел, чтобы с ним оставалась малышка Аманда, нежная и послушная, которую он знал уже 10 лет. Его неотвязно преследовала мысль о готовящемся на него покушении. Я пыталась его убедить в том, что никто этого не хочет, что он в безопасности и ничего не случится. Он рассказал мне, дрожа от страха, что Сабатер получил угрозы в его адрес и анонимные письма. Он хотел завести себе телохранителей и требовал, вернувшись в Кадакес, чтобы жандармы следили за его домом. Я понимала, что именно Сабатер поддерживает этот страх, и попросила его больше не беспокоить Дали. Но он находил удовольствие в стимулировании этих страхов, чтобы строить из себя защитника. Все это не сулило ничего хорошего.

Летом я предприняла турне по Италии, на этот раз хорошо организованное. Я заимела танцовщиков, чтобы оживить представление. Теперь на мне было ярко-красное платье, расшитое блестками, которое Энтони Прайс мне изготовил в Лондоне. Я пела в Падуе, Мантуе, Парме, Модене, по всей Эмилии, в окрестностях Болоньи. Дали велел мне посмотреть на сады Бомарцо и их ужасные статуи гигантов и циклопов. Он добавил:

— Я плакал всего один раз в жизни, когда я захотел купить монстров Бомарцо и когда мне сказали, что это невозможно.

Но у меня больше не было времени осматривать достопримечательности, потому что каждый вечер я пела в новом городе.

Турне окончилось, и я поторопилась в Кадакес к своим летним привычкам: солнечным ваннам около бассейна, морским прогулкам и сеансам рисунка в ателье. Горничные вытащили мою прошлогоднюю летнюю одежду, все больше и больше пахнувшую нафталином. Мои волосы, выкрашенные в рыжий цвет для турне по Италии, снова стали

белокурыми на средиземноморском солнце к великой радости Дали, который любил их, «как поле fajols». Это было нечто вроде овса, светлого и легкого, колеблемого ветром.

В сентябре мы уехали в Барселону, где Дали нанес визит Ури Геллеру. Геллер говорил, что может гнуть вилки, останавливать часы и размагничивать магниты. Дали нисколько не верил в это, но он принял Геллера, который согнул перед ним несколько металлических предметов. Его черный сверлящий взгляд гипнотизера напугал Дали, не имевшего никакого желания быть объектом парапсихологических опытов.

— Он неотразим, этот patatouski, — прошептал Дали. — Он навел на меня ужас своим неподвижным взглядом.

И он избавился от Ури, отправив его посмотреть мою римскую баню. Я воспользовалась этим, чтобы поговорить с Ури о его способностях, к которым была более восприимчива, чем Дали. У Ури действительно был волшебный дар. Он описал мне песню, которую я записала на кассету и которую еще никто не слышал. Он захотел притронуться к кассете, чтобы узнать, хорошие ли излучения от нее исходят. Они были хорошими, и он предрек мне большой успех. Он попросил меня звонить ему в Нью-Йорке, что я и делала, начиная со следующего моего приезда. Геллер очень меня смутил, описав все предметы, находящиеся у меня в спальне. Дали, однако, продолжал верить только в свое волшебное дерево.

В Барселоне Дали повел меня в музей римского искусства в Монтхуи. Он выразительно комментировал тамошние статуи и фрески:

— Какой ужас! Хуже быть не может! Посмотрите на эти лица, топорные и никуда не годные, на эти негнущиеся драпировки, на эти шаровидные глаза. Никакого интереса. Тут нечего делать. Греческие статуи, Пракситель, Фидий, это был апофеоз, после этого уже ничего не было. Декаданс!

Как всегда, он говорил громко, с пафосом, что заставляло оборачиваться редких посетителей этого скучного музея. На выходе он остановился перед возвышавшейся в саду гигантской скульптурой Миро, выкрашенной в яркие цвета. Он созерцал ее какое-то время, а потом, указав палкой в ее направлении, бросил:

— Это еще хуже. Что это может представлять собой, как вы думаете?

Он часто критиковал Миро, тоже каталонца, считал его наивным и беспомощным. По правде говоря, он к нему немного ревновал.

Вернувшись в Кадакес, он принялся за новую картину, вдохновленную Клодом Лорреном. Беа занялся воображаемым портом Лоррена, а Дали тщательно вырисовывал обнаженную женщину со спины, на фоне

чудесного неба в сиянии утренней зари.

— Вот увидите, это противоположно Миро.

Он продолжал работать над стереоскопической картиной, изображавшей Золотое Руно. Все наши разговоры вертелись вокруг этой темы.

В тот год я вынуждена была сократить свое пребывание у него, чтобы уехать в Мюнхен записывать новую пластинку, которую я собиралась назвать «Sweet Revenge». Перед моим отъездом Гала позвала меня в свою круглую спальню. Мы поговорили о моих проектах, о моей карьере. Она боялась, как бы я из-за своих успехов не стала чуждаться Дали. Я ее успокоила, но она сказала, указав на икону Казанской Богородицы:

— Поклянитесь мне на этой иконе, что если со мной что-то произойдет, вы позаботитесь о нем!

Я пробормотала, что не могу обещать ничего подобного, что я сама не знаю, что станется со мной в будущем. Гала настаивала и подталкивала меня к этой клятве.

— Это останется между нами, двумя женщинами. Я хочу, чтобы вы пообещали мне одну вещь, вы выйдете за Дали, когда меня уже не будет здесь. Послушайте! Вы знаете, что он вас любит, вы все-таки умны… Клянитесь!

Тон был категорический. Я поклялась на иконе никогда не покидать Дали, и Гала отпустила меня. Это была в самом деле удивительная женщина. Она до такой степени любила своего мужа, что хотела позаботиться о его счастье после своей смерти. Она хорошо знала, что Дали не может жить без женского присутствия. Он нуждался в постоянных подбадриваниях, стимулировании, чтобы продолжать свое творчество. Как многие из его друзей, я спрашивала себя, что случится с тем из них, кто переживет другого. Гала бы выстояла, без всякого сомнения. Это была женщина с сильным характером. Но я не могла себе представить Дали без Галы: если бы она умерла раньше его, я думаю, он бы покончил с собой или умер бы от тоски.

Но просьба Галы меня смутила. Какая ирония! Гала хотела, чтобы я вышла замуж за Дали, который просил меня о том же самом несколькими месяцами раньше…

Я чувствовала, однако, что моя карьера все больше и больше поглощает меня и что у меня будет оставаться все меньше и меньше времени для моего старого друга. Меня снимали на телевидении, у меня брали интервью, мне льстили, и в то же время я была раздавлена своей известностью, но понимала, что никогда больше не буду его малышкой

Амандой, меланхолической и мечтательной, которую он так страстно любил. Средства массовой информации создали мой искаженный и карикатурный образ, который я имела несчастье принять. Запись моего второго альбома почти закончилась. И была запущена рекламная машина. Я позировала в провокационном платье с разрезами, делала шокирующие заявления о сексе, и мне приписывали тысячу любовников.

Мой альбом «Sweet Revenge» вышел одновременно во всем мире и имел большой коммерческий успех. Все шло слишком быстро. Я получила золотой диск в Германии, Италии, Франции, Бельгии. Я вдруг обнаружила, что обладаю небольшим состоянием и возглавляю действенную организацию. Я купила себе квартиру, машину, длинное бобровое манто, огромное, бросающееся в глаза. В нем я сама себе казалась смешной и надевала его всего два или три раза. Ему суждено было вечно висеть на вешалке в моем шкафу.

Мое следующее турне было настоящим спектаклем с музыкантами, танцовщиками, мудреными световыми и дымовыми эффектами, из которых я извлекла пользу. Я пела в Цюрихе, Гамбурге, Берлине, Милане. Все большие европейские города желали видеть мое шоу. Только Англия оставалась равнодушной к Аманде Лир. «Нет пророка в своем отечестве». Англичане предпочитали рок-н-ролл, свирепствовала мода на punk. Дали этим интересовался (он произносил pounk), поскольку он любил все необычное и революционное. Зато диско не вызывало у него эмоций. Он, казалось, был доволен моим успехом, но, послушав краем уха мой второй альбом, забыл его среди остальных своих сорока пластинок.

Я встретила его в Париже на Рождество. В первый раз я оплатила ужин в «Максиме». Я попросила свой счет в отеле. Дали совсем не понравилась эта независимость. Его чувства ко мне не изменились, но он понял, что я могу исчезнуть из его жизни, превратившись в объект всенародного восхищения. Бабочка вырвалась из своего хризолита… Моя студия грамзаписи послала меня в США для продолжительного турне. Это был просто кошмар, несмотря на путешествие в первом классе и роскошные номера. Мне совсем не удалось расслабиться. Бесконечные интервью и записи на радио меня истощили. За несколько дней я преодолела расстояние от Нью-Йорка до Чикаго, я должна была появиться на всех дискотеках, рассказывать мою жизнь десяткам журналистов. Я была настолько истощена, что не понимала, где нахожусь, машинально отвечала на вопросы, всегда одни и те же. Я все больше и больше сожалела о том, что акцент делался исключительно на том, что я pin-up, секс-символ. Мои длинные ноги и сексуальная одежда перевешивали все мои песни.

Когда я вернулась в Европу, у меня было очень мало времени, чтобы рассмотреть свою квартиру. Я уже снималась на телевидении почти повсюду. Франция, всегда несколько отставшая от остальной Европы, вскоре тоже открыла меня. Меня интервьюировал Филипп Бувар, я пела «Follow me» в его передаче. Однажды вечером я выходила из «Максима» с Дали, когда посыльный подскочил ко мне и попросил у меня автографы для поваров и обслуживающего персонала. Обычно автографы просили у дали. В машине мэтр нежно пожал мне руку и мечтательно сказал:

— У малышки Аманды уже есть фаны…

Но я почувствовала, как неприятная мелочная ревность проскальзывает в его отеческом тоне. Дали всегда хотел быть единственным центром внимания и желал им оставаться и впредь. Двор, друзья, Людовик XIV были только аксессуарами, обожателями. Я пообещала себе поменьше его задевать и не выставлять себя этаким идолом, окруженным поклонниками. Я осталась такой, какой всегда была, покорной и готовой стушеваться перед ним.

Я снова отправилась в турне. Я утолила свою жажду известности, позируя перед фотографами, которые меня буквально изводили, как только я появлялась где-нибудь, не говоря уже о «papa-razzi», окопавшихся повсюду. Я провела несколько дней отпуска в Сен-Тропезе у моего друга Стюарта, и мои фотографии, сделанные с помощью телеобъектива, появились в итальянских газетах. Однажды, когда я прогуливалась перед Сенекье с маленьким сынишкой моей подруги Анни, какой-то фотограф сфотографировал нас и в своем репортаже заявил, что у меня есть сын от Брайана Джонса, и я прячу ребенка от всех. Та же газета сообщила несколько недель до того: «У нас есть неопровержимое доказательство, что Аманда Лир — мужчина!» Видимо, эта газета не боялась подобных противоречий. Главное было продать, и я шла с молотка. Лишь бы только обо мне говорили, моя студия грамзаписи была этим довольна.

Я стала разочаровываться. Эта жизнь была адской. Я уехала в Порт Льигат, чтобы найти там убежище. Дали мирно работал весь август. Он часто ездил в Фигерас, без конца переделывал свой музей, каждый раз добавляя к экспозиции новые предметы, предназначенные удивить публику.

В сентябре Дали повез меня в Барселону на пресловутый «Corte del Faraon», о котором он рассказывал мне годами. Эта безумная пьеса с поразительными песнями, рассмешила нас до слез. Дали знал все мелодии наизусть, отбивал такт ногой, и вид у него был мечтательный и восхищенный — иногда я видела его таким. Этот «Двор фараона» напоминал ему молодость, безумные барселонские ночи, юных каталонок,

за которыми он бегал с Пикассо. Мы посмотрели еще «Ventafochs» (каталонскую Золушку), спектакль для детей, увиденный когда-то маленьким Дали. Я уже достаточно хорошо знала каталонский, чтобы оценить эти произведения. Дали пригласил молодого актера, игравшего прекрасного принца, на ужин, поскольку, он, по мнению мэтра, был бы очаровательным «женихом» для меня.

Мы были в Барселоне, когда Гонзало привел с собой маленького скромного человечка, желавшего удостоверить подлинность одной картины, пейзажа совсем маленького формата. Дали его перевернул, чтобы проверить качество холста, внимательно изучил пейзаж и подтвердил, что это действительно его юношеская картина, датируемая тридцатыми годами. Он стал расспрашивать по-каталонски смущенного сеньора. Откуда это полотно? Как он его приобрел?

Тот рассказал, что его хозяин хотел бы продать картину и просил около 5 миллионов песет. Дали желал получить картину обратно, но решил не тратить ни сантима: он затеял длинный спор, в результате которого человечек согласился обменять старый пейзаж на недавнюю акварель Дали. Мэтр подчеркнул, что на этом обмене его гость только выиграет: старая акварель очень беспомощна. Человечек получил таким образом топорную акварель, которую Дали соорудил в тот же вечер. Он заставил покупателя поклясться не продавать ее на публичных торгах и дал ему подписать бумагу.

— Вот так-то! — ликовал он. — И мне это ничего не стоило! Оцените глупость этого человека: старая загадка стоит гораздо больше, чем акварель, которую я ему всучил. Посмотрите на этот прекрасный пейзаж! Я был совсем молод, когда нарисовал его. Вы узнаете, что на ней изображено, я надеюсь?

Маленькая картина мне очень понравилась. Зная, что бесполезно просить его подарить ее мне (он подарил мне только несколько эскизов и одну акварель), я предложила себя в качестве покупателя.

— И она вам действительно нравится? — спросил он, раздумывая над моим предложением.

— Очень. Но это зависит от цены.

— Кажется, вы сейчас богаты.

— Не так, как об этом думают.

— Вы уже говорите, как каталонцы. Я предлагаю вам торг. Сегодня день обмена. Я дам вам картину, если вы останетесь на три дня больше.

— Но я уезжаю завтра. Это невозможно.

Я стала торговаться, улыбаясь:

— Два дня.

— По рукам! — сказал Дали, протягивая мне ладонь.

Это были два самых хорошо оплаченных дня в моей жизни! Я обняла его и поблагодарила. Он приложил указательный палец к губам, в знак того, что Гала ничего не должна знать. Из предосторожности я засунула картину в свой чемодан.

Между нами все было, как прежде. У него дома я не была суперзвездой из итальянских журналов, а только участницей игр трогательного старого гения.

Этот перерыв длился слишком мало, для того, чтобы я смогла полностью отдохнуть. Едва вернувшись в Лондон, я должна была уехать в Канаду. Я повезла с собой Анни вместо секретаря, потому что у меня было два билета. Ее присутствие меня успокаивало, потому что здесь, как и везде, меня гоняли, продавали, тащили из города в город. Не говоря уже о службе иммиграции, для которой любая особа, в паспорте которой значилось «певица», вызывала подозрение. Чтобы вознаградить нас за это ужасное турне, я повезла Анни в Нью-Йорк, которого она совсем не знала. Увы, ее привела в ужас идея о тысячах опасностей, которыми угрожает этот город одинокой женщине, и она поспешила в аэропорт на следующий день после нашего приезда, бросив меня в отеле «Сан-Режис»! Я осталась на несколько дней в Нью-Йорке, увиделась с несколькими друзьями: братьями Джеймсом и Джедом Джонсонами, Томом Кэшином, близнецами Гарсиа, Марком Бале, Андреа Портаго и многими другими. Но Дали почти не выходил из отеля «Сан-Режис», и я довольствовалась тем, что несколько раз столкнулась с ним, когда он выходил из лифта.

Я должна была вернуться в Италию, чтобы сниматься в одном фильме в Риме. Это был мой первый большой фильм, и я была очень взволнована, особенно тем, что мне пришлось делить афишу с Адриано Челентано — суперзвездой в своей стране. Фильм был идиотским и моя роль — еще более идиотской. Я должна была играть немецкую певицу во время войны. Это было нечто вроде карикатуры на Марлен Дитрих. Со мной обращалась как с кинозвездой. Визажисты и парикмахеры крутились вокруг меня, в то время как меня одевали в сверкающее платье Сирены. Когда я вошла на площадку в первый день съемок, техники и операторы мне зааплодировали. Потом было уже не так. «Звездная» система существовала всегда!

Я ценила любезность и простоту Челентано, но оставалась разочарованной своей ролью. Фильм не имел большого успеха, но потом мне предложили сняться в следующем. Это должна была быть музыкальная комедия, в которой я исполняла пять или шесть собственных песен. Я

снялась в этом втором фильме и поспешила в Мюнхен, чтобы записать свой третий альбом, едва только закончились съемки. В честь Дали, объяснившего мне, что представляют собой пресловутые черные дыры в космосе (об этом говорилось в его любимом журнале «Scientibic American»), я написала песню под названием «Черные дыры». Мы опять записывали музыку электронную и танцевальную. Я начала задумываться над тем, что нужно сменить продюсера. По случаю появления моей пластинки во Франции Фабрис Эмаер предложил мне спеть на великолепной дискотеке «Палас» в Париже. Я с радостью приняла его предложение и стала первой певицей, открывшей этот новый храм музыке диско.

Я приехала в Париж в конце сентября и остановилась в «Плаза Афин». Фабрис показал мне все закоулки дискотеки. Работа над ложами была только что завершена, и даже краска еще не высохла. Все были в возбуждении, это был первый спектакль, подготовленный Фабрисом: сцена была едва готова, осветители и лазеры совсем новые. Ожидалось три тысячи человек, а пришло пять тысяч. Это была запоминающаяся толкучка. Охране не удавалось сдерживать возбужденную публику. Я пыталась выглядеть спокойной и сохранять пресыщенный вид за рулем «лимузина», на котором ездила из отеля в «Палас», в компании Рожера Пейрефитта, журналиста из «Paris-Match», интервьюировавшего меня. Моя команда в страхе ожидала предстоящего выступления и Фабрис Эмаер, мой импрессарио, — тоже. Да и мне было не по себе. Я вышла на сцену в полночь с плетью укротительницы в руке и вызвала исступленный восторг публики. Я не могла прийти в себя до тех пор, пока не заметила в толпе, подобравшейся к самой сцене, лицо моей старой подруги Катрин Арле. Она была здесь, она, открывшая меня, предоставлявшая мне приют, она, благодаря которой я зимой 1965 года стала моделью Пако Рабанна!

Это послужило для меня лучшим утешением и влило в меня силы. Лина Рено, Мария Феликс и Рожер Пейрефитт пришли ко мне в ложу с поздравлениями. Их привел Фабрис Эмер. Фабрис сказал:

— Моя дорогая, ты выиграла! Сегодня вечером ты стала королевой Парижа, ты можешь с ним делать все, что захочешь.

Потом состоялся ужин в мою честь в «Клубе Семи», где была рада встретить своих друзей Маноло Бланика и Стюарта, специально приехавших из Лондона на мой спектакль. Рожер Пейрефитт написал хвалебную статью в «Paris-Match», не забыв упомянуть о колкости, брошенной Линой Рено в мой адрес. Была я звездой или нет, но мне удалось затмить своими нарядами из черной кожи и трико тигрицы всех

этих певиц в платьях, расшитых блестками, которые годами представляли французскую песню. Они бросились в диско по моим стопам, оделись в более современные наряды, стали делать себе вызывающие прически. Но я была первой и даже сейчас мне говорят о моем концерте в «Палас», как о событии. В конце моего турне по Европе я дала прощальный обед всей своей команде, подарила каждому по маленькому золотому сувениру с резьбой. Танцоры, впрочем, не были забыты, все они были слегка влюблены в меня — и я спасалась от одиночества в их компании.

Я уехала в Токио, где приняла участие в телешоу, на котором мне вручили золотой диск.

Я путешествовала вместе с Дженни, моей секретаршей, и мы сделали посадку в Москве. Япония была для меня откровением. Я была очарована этим незнакомым миром, да и японцы, казалось, были довольны моим приездом. Во время моего пребывания в Японии я была приглашена красавицей Дэви Сукарно на вечеринку, где встретила французских актрис Клодин Ожер и Милен Демонжо. Я посетила город, меня сфотографировали в кимоно, с чайной пиалой в руках. Фотограф, присланный Дени сан Таранто, пресс-атташе, которого Дали назвал, не знаю по какой причине, «Маленьким Эротиком», сопровождал меня повсюду. Мы даже пострадали от землетрясения, которое выбросило нас из кровати, меня… и моего друга японца. Я вернулась в Лондон, гордая тем, что мне удалось получить золотой диск даже в Японии.

В ноябре я на несколько дней сняла номер в отеле «Мерис». Дали, так радостно воспринявший известие о том, что я живу на улице Кастильоне, рядом с «Мерисом», теперь, казалось, был задет тем, что мой номер находился этажом выше его номера.

— Мне нужно к этому привыкнуть, — сказал он. — Вы знаете, что я ненавижу перемены. Мне нужно время, чтобы смириться с ними. Все так ново. Я несколько боюсь, что вы так близко…

У него, однако, были и другие заботы. Он в конце концов привык к этой новой ситуации и каждый вечер провожал меня до дверей. Иногда он подбрасывал мне под дверь ласковую записку, вырезку из журнала или приглашение и убегал. Я сказала Гале, что по горло сыта той жизнью, которую вела в последнее время. Она погадала мне на картах и предсказала большие изменения, нового мужчину в моей жизни, много поездок. Она, казалось, гораздо лучше, чем Дали, понимала мою усталость и жажду стабильности. Он был удивлен:

— У вас теперь есть все, что вы хотели, я думаю. Вы заработали денежек, вы знамениты, у вас нет недостатка в верных рыцарях, я не

понимаю, в чем ваша проблема.

Я и сама не знала, как ему это объяснить.

Его салон был уже не таким блестящим, как раньше. Модели, присланные агентствами, были уязвлены тем, что с ними обращаются, как с вещами и что Гала осыпает их колкостями, отказывались приходить к Дали. Дю Барри стоило огромных усилий убедить несколько молодых девушек прийти в «Мерис». Правда, верные куртизаны были на месте, но не хватало достойных гостей. Карлос, уцелевший в Индии, появился в костюме и галстуке, к великому разочарованию Дали, желавшему видеть своими придворными странных и необыкновенных людей.

Любезный Одуан де Барбо, которого Дали называл «Милен Демонжо», погиб при трагических обстоятельствах. Я сожалела об этом. Дали захотел познакомиться с Мари-Франс, травести из Альказара, и попросить ее раздеться, а потом, может быть, и позировать. Когда же это случилось, он был разочарован тем, что в ней «не хватает тайны». Теперь он считал весь мир «невозможным».

Однажды вечером я попросила его включить телевизор, чтобы посмотреть передачу, в которой я пела с Мишелем Сарду. Дали повернулся спиной и сказал, увидев, что передачу смотрят все присутствующие в салоне гости:

— Я буду смотреть на вас, в то время, как вы смотрите на Аманду, это гораздо интереснее!

Заметив мою обиду, он оправдался тем, что в жизни я гораздо красивее, чем по телевизору.

Как только Дали улетел в Нью-Йорк, я уехала на остров Морис, чтобы провести две недели отпуска на южном солнце. Таранто воспользовался этим и снял меня обнаженной для итальянского «Pleyboy» и для многих других журналов. Эти фотографии еще больше усилили мой секс-образ.

Когда я снималась в Риме, киношники имели наглость включить в фильм эротические сцены и дублировать мой голос, не спросив моего согласия. Таким образом музыкальная комедия стала порнографическим фильмом, где я произносила пикантные реплики чужим голосом, да еще и по-немецки! Я должна была возбудить процесс. Не говоря уже о налогах, которые я заплатила… Мой энтузиазм угасал, и мои амбиции вместе с ним. Я чувствовала себя одиноко и больше не находила в Дали утешения и поддержки. Я была переутомлена, на грани нервного срыва.

Глава 21

Гала хорошо гадала на картах. Я встретила молодого человека, чувствительного и хорошо воспитанного, соблазнившего меня своей любезностью. Ален-Филипп был любимым ребенком парижских ночей, но с одного раза потерял все, что ему удалось приобрести и чему завидовал весь парижский свет. Он от этого очень страдал. Меня привлекал не его титул маркиза, не его связи, я обрела в нем ту нежность и поддержку, которой мне не хватало с начала моих успехов.

Мы провели несколько дней в Англии, чтобы получше узнать друг друга, а потом я предложила ему сопровождать меня в Рио-де-Жанейро, где я должна была участвовать в бразильском телешоу. Мы уехали туда, влюбленными друг в друга, и провели идиллическую неделю между пляжами Копакабана и Ипанема, после чего решили пожениться, не ставя никого в известность.

Потом мы поехали в Лос-Анджелес, где моя студия грамзаписи приготовила для меня огромный белый «лимузин», самый длинный из всех «лимузинов», которые я когда-либо видела. В лос-анжелесской жизни все представляло собой китч: телевизор в машине, отель «Беверли-Хиллс», рестораны, посещаемые звездами… Мы смеялись, как дети, которым купили новые игрушки. Я захотела сравнить свои отпечатки пальцев с отпечатками Мерилин Монро, а Ален-Филипп — с отпечатками ног Джона Вэйна; мы сфотографировались в розовом конфетном «кадиллаке» и перед рекламным щитом, на которым гигантскими буквами было написано «Hollywood», потом посетили Лас-Вегас и игорные залы.

Выйдя замуж за Алена-Филиппа, я стала маркизой и вступила в новую жизнь. Все наши друзья, находившиеся в Лос-Анджелесе, пришли на прием, который мы дали в Голливуде. У нас были Саша Дистель, Ричард Энтони. Твигги и Пенелопа Три разрезали огромный свадебный пирог, в то время, как мы пили шампанское с Полем Моррисеем, Петером Лестером, Дэвидом Хокни и модным писателем Гарольдом Роббинсом, заявившим: «Брак предназначен только для исключительных людей».

Я в тот же вечер позвонила Дали в Нью-Йорк и сообщила о свадьбе. Он молчал.

— Алло, Дали! Вы меня слышите? Я в свадебном путешествии в Беверли-Хиллс, это чудесно, не правда ли? Почему вы молчите?

Он туманно меня поздравил и, опомнившись, позвонил, чтобы

выразить свое разочарование.

— Вы не должны были этого делать… Вернее, я хочу сказать, что вы могли бы подождать. К чему такая спешка? Если вы по-настоящему его любите, вы могли бы подождать какое-то время. Гала тоже удивлена…

Он выглядел потерянным. Только на следующий день он пришел в себя и со своей обычной уверенностью объявил, что он и Гала хотели бы устроить ужин в нашу честь, когда мы приедем в Нью-Йорк. Я ответила, что мы будем там через несколько дней.

Перед нашим отъездом Поль Моррисей преподнес мне в качестве свадебного подарка встречу с Мэй Уэст, моим кумиром. Дали когда-то нарисовал ее портрет. Она заставила себя упрашивать, но в конце концов пригласила нас на чай.

Сначала нам дали полюбоваться чисто голливудским убранством гостиной — все было белым, но несколько пожелтевшим от времени, а потом слуга и компаньон объявил ей о нашем приходе. Она была гораздо ниже ростом, чем я себе представляла, и в ее походке не было ничего от легендарного покачивания бедер. Она достаточно грузно опустилась на стул, обтянутый белой тканью, и спросила, кто я такая. Поль ей об этом уже говорил, но она забыла. Она уже многого не помнила, путала времена и даты. Ей было 90 лет, но она продолжала скрывать свой возраст! Я была очарована ее пухлыми ручками, покрытыми кольцами, и ее белокурым париком. Она не позволила нам курить в ее присутствии. Даже Бетт Девис вынужден был от этого воздержаться, добавила она, улыбаясь. Я сказала, что она хорошо выглядит, и выразила свое восхищение ее незабываемыми репликами в фильмах, к которым она сама сочиняла диалоги. Она закудахтала от удовольствия и заявила, что нынешние актрисы на такое не способны, что все они ей подражают, но она единственная в своем роде платиновая блондинка. После нее были всякие там Джеан Харлоу, Бетти Грейбл и Мерилин. Я сказала ей, что Мерилин представляет собой нечто исключительное.

— Ах, эта! Она меня копировала, я помню, что мы ходили к ее отцу.

Слуга вмешался в разговор: «Ну, что вы, Мэй, вспомните. Это была Джеан Харлоу, не Мерилин Монро…»

Мэй, казалось, смутилась.

— Хорошо, но тогда, Мерилин, это которая?

Я была ошеломлена. Она забыла Мерилин Монро!

После чая мы заговорили о спиритизме и экстрасенсорике. Мэй обожала это. Она оживилась и стала нам рассказывать, что общается с потусторонним миром и разговаривает с ушедшими. Я ее поблагодарила за

прием, она меня обняла, пожелала удачи в карьере певицы, и мы решили оставить ее наедине с привидениями. Держа меня за руку, она добавила, притронувшись указательным пальцем с огромным кольцом к виску:

— Не забывайте, что ваш лучший козырь — здесь.

Я поняла, почему Дали был так очарован этой заметной и неукротимой женщиной, которой удалось навязать всем свою достаточно карикатурную героиню посредством ума и здравого смысла.

Я рассказала об этой встрече Дали по телефону, и он захотел узнать, когда мы прибудем в Нью-Йорк, чтобы устроить ужин в нашу честь. Я заметила, что он не должен чувствовать себя обязанным устраивать нам праздники и что мы должны вернуться в Лондон. Я стала склонять его устроить этот обед в Париже:

— Нет, нет, — ответил он. — Я недолго пробуду в Париже. Я должен быть в Академии, слишком много суматохи, обед будет не к месту. Приезжайте сейчас же! Гала хочет познакомиться с вашим мужем маркизом, а я хочу видеть вас. Нам нужно о многом поговорить…

Быть может, я боялась его реакции на мой брак. Во всяком случае, я решила лететь прямо в Лондон, где я представила Алена-Филиппа всем моим друзьям, которые его тотчас же полюбили. Потом мы отправились в Париж, где Рожер Пейрефитт и Луиза Вайс устроили обед в нашу честь в «Максиме». В отличие от Дали, пытавшегося скрыть свое недовольство, Рожер был восхищен нашим союзом. Он меня нежно поцеловал и преподнес в качестве свадебного подарка великолепную картину Гейнсборо — портрет джентльмена в парике и придворной одежде, которую я повесила в своей лондонской квартире.

Луиза Вайс расспрашивала меня о моей карьере и об отношениях с масс-медиа. Она часто приглашала нас пообедать вместе с ней. Друг мужа, Жерар Нанти, устроил ужин в нашу честь, на котором я встретилась с Франсуазой Саган. Повсюду нас чествовали и устраивали праздники. Конечно, мне скоро нужно было ехать в турне, но теперь я не была больше одна в своей гостиничной спальне. Я сняла квартиру в Париже на тот случай, если мы туда приедем. На самом деле мы почти там не жили, и она пустовала большую часть времени, несмотря на астрономическую квартирную плату.

Я начала свое турне по Германии с новым шоу. Во время моего пребывания в Бельгии против меня опять стали интриговать: меня обвинили в том, что я не пою вживую. Это позабавило моего мужа, который несколькими годами раньше занимался шоу одной известной французской певицы, певшей под фонограмму от начала до конца. Эти

происки были ловким маневром организатора концерта, надеявшегося таким образом не дать мне заработать. Я возбудила длинный процесс против этого месье, после чего, поскольку газеты немедленно повторили это обвинение, я решила контратаковать, попросив, чтобы судебный исполнитель в течение всего концерта следил за тем, пою я вживую или нет. Бедняга, ни разу в своей жизни не взбиравшийся на сцену, должен был находиться рядом со мной перед тремя тысячами зрителей во Дворце спорта в Дюссельдорфе. Он подписал свидетельство о пении вживую, но прошли годы, прежде чем бельгийская юстиция меня оправдала. Немецкая пресса, слава Богу, опубликовала акт, составленный судебным исполнителем, но на выступлении сказались подозрения, подогретые бульварными газетами, что повлияло на успех моего турне.

Я встретилась с Дали в Париже и была крайне удивлена, увидев его настолько изменившимся. Он был очень взволнован приготовлениями к приему в Академии и, кроме того, у него были какие-то заботы, связанные с Америкой. Мы решили встретиться с ним в «Мерисе» в день церемонии. Ему явно был тесен новый зеленый наряд, он выглядел гордо, но чувствовал себя несколько неуверенно. Потрясая своей шпагой академика с эфесом в форме профиля, он похвастался, что выступил с блестящей речью. На самом деле, как писали газеты, он задыхался во время речи и вызвал некоторое разочарование тем, что пережевывал свои обычные темы: вокзал Перпиньяна, бессмертие, монархия, «Золотое Руно».

Он побеседовал с Аленом-Филиппом о его родословной, о происхождении его рода и о его титуле. В это время Гала спросила меня, понизив голос:

— Так это он? Посмотрев на него, не скажешь, что он так уж чудесен. Вы уверены, что влюблены в него? Я знала множество подобных щелкоперов, и гораздо красивее. За 10 тысяч долларов можно получить все, что хочешь. Я могу вам представить одного…

— Но, Гала, — возмущенно прервала я ее, — я вышла за него замуж, это очень серьезно. Речь не идет о случайном женихе. И он не альфонс!

Она покачала головой со сведущим видом:

— У нас очень плохие сведения о нем. Люди, знающие его, отзываются о нем очень плохо. Берегитесь!

Оскорбленная, я поднялась и отвела в сторону Дали. Он сказал:

— У вашего мужа голова детеныша тюленя, фотографии этих зверей так умилительны, и «Paris-Match» все время выступает против их истребления…

Я сказала ему о выпаде Галы против моего мужа. Он казался

удивленным:

— Ах, да? Вы в этом уверены? Но вы же знаете, что Гала не хотела вас обидеть, она вас слишком любит для этого. Быть может, она просто хотела пошутить.

— Нет! Она была злой, и я очень огорчена, что она говорила так плохо о парне, которого я люблю. Мы к вам больше не придем.

Дали попытался меня успокоить, оправдать свою жену. Он мне льстил и заставлял меня пообещать приехать в Кадакес. Я была удивлена, что он не остается в Париже.

— Нет, мы уезжаем завтра. Слишком много журналистов, слишком много суматохи. Я спешу вернуться домой. Я хочу увидеть жинест в цвету, первые вишни в Серете и спокойно поработать над моей трагедией. А вы, малышка, где вы собираетесь петь?

— В Венеции.

— Не забудьте посетить дворец Лаббиа и полюбоваться фресками Тьеполо. Там проходил бал Бестеги. Я вам рассказывал тысячу раз.

Я покинула его расстроенная. Мне казалось, что между нами вырастает пропасть. Мой брак должен был его очень разочаровать и даже травмировать, поскольку он его совсем не ожидал.

В Венеции по странной случайности меня интервьюировали во дворце Лаббиа. RAI (итальянское телевидение) установило камеры под великолепными плафонами, так восхищавшими Дали.

После турне по Италии мы сняли виллу в Сен-Тропезе на июнь и июль, разделив ее с друзьями Алена-Филиппа и Тьерри ле Люроном, думавшим только о том, чтобы куда-то пойти или организовать вечера на 12 персон. Мы ложились спать очень поздно и проводили полуденные часы возле бассейна. Однако вскоре я предоставила моих друзей их развлечениям, чтобы заняться живописью. Я не занималась живописью с начала моих турне и выступлений по телевизору, тогда как эта страсть была гораздо более значительной, чем пение. Моя манера сформировалась под большим влиянием Дали, и мне не удалось найти собственный стиль. Ему на самом деле удалось меня кретинизировать. Даже когда он был далеко от меня, он жил во мне. Я часто о нем думала, и мы продолжали созваниваться. Он спросил меня, будет ли мой брак длиться всегда. Я знала, что он и Гала, да и другие тоже, со дня на день ожидали сообщения о нашем разводе. Мои друзья и публика, казалось, потеряли меня со дня моего брака с Аленом-Филиппом, над которым итальянские газеты позволяли себе посмеиваться. Но я не была готова пожертвовать своей личной жизнью, чтобы сохранить сценический образ, который я, впрочем,

не любила. Тем хуже для фанов, тем хуже для журналистов! Я была влюблена и предпочитала своего мужа эфемерной славе, меня окружавшей.

В августе, как всегда, Дали попросил меня приехать в Порт Льигат. Я туда поехала одна и провела несколько дней с ним. Я вскользь увиделась с Галой перед ее отъездом в Пуболь. Дали ее пожурил, и она извинилась передо мной за жесткие слова в адрес моего мужа. Я совсем не хотела, чтобы она так унижалась, но Дали этого пожелал для гармоничности наших отношений. Он долго говорил со мной о муже и спросил меня, изменил ли мой брак что-то в нашей страсти. «Я вас люблю, как и раньше, — ответила я. — Просто, вместо того, чтобы не жить одной в Лондоне, я жила с парнем, которого любила. Это вовсе не значит, чтобы наша страсть должна была погаснуть. У вас же есть Гала и в то же время вы меня любите».

— Да, но мои отношения с Галой исключительны. Наш брак не такой, как у всех, мы живем не как большинство смертных…

— Мой брак тоже не такой, как у всех, — ответила я. — Успокойтесь, я вовсе не хочу становиться буржуазкой.

Мы еще долго спорили и уверяли друг друга во взаимной любви. Это было, однако, последнее безмятежное лето в его жизни.

Поглощенная своим счастьем и своими турне, я все реже и реже звонила моему старому другу и даже не провела с ним Рождество. В начале 80-х годов у него были серьезные проблемы в Нью-Йорке. Он обнаружил, что его дела идут плохо, что американская налоговая служба его преследует и что Гала дала большую сумму денег своему Джефу. Однажды утром агенты ФБР появились в «Сан-Режисе» и предписали ему немедленно покинуть Соединенные Штаты. Он не мог больше там работать, для него это была катастрофа, конец всех больших контрактов. Разорение. Нищета. Он ожидал худшего и погрузился в глубокую депрессию. Его положили в больницу в Марбелье, но он оттуда вышел, не вылечившись. Он страдал от кризисов депрессий, от приступов страха и его пугали воображаемые опасности. Сабатер с револьвером на перевязи обещал его защитить. На самом деле он терроризировал Дали. Врачи нашли у Дали болезнь Паркинсона, неизлечимую болезнь, от которой умер его отец.

Я обо всем этом не знала и выехала в Канны, чтобы представить документальный фильм, снятый во время моего прошлого турне, я собиралась его пустить в продажу на видеокассетах. Я вынуждена была проделать все то, что проделывали обычно звезды на Круазет, и я сфотографировалась на ступеньках дворца фестивалей, на пляже, давала интервью. Мы обедали прямо на песке вместе с мэром Канн и Франсиной

Вэйсвеллер, фотографы без конца меня дергали: «Аманда, посмотрите сюда! Аманда, посмотрите туда! Пожалуйста, улыбочку! Еще раз посмотрите туда…» Я покинула Канны более чем раздраженная, мне все опротивело.

Я услышала о болезни Дали по радио. Я тотчас же ему позвонила. Его голос был слабым и сорванным, он разговаривал со мной недолго. Гала пыталась меня успокоить, но я почувствовала, что она взволнована и устала от всего этого. В прессе публиковали вызывающие жалость фотографии Дали. Намекали на то, что Сабатер много приобрел во время болезни Дали, что он его полностью обокрал, что мэтр остался без гроша и что Гала много проиграла. Короче говоря, это был ужасный набор сплетен.

В это лето, к несчастью, я поехала в турне по Греции. Гала мне позвонила однажды вечером, когда я была в Афинах. Она рассказала, что Дали не хочет больше ни рисовать, ни читать, ни видеться с кем бы то ни было. Она расспросила меня о моем теперешнем положении и вдруг съязвила: — Все-таки ваш успех — это нечто странное. Вы так плохо поете. Я слушала вашу пластинку вчера вечером, можно было подумать, что это голос старого пьяницы. Когда я подумаю о таланте Джефа, я отказываюсь это понимать. Конечно, вы очень хитры… Я прочитала статьи о вас, когда шла к парикмахеру, здесь, в деревне. Вы постоянно говорите о Дали: Дали здесь, Дали там. В сущности, вами интересуются только из-за Дали.

Я была сбита с толку, но поняла, что она очень взволнована.

В другой раз Дали меня упрекнул, что я плохо говорила о Гале в одном интервью. Я не припоминаю, чтобы я дурно о ней отзывалась, и заверила его в своей лояльности, но Дали настаивал:

— Вы говорили о ней плохо. Мне это подтвердили. Я не буду вашим другом, если вы не будете уважать Галу. И вы это знаете.

Я легко представила себе все эти россказни и гадости, которые ему могли передать обо мне. Но в результате наши отношения стали еще более напряженными.

В ту зиму в Париже он представлял собой жалкое зрелище. Болезнь, казалось, все больше овладевала им. У него были кризисы настоящего безумия. Он ревел и жестикулировал, как одержимый. Потом он падал навзничь и отказывался подниматься. При свидетелях Гала поднимала его ударами палки, оскорбляя, упрекая в том, что он больше не работает, что он ни на что не годен. Как само собой разумеющееся, газеты поторопились обнародовать эти сцены, оснастив репортажи фотографиями, на которых было изображено, как Дали помогают выйти из ресторана случайные

знакомые. Как мог Дали, которого я так обожала, мой друг и учитель, дойти до такого! Сабатер был, наконец, уволен и заменен на Ля Верите, то есть графа дю Барри, ставшего секретарем Дали и занимавшегося отныне его контрактами. Дали был больше не способен подписывать контракты. Чтобы удостоверить документы и картины, у него брали отпечатки пальцев. Он боялся всего, отказывался принимать друзей и испускал животные крики, когда в его присутствии произносили слово «контракт». Он стал неузнаваем, похудел до невозможности. Его усы поседели и глаза погасли.

Я страдала от того, что не могу ему помочь. После того, что он сделал для меня за пятнадцать лет нашего знакомства, я хотела принести ему утешение, хоть немного воздать ему за его благодеяния. Но как я могла выполнить свое намерение, когда он затворил дверь перед всеми. В каждом городе Европы, где я пела, я расспрашивала специалистов о болезни Паркинсона. Но это ни к чему не привело. С одной стороны, Дали отказывался лечь в клинику. С другой, Гала плохо обращалась с ними: отсылала одного, критиковала другого, заявляла, что европейские врачи и в подметки не годятся американским. Иногда она долго разговаривала со мной по телефону, жаловалась на то, что Дали не хочет ни лечиться, ни бороться с болезнью. Она говорила, что это невыносимо, что она собирается уйти от него. Однажды она даже стала умолять меня ему помочь: — Вы наш единственный настоящий друг. Я нуждаюсь в вас. Приходите к Дали. Я знаю, что он не хочет, чтобы вы его видели в таком состоянии, но я с ним поговорю и попытаюсь его убедить. По крайней мере вы могли бы его развлечь, заставить выходить…

Но Дали выхватил трубку:

— Нет, я не хочу, чтобы вы меня сейчас видели. Нужно, чтобы вы сохранили в памяти мой прежний образ. Вы не должны разочароваться, увидев меня таким. Никогда. Я этого не вынесу.

В другой раз Гала плакала по телефону:

— Боже, какой конец… Какой упадок…

Она не знала, куда деться от всего этого:

— Я так хочу отдохнуть, но Дали не разрешает мне покидать его ни на минуту. Я не могу даже пойти к парикмахеру, я не выхожу из дома, я так больше не могу…

Я представляла себе ее отчаяние, вызванное ужасными сценами, спровоцированными Дали. Он никогда не был легким больным, а сейчас это должно было быть отвратительно. Он виделся только со своим кузеном Гонзало, с фотографом Дешарно и художником Антонио Питхотом. Когда дю Барри приносил контракт на подпись, ему приходилось общаться с

Галой, всегда жадной до наживы, и он подтверждал, что их финансовая ситуация была не такой уж ужасной.

В сентябре я улетела в Нью-Йорк, где должна была петь в «Сент», огромной дискотеке, расположенной в Виллеже. Это был триумф. Мой концерт собрал толпу молодежи, и я провела несколько чудесных дней. Телеграммы с поздравлениями приходили отовсюду — из Далласа, из Сан-Франциско. Мне предлагали другие концерты. Я увиделась с Майклом Стаутом, адвокатом Дали, который долго рассказывал мне о нем. Обслуга из «Сан-Режиса» расспрашивала меня о Дали, его здесь не забывали. Я позвонила ему, чтобы сообщить, что стала звездой и по ту сторону океана. Гала спросила меня, скоро ли я приеду. Я вдруг почувствовала свою вину. У меня возникло ощущение, что я бросаю Дали и Галу в то время, когда они так нуждаются в моем присутствии. Но я должна была быть на сцене… Как я могла поступить по-другому?

Первая выставка моих картин состоялась в октябре, в небольшой роттердамской галерее. Я выставила 15 полотен. Я так долго ждала этого события! Реакция окружающих была положительной, и я решила продолжать и сняла маленький зал в Сен-Жермен-де-Пре. Я не собиралась выставлять свои картины в предместье Сент-Оноре, где бы прежде всего обратили внимание на то, что это выставка скандально известной звезды. Я хотела остаться робкой дебютанткой, мечтала, чтобы на меня обратили внимание, как на художницу. Отзывы были хорошими, несмотря на то, что все указывали на влияние Дали. Критики забывали о том, что он мой учитель. Он был очень удивлен, узнав, что я выставила свои картины, ведь он всегда утверждал, что у женщин нет таланта. Но именно Дали помог мне развить мой талант! Можно только представить мою радость, когда одну мою картину купил бородатый месье, никогда не слыхавший обо мне. Он купил картину, потому что она ему понравилась, а не потому, что ее нарисовала звезда. Я чуть не бросилась ему на шею, испытав удовольствие гораздо более сильное, чем в те времена, когда я получила свой первый золотой диск. Успех выставки меня переполнил. Рожер Пейрефитт сочинил чудесный текст для приглашений. В благодарность я подарила ему небольшую картину, на которой был изображен Александр Великий. Друг Рожера, Ив Брайе, предложил мне выставиться в Большом Дворце, на Осеннем салоне. Я послала туда большое солнечное полотно, на котором был изображен Ален-Филипп со спины. Я нарисовала эту картину в Таормине, во время моего последнего сицилийского турне. Это было памятное турне, потому что у нас угнали грузовик с костюмами и инструментами…

Весной 1982 года я отправилась в турне по Латинской Америке. Я пела в Чили, КостаРике, Панаме, Эквадоре, в ужасных залах и плачевных условиях. К концу турне аргентинский импрессарио исчез, не заплатив, и мы вынуждены были возвращаться на собственные средства…

После этой неудачи я решила прекратить турне и уделить больше времени живописи. Я возбудила процесс против моей студии грамзаписи, и альбом в этом году не вышел. Теперь у меня было больше свободного времени, чтобы посвятить себя живописи. Я рисовала в Провансе, где решила провести отпуск, в Сен-Реми.

Гала сообщала мне все более и более печальные новости о Дали. Он отказывался есть, худел и все больше дрожал. Она сама была истощена и больна. В последний раз, когда она мне позвонила в июне, она без конца кашляла. Ей нужно было перейти на постельный режим, и я посоветовала ей хорошо отдохнуть. «Что будет делать Дали без вас? Подумайте об этом». Она прошептала, что я — его подруга, попросила, чтобы я его не забывала и главное, помнила о своем обещании. Несколько дней спустя дю Барри объявил мне о смерти Галы. Гала скончалась в Порт-Льигате и ее перевезли в Пуболь, где забальзамировали и положили в стеклянный гроб. Дали не хотел ее хоронить. Это было незаконно, но на это закрыли глаза. Я послала большой венок и выразила Дали свои соболезнования. Он меня поблагодарил, и я попыталась его утешить:

— Маленький Дали, не грустите…

Он меня прервал:

— Больше нет маленького Дали, все кончено. В настоящем все для меня кончено.

Смерть Галы была большой утратой для меня. У меня была такое чувство, как будто я потеряла бабушку, иногда ворчливую, но от которой я многому научилась.

О ней поползли ужасные слухи. Я могу сказать в отношении этого, что она была единственной законной женой, которая для счастья своего мужа не только приняла, но и покровительствовала его отношениям с другой женщиной, его «малышкой Амандой».

Для Дали это стало началом полного упадка. Он затворился в замке Пуболь и виделся только с художником Питхотом, каждый день приходившим к нему с визитом, и с Артуро, который каждый день проделывал путь из Кадакеса в Пуболь. Я часто звонила, чтобы узнать новости, но он редко подходил к трубке и говорил мало. Зато я долго разговаривала с Артуро и Питхотом, с которым Дали часто говорил обо мне. Он ему сказал: «Аманда единственная, с кем я не спал…» Он даже

попросил Питхота передать мне такое сообщение: «Когда ты увидишь Аманду, обязательно скажи ей, что я нашел свой золотой ключ». Питхот не понял это закодированное послание, но точно передал мне его.

Капитан Мур, экс-секретарь Дали, устроил в Перпиньяне большую выставку картин Дали из своей личной коллекции. Он пригласил меня на вернисаж, но я не смогла прийти. Я буквально с небес свалилась, когда Дали объявил поддельными некоторые из выставленных картин и потребовал их немедленного изъятия с выставки. Дело было очень шумным. Дали подал в суд на Капитана, назвав его фальсификатором. Капитан ответил, что самым большим фальсификатором является сам Дали и что он имеет доказательства того, что мэтр подписывал картины, которые не нарисовал. Дело все больше усложнялось, и на картины был наложен секвестр. В каталоге Дали увидел «Обнаженную Аманду» в позе Анжелики, которую признал фальшивой. Комиссар перпиньянской полиции попросил меня идентифицировать полотно, поскольку Капитан утверждал, что видел, как я позирую, добавив даже, что «Гала разорвала картину в порыве ревности» и что он должен был ее склеивать. Все это было неправдоподобно. Я колебалась. Я вспомнила, что Палома Пикассо доверительно рассказала мне, что она не прекращала удостоверять и каталогизировать картины отца после его смерти. Я не имела никакого желания заниматься тем же. В конце концов Капитан и Дали договорились, и из экспозиции было изъято только несколько полотен. Но эта история с подделками и сомнительными литографиями, подписанными белыми листами, на которую быстро откликнулись газеты, нанесла огромный вред репутации Дали. Он был окружен плохими советчиками и совершил несколько ошибок, побуждаемый к этому безучастным окружением.

В свою очередь я была раздосадована, обнаружив, что уже продают футболки с его «размякшими часами» и подписью, так же как и шнурки, носящие его имя. Может быть, он не знал ничего этого, закрывшись в замке Пуболь, безразличный ко всему. Он не принял даже членов своего «Общества», приехавших на автобусе поприветствовать его. Дали дотащился только до окна, за которым увидели его жалкий и изможденный силуэт, который потряс всех его друзей.

*** * ***

Я увиделась с ним только один раз. В июле 1982 года. Я снималась на телевидении в Мадриде, где в первый раз я должна была говорить о своей

живописи, показать небольшую картину и ее прокомментировать. Я использовала этот приезд, чтобы увидеть моего обожаемого Петинира и «Менины». На следующий день я уехала в Барселону, где большая ретроспектива Дали побила все рекорды. Несмотря на качество представленных полотен, выставка была претенциозной. Все дамы должны были оставить сумочки в гардеробе, мера, не применявшаяся даже в Прадо! Можно ли было внушать такой страх по отношению к произведениям «божественного Дали»!

Барселона, где я не была уже три года, не изменилась. Портье «Рица» спросил меня о сеньоре Дали. Я позвонила кузену Дали, Гонсало Серраклара, и Гонсало рассказал, что Дали выставил его за дверь и отказался принимать даже Людовика XIV. Для него ничего нельзя было сделать, потому что он не хотел никого видеть. Я заказала машину и отправилась в Пуболь, куда прибыла около 5 часов вечера с бьющимся сердцем. Деревушка всегда пахла коровьим навозом, да и замок тоже. Но портал, который я всегда видела открытым, был закрыт. Я позвала Артуро. Он страшно обрадовался моему приезду и обнял меня. Он немного постарел, но остался таким же смуглым. Я спросила его о Паките, поварихе. Артуро покачал головой: — Ах, сеньорита, все так изменилось, все не так, как раньше. Que disgrazia! (Какое несчастье). Я даже не знаю, захочет ли он вас видеть. Это совсем другой человек, он стал как животное…

Мы поднялись по ступенькам, заросшим мхом. Я заметила чудовищных слонов с журавлиными лапами, которых Дали сделал для Галы, и бассейн, украшенный керамическими бюстами Вагнера. Все было в запустении. Я подняла глаза. С потолка, с фрески, представлявшей собой наклеенный на потолок холст, Гала смотрела на меня, а вокруг нее летали ласточки. Вошла медсестра и взглянула на меня с любопытством. Вернулся Артуро и сообщил:

— Он только что проснулся после сиесты. Я сказал ему, что вы здесь, но он не понял. Он лежит на полу и не хочет вставать. Я не знаю, что делать.

Я попросила его настаивать, сказать Дали, что я только на секунду, что хочу только его обнять. Я знала, что ему было стыдно предстать передо мной старым и больным. Я обещала не смотреть. Наконец Артуро вернулся, улыбаясь. Дали захотел увидеть меня на минуту, но в полной темноте. Не нужно было, чтобы я его видела, и не нужно было сообщать об этом газетам.

Я вошла в гостиную, обставленную Галой. Окна были закрыты, и я еле

разглядела пианино и софу с красными подушечками около круглого стола со страусиными лапами и стеклянным помостом, позволявшим увидеть конюшню этажом ниже.

Дали сидел на стуле, но я с трудом угадывала его силуэт. Артуро закрыл дверь и вышел, и только тоненькая полоска света из-под двери позволила мне разглядеть, что на Дали был халат. Я села на софу, напротив стены с панно, нарисованным для того, чтобы скрыть радиатор, точно воспроизведенным Беа и переработанным Дали. После долгого молчания я заговорила, силясь обратиться к нему как можно нежнее, чтобы его не испугать.

— Здравствуйте, маленький Дали. Я приехала из Барселоны только на минуточку, чтобы с вами поздороваться, чтобы показать вам, что я вас не забываю. Дальше я поеду в машине до Перпиньяна, вы же помните, что я всегда еду через Перпиньян.

Мне показалось, что он кивнул. Он был так худ и истощен. Он сказал хрипловатым, ослабевшим голосом:

— Волосы, вы опять обрезали волосы…

— Да, немного, слегка, они были слишком длинными.

— Я бы предпочел, чтобы они были… длиннее. Вы меня видите?

Он забеспокоился.

— Нет, я вас совсем не вижу, не бойтесь. Здесь слишком темно. Почему вы не выходите? Там так солнечно…

Я пропела каталонскую песенку, которой он меня научил: «Sol solet vine ma veure, vine ma veure…»

— Нет, нет, — прервал меня он. — Я больше не хочу ни солнца, ни песен. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Скажите, чтобы меня не трогали.

Уже с большей силой он добавил:

— Весь мир мне осточертел. Все. Они мне навсегда осточертели. Я больше ничего не хочу. Вы всегда поете?

— Да, конечно. Мне нужно зарабатывать на жизнь, и еще я много рисую, все время рисую. Все, что вы мне посоветовали…

Темнота помешала мне увидеть, как он плачет.

— Какая жалость! — вздохнул он. — Было бы гораздо лучше не петь, не рисовать. Я хотел, чтобы вы стали принцессой, а не человеком искусства. Вы будете так страдать…

Мы долго молчали, друг напротив друга, в полутьме. Я слышала его дыхание, слышала, как он ерзает на своем стуле. Уходя, я не сдержалась и сказала ему:

— Я вас так любила, так сильно, если бы вы знали…

Он вздохнул:

— Yo tambien. (Я тоже)

Он взял меня за руку и сжал ее до боли. Я ощутила в ладони что-то твердое, его последний подарок. Я сжала в руках этот предмет, и Дали сказал:

— Теперь идите. Я должен остаться один. Я чувствую, что смерть скоро придет за мной. Да хранит вас Бог! Прощайте.

Я ушла, не оборачиваясь. Я не хотела видеть ужасающее зрелище старого скелетического тела, распростертого на земле и ожидающего смертного покоя. Но смерть не приходила к нему. Я выбежала из дома. Слезы струились у меня по щекам.

Только на улице при свете солнца я раскрыла ладонь, чтобы посмотреть, что за предмет дал мне Дали, его последний дар. Это было дерево Галы, кусочек дерева, приносящий счастье, с которым ни он, ни она не разлучались десятки лет. Теперь счастье оставило их, и он отдал мне то, что было для него дороже всего на свете.

*** * ***

Его агония длилась долго, до 1989 года. Гала умерла, он потерял свою последнюю опору и был отдан на растерзание своим фантазмам, ужасам, кошмарам и страху смерти.

Эта долгая агония стала пищей для масс-медиа и фотографов, Дали дошел до того, что организовал пресс-конференцию после пожара, от которого он пострадал, позировал в клинике с кислородной трубкой в носу, из чистой бравады…

Со временем я стала получать новости о нем только от Артуро и Питхота, они жаловались на его капризы и приступы безумия…

Когда пришла телеграмма, сообщавшая о его смерти, то в течение нескольких дней мой телефон не смолкал. Все мне звонили и интересовались его наследством, особенно немецкие журналисты. Что стало с его миллионами, с его картинами? Завещал ли он их мне? Я им отвечала, что у него не было больше миллионов, что даже его картины принадлежат Испании. И что я не его наследница. То, что Дали мне оставил, состояло из шестнадцати лет чудесных воспоминаний, счастливой возможности жить рядом с гением и маленьких секретов, касающихся живописи. Это было духовное наследство, но самое драгоценное на свете…

Моя печаль была безмерной, и я не присутствовала на похоронах, из которых сделали шоу. С одной стороны, туда шли, чтобы показать себя, а не отдать Дали последние почести; с другой — пренебрегли его последней волей: он хотел быть похороненным рядом с отцом, на кладбище Порт-Льигат, а его забальзамировали и положили в музее в Фигерасе. Он превратился в аттракцион.

Мне не хватает моего старого друга, и я попыталась воскресить его на страницах этой книги, он всегда здесь, рядом со мной, в моем сердце. Я слышу его, когда рисую. Он дает мне советы, когда я должна принять важное решение. Я сделала своим его метод критической паранойи, оценивающий положительно каждую вещь, и я счастлива благодаря этому методу…

Однажды ночью в Сен-Реми-де-Провансе мы организовали спиритический сеанс с несколькими друзьями. Сначала я смеялась и не верила в это. Но вдруг сигналы стали очень ясными и, к моему великому удивлению, Дали заговорил со мной. Он сообщил мне некоторые вещи, которые только я могла понять, заставил вспомнить Галу…

Позже в Лондоне специалисты по спиритизму отсоветовали мне продолжать эти эксперименты, опасные и часто фатальные. Я прекратила. Но теперь я знаю, что он, наконец, счастлив, освобожденный от пут того персонажа, который он сам из себя создал. Я продолжала свои занятия, от пластинки к пластинке, от Берлускони к TF1 (французское телевидение 1), от Италии к Провансу, так любимому мною, и я знаю, что, предложив мне свою любовь, Дали выделил меня из всех и что я сохраню это чувство нетронутым на всю жизнь.